

№ 9

Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ
с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ
АЗЕРБАЙДЖАНА

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

АНАР. Ночные мысли. Эссе (<i>Из неопубликованного</i>)	3
Ильгар ФАХМИ. Бакинская мозаика	43
Тофик АГАЕВ. <i>Афоризмы</i>	125

ПОЭЗИЯ

Инесса ЛОВКОВА. <i>Стихи</i>	38
Юлия СУББОТИНА. <i>Стихи</i>	112
Михаил ПАВЛОВ. <i>Стихи</i>	115
Ханну МЯКЕЛЯ. <i>Стихи</i>	127
Лееви ЛЕХТО. <i>Стихи</i>	131

ПУБЛИЦИСТИКА

Эльмира РАГИМОВА. Как в капле воды	34
Самира Мир-Багирзаде. Восток и Запад в романе Гурбана Саида «Али и Нино»	107
Эмиль АГАЕВ. Зачем нам внутренние враги? Нам хватает армян!	121
Жемчужины азербайджанской поэзии на берегах Финского залива	126

2015

Главный редактор	– Солмаз ИБРАГИМОВА
Зам.главного редактора	– Елизавета КАСУМОВА
Литсотрудники	– Диляра БАБАЗАДЕ, Егана МУСТАФАЕВА
Отдел прозы	– Надир АГАСИЕВ
Отдел поэзии	– Алина ТАЛЫБОВА
Отдел публицистики	– Ровшэн КАФАРОВ
Отдел подписки и рекламы	– Джамия ШАРИФОВА тел: (055) 846-98-49
Компьютерная верстка	– Натаван ХАЛИЛОВА
Корректор	– Анна КУЗЁМКИНА
Редакционная коллегия:	Эмиль АГАЕВ, Кямаля АГАЕВА, Гюльрух АЛИБЕЙЛИ, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелала ГАСАНЛИ, Александр ГРИЧ (Лос-Анджелес, США), Максуд ИБРАГИМБЕКОВ, Динара КАРАКМАЗЛИ, Сиявуш МАМЕДЗАДЕ, Азер МУСТАФАЗАДЕ, Эльчин ШЫХЛЫ
Литконсультант	– Натиг РАСУЛЗАДЕ
Ответственный секретарь	– Эльдар ШАРИФОВ-СЕЙШЕЛЬСКИЙ

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г в Министерстве
печати и информации Азербайджанской Республики

Регистр. № 352

Адрес редакции:

AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53

Электронный адрес: litaz@box.az

Тел: 493-75-81

Подписано в печать 19.08.2015г.

Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16

Печать офсетная, 8.25 печ. л.

Тираж 400

Отпечатано в типографии «OL»НКРТ ММС

Тел.: 497-36-23

Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

***Ранее опубликованные произведения редакцией
не рассматриваются***

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию «OL»НКРТ ММС

А Н А Р

НОЧНЫЕ МЫСЛИ

(Из неопубликованного)

* * *

Он сделал всем столько зла, что отомстить ему можно лишь таким же количеством добра по отношению к нему самому.

* * *

В советское время бытовала такая присказка. Вопрос: что общего между мухами и министрами? Ответ: обоих можно прихлопнуть газетой. В наше время этот ответ остается истиной только в отношении мух. Министров газетой не прихлопнешь и виноваты в этом прежде всего сами газеты. Сколько они излили лжи, небылиц, дезинформации, что даже более или менее объективным оценкам уже никто не верит и потому любые критические инвективы никому не угрожают. Никаких оргвыводов из подобных публикаций не делается, как это было в советское время. Министрам, да и любым должностным лицам все это до лампочки, как, впрочем, и обществу в целом.

* * *

Никогда, даже в советское время я не встречал такого агрессивного неприятия чужого мнения, как ныне, у наших доморощенных «демократов» и «плюралистов». Попробуй высказать мнение, не совпадающее с их замороженными убеждениями, тут же на тебя повесят всех собак страны и близкого зарубежья. И в одночасье в их медиа ты уже не писатель, не ученый, не интеллигент. Вообще ничто.

* * *

Порой бравурные заявления наших военных напоминают мне печально известные в свое время бесчисленные и нескончаемые «последние предупреждения» китайцев. В структурах власти, в том числе среди военных, немало лиц, сытых и пресыщенных чрезмерным богатством. Кому охота менять свое комфортное существование на дискомфорт, мягко выражаясь, батального столкновения с неизвестным исходом. Ради чего? Ради абстрактной идеи возвращения беженцев к родным очагам? Да и некоторые из беженцев, кажется, не рвутся возвращаться, после того, как многие из них неплохо обустроились в новых условиях вдали от своих малых родин.

Благополучным, обеспеченным и обустроенным неохота воевать. Война и самопожертвование – удел бедных, обездоленных. Бедные, неимущие могут пойти на рожон от отчаяния, а не по каким-либо иным патриотическим или патетическим причинам. Как говорится в нашей мудрой пословице: ас қiлiнса сарап (голодный может броситься и на меч).

3 апреля 2008

* * *

То же самое происходит и в мировом масштабе. ООН, Совет безопасности, различные Европейские организации принимают резолюции, осуждающие армянскую агрессию против Азербайджана, призывают Армению освободить оккупированные земли. «А Васька слушает, да ест».

Армения абсолютно не считается с этими документами, справедливо полагая, что они ничего не стоят, за ними нет никаких реальных действий. Это касается и позиций отдельных стран. Да, многие страны, в том числе и Россия, и Иран признают территориальную целостность Азербайджана. Ну и что? Если бы Армения, кичащаяся тем, что является форпостом России, в своем агрессивном высокомерии, в своем пренебрежительном отношении к этим декларативным заявлениям, не опиралась бы на военную защиту своей фактической метрополии, если бы не экономическое ее обеспечение со стороны Ирана, она вела бы себя совершенно по-другому. Но имея **рос-сийскую военную базу** на своей территории – гарант ее безопасности – и широкую торговлю с Ираном, Армения может совершенно не считаться с международным правом. Эту страну запленили иранские торговцы и, как говорят живые свидетели, на рынках Еревана азербайджанская речь слышится чаще, чем даже в советское время, (вплоть до изгнания всех азербайджанцев из мест своего исконного обитания в Армении). Среди этих торговцев немало наших сородичей – тюрков из Южного (Иранского) Азербайджана. Торговля превыше всего?

Также, несмотря на все притеснения и гонения, рынки матушки России, на всем ее необъятном пространстве, кишат азербайджанцами, устремившимся туда, разумеется, не от хорошей жизни.

Разве на дорогах Южного Азербайджана, ведущих напрямик в Армению, хоть раз наши соплеменники вышли с пикетами против направляющихся во враждебную нам страну трейлеров? Или, разве в любом русском городе азербайджанцы, представляющие, к слову, немалочисленную диаспору, хоть раз организовали митинг в поддержку своей покинутой Родины, с протестом против двойных стандартов в отношении гарабахского противостояния? Не было такого, и увы, не предвидится.

* * *

Нам грозят пальцем, «даже не думайте о военном решении проблемы, если осмелитесь на такое, увидите перед собой Нас». Хорошо, все мы за мир, все мы не хотим кровопролития, нам, естественно, не справиться с ядерной державой. Тогда, как же быть, если вопрос в течении уже трех десятилетий не решается за столом дипломатических переговоров? Смириться со свершившимся фактом, принять как должное статус кво, то есть согласиться с потерей двадцати процентов территории страны, наших исторических городов, колыбелей азербайджанской культуры?

Получается, что завоевание земель соседнего государства с помощью заемных сил – приемлемо с точки зрения мирового порядка, а попытки вернуть награбленное – осуждаются. Нас призывают к компромиссу. Какому, позвольте спросить? Уступить десять процентов нашей же территории, чтобы нам вернули другие десять?

Но кто услышит наши аргументы, нашу правду? Мировой порядок зиждется лишь на праве сильного и на страхе перед сильным. Очевидно, не быть большой державой, с могущественной армией – большой грех. Но ведь в мире существует в спокойствии и благоденствии огромное количество малых и средних государств, которым повезло с соседями, и на земли которых никто не зарится...

* * *

Мы должны считать своим врагом нынешний полуфашистский режим Армении, заквашенный на ненависти, ксенофобии, мстительности, злопамятности, на исторически беспочвенных территориальных притязаниях, режим, погрязший в коррупции, нетерпимый к инакомыслящим, изгнавший всех инородцев и превративший свою территорию в мононациональную страну, режим, оправдывающий моральный и физический террор. Но это неприятие нынешнего политического режима Армении, никоим образом не должно относиться к армянскому народу в целом. Если мы хотим решать гарабахскую проблему не военным, а мирным, дипломатическим путем, то какой выбор мы оставляем гарабахским армянам – жить в составе государства, которое априори считает их всех злейшими врагами? Наша пропаганда, да и политика, должны строиться не на ненависти к армянскому народу, в первую очередь к армянам Гарабаха, а на разъяснении того, что нынешняя стратегия Армении – аншлюс Гарабаха – зло, прежде всего для самого армянского народа, как в самой Армении, так и в Гарабахе. Эта гибельная политика обрекает армян на изолированное прозябание во имя химерических идей и служит лишь обогащению кучки гарабахских карьеристов, пришедших к власти на крови не только азербайджанцев, но и армян, вовлекших, во имя собственных амбиций, целый народ в бесперспективную и обреченную авантюру. Заикливая сознание нации на так называемом «геноциде» столетней давности, эти люди обрекают свой собственный народ на экономический и духовный геноцид в настоящем и демографическое истощение в будущем.

19 апреля 2008

* * *

Беда армян в том, что они всегда смотрят в Прошлое, не думая о Будущем. Они живут Прошлым, смакуют свои подлинные или мнимые бедствия в Истории и совершенно не задумываются о Грядущем, когда – если не им, то их детям – придется жить в окружении соседей, в которых они хотят видеть только врагов. И детей готовят в Будущее как мстителей за Прошлое, не задумываясь о том, что этим они мстят, прежде всего, самим себе, своими Будущему.

* * *

Нацисты с их бредовой идеологией о Высшей расе, изгнали из Германии сотни тысяч, миллионы «неарийцев». В числе изгнанных был и всемирно известный австрийский писатель, еврей по происхождению Стефан Цвейг, поселившийся с семьей в одной из стран Латинской Америки. Одним из основных идеологов подобного изгнания был доктор Йозеф Геббельс, кстати, несостоявшийся писатель, автор романа «Эмиль».

Стефан Цвейг с супругой совершили двойное самоубийство. Спустя несколько лет семейный суицид совершила семья Геббельса. Одновременно покончили с собой Геббельс и его супруга – фанатичка, предварительно умертвившая своих малолетних детей. Они совершили этот страшный акт не только из-за боязни, что детей с этой фамилией ожидает страшная судьба. Хотя, если бы дети Геббельсов попали не в лапы сталинского режима, а в зону западных стран, они возможно, под другой фамилией, прожили бы еще долгую жизнь. Догадывались ли об этом детоубийцы? Возможно, и догадывались, но для них важнее было другое. Они не хотели, чтобы их чада жили

в мире, вовсе не похожем на тот, которой они пытались создать, в мире, который им, родителям, казался единственно приемлемым для чистокровных немцев. И во имя этой нетерпимости к иному способу существования, они совершили чудовищный поступок, перед которым меркнут даже ужасные деяния античной Медеи.

20 апреля 2008

Однажды в Турции журналист, бравший у меня интервью, вдруг задал неожиданный и странный вопрос: «Были ли в вашей жизни опасные моменты, то есть моменты, когда вы стояли лицом к лицу со смертью?» Говоря по правде, я никогда не задумывался об этом и потому не смог ничего путного ответить журналисту. Но однажды ночью почему-то вспомнился этот вопрос, я стал думать о разных эпизодах своей жизни и обнаружил, что такие смертельно опасные мгновения в моей биографии все же были. И по мере того, как я оживлял в своей памяти эти события, невольно возникала картина четырех стихий: земли, воды, огня и воздуха. Так, кстати, назывался мой первый сценарий, по которому был снят фильм «Земля. Море. Огонь. Небо».

Один из таких «пограничных» эпизодов был связан с поездкой в Афганистан в разгар войны. Войны, развязанной с вводом в эту страну советских войск. В Кабуле мы – пять членов советской делегации – жили в отеле «Хилтон» и были единственными постояльцами этого многоэтажного здания. Каждую ночь вокруг отеля раздавалась стрельба, слышны были совсем близко автоматные очереди. Мы не знали, пытались ли «душманы» (как их называла советская пропаганда) ворваться в отель или его защищали от нападающих. А может, просто забавлялись.

Один из членов нашей делегации, который отравился, был уверен, что его намеренно отравили едой. Но это еще не самое страшное. В день национального праздника страны мы стояли на трибуне рядом с руководителями Афганистана. Президента страны Бабрака Кармаля я видел совсем вблизи, у него было очень напряженное лицо, испуганные глаза, будто он каждую минуту ожидал чего-то страшного. Напротив, у вальяжного премьер-министра Кештманда было спокойное, холеное лицо и он чем-то напоминал мне нашего известного композитора Султана Гаджибекова. Рядом стоял Барялай, брат Бабрака Кармаля, министр чего-то, и мадам Ратебзанд, активистка женского движения, член Политбюро и, по слухам, любовница Кармаля. Был там и советский посол Фикрет Табеев (бывший Первый секретарь Татарского обкома).

По советским традициям сперва был военный парад, потом демонстрация трудящихся. Когда все завершилось, руководители сели в свои лимузины и отчалили. За ними к своим машинам подтянулись и мы, и в этот момент на трибуне, где мы только что стояли, раздался оглушительный взрыв огромной силы. Трибуна взлетела в воздух. Потом нам объясняли, что целью организаторов взрыва было не убийство руководства и советской делегации. Просто пытались нас запугать. Испугались ли мы? Не могу однозначно ответить на этот вопрос. В тот момент была лишь одна мысль, хорошо, что с нами ничего не случилось, хорошо, что мы остались живы. Если этот эпизод не связан непосредственно с почвой, он, во всяком случае, произошел на ЗЕМЛЕ.

Другой случай связан с ВОДОЙ. В Закатале проводился семинар молодежи. Начальник милиции района пригласил нас с писателем Эльчином и композитором Хайямом Мирзаде на пикник у знаменитого закатальского водопада. Возвращаясь на «уазике» и переезжая реку, мы были мгновенно застигнуты сильным ливнем, и тот-

час на нас понесся мощный селевой поток. Случилось это так внезапно, что мы едва успели открыть двери и выскочить из машины. Потоки воды проходили через открытые двери машины. Задержись мы на секунду, при закрытых дверях, поток снес бы машину вместе с нами. Мы еле добрались до берега.

Однажды моя дочь Гюнель ночевала у нас. Она уже давно жила в своей квартире, но почему-то именно в эту ночь решила остаться у нас. Или, может быть, это было predetermined свыше. Она улеглась в другой комнате, и среди ночи я услышал ее крик, она звала меня. Проснувшись, я быстро направился в ту комнату. Из счетчика, который был у входа в эту комнату, поднималось пламя. ОГОНЬ разгорался, через несколько секунд пламя охватило бы занавески, затем книги и всю квартиру. И мы, спящие в другой комнате, заживо сгорели бы или задохнулись от угарного дыма. Пока дочка звонила пожарным, я наполнил ведро водой и с некоторого расстояния плеснул на огонь. Огонь стих. Это был чисто импульсивный поступок, лишь позже я задумался о том, что если бы я каким-то образом состыковался с водой и огнем, я тут же превратился бы в головешку.

Во время поездки в США нашей делегации предложили два варианта – пойти на встречу со студентами университета или слетать на морскую нефтяную платформу. Директор завода морских оснований Фаиг Султанов решил полететь на платформу. Я присоединился к нему. И вот мы уже в кабине вертолета, летим в сторону платформы в Мексиканском заливе. Вертолет в воздухе, и со всех сторон сверкают молнии. Я спросил у Фаига: «А вы летаете в такую погоду?» С некоторой заминкой он ответил утвердительно. В общем, мы благополучно сели на платформу. Фаиг был как-то необычайно сосредоточен, казалось, он не очень интересовался структурой платформы, которую так хотел увидеть. Спустя некоторое время при все тех же погодных условиях – гром и молния вокруг вертолета – мы вернулись обратно. И лишь когда мы ступили на землю, Фаиг, глубоко вздохнув, сказал: я все время молился, чтобы мы вернулись живыми. Думал, ну, хорошо, я – специалист, мне интересно, как американцы бурят в море, а он (то есть я, Анар) причем? Мы же никогда даже не думаем летать в такую погоду.

Еще один риск, связанный с НЕБОМ. Мы возвращались из Италии, был ноябрь. Подлетая к Москве, объявили, что Шереметьево не принимает по погодным условиям и мы приземлимся в Ленинграде. Спустя еще час объявили, что мы все же сядем в Москве, и только тогда, выйдя из самолета, мы узнали, что оказывается, не открывалось шасси, обледенело.

И, наконец, еще один «небесный» эпизод, закончившийся, увы, трагически для моих близких друзей по депутатству. Тофиг Исмаилов только что был назначен на должность Государственного секретаря. Я был на поминках в годовщину смерти его матери. Когда я уходил, Тофик вышел провожать меня и сказал, что завтра летит в Гарабах, послезавтра вернется и в тот же день мы встретимся. Есть важные вопросы, которые мы должны обсудить. Уже позже я подумал, если бы Тофиг предложил и мне полететь с ними, я бы не отказался.

На следующий день их вертолет потерпел катастрофу (или был сбит) в небе Гарабаха и все его пассажиры, в том числе, мои друзья-депутаты – Тофик Исмаилов и Вели Мамедов – погибли.

* * *

Главное для меня сейчас – успеть. Успеть сделать то, что намечено и оставить

после себя все, что задумано. Я боюсь не смерти, а ее внезапности, того, что она может застать меня врасплох, не дав возможность завершить начатое. Смыслом всей моей жизни была литературная работа, и ее-то я боюсь не успеть довести до желаемого мной конца. А впрочем, существует ли конец этой работы? Мысль ведь неостановима, за воплощением одного замысла возникают контуры другого. Если все же не успеть, не следует сетовать. Видимо, столько и было отпущено, заложено, запрограммировано, закодировано, предназначено было сделать. Не больше и не меньше.

* * *

Я работаю для Будущего, но не с самодовольной иллюзией, что меня оценят в Грядущем. Я, к счастью, не страдаю манией величия. Говоря так, я имею в виду, что многое из того, что я пишу и делаю – рассчитано на Будущее, оно, по моему глубокому убеждению (если конечно, История не сыграет с нами злую шутку), осуществится именно через много лет. Это убеждение основывается на том, что многое, о чем я задумывался, писал в прошедшие годы, осуществляется сегодня, на моих глазах. Многие из того, на что я привлекал внимание общества в былые годы – Гобустан, Ичери шехер, Деде Горгуд, Огузская поэзия, ковер, мугамы – из сферы интересов отдельных специалистов и исполнителей стали достоянием всего общества, стали визитной карточкой страны для остального мира, стали даже модными брендами. Пусть это не звучит нескромно, но мне удалось по-новому взглянуть на творчество М.Дж.Мамедгулузаде в Азербайджане и на трагическую личность Назыма Хикмета в Турции. Три тома книги «Литература, Искусство, Культура (ЛИК) Азербайджана» посвящены тому, что нам дорого, важно, перспективно из эстетических и нравственных ценностей Прошлого и Настоящего в нашей духовной жизни как нации, чем мы можем гордиться и что пригодится нам в Будущем.

* * *

ЛИК – книга всей моей жизни не только по длинному хронологическому отрезку создания входящих в него текстов, эссе и статей (в этом смысле она писалась в течении 55-ти лет). Это книга (все три тома я считаю одной большой книгой) моей жизни еще и потому, что она не только о других, но и обо мне самом, о моем восприятии и понимании классиков и современников, о моем посильном участии в судьбе общества, в котором я существую, и народа, к которому принадлежу.

В течение всей творческой жизни я пользовался определенным методом работы: вначале собирал документальный материал, факты, воспоминания современников и свидетельства участников событий, прежде чем приступить к чисто беллетристическому освоению темы. Таким образом, в разное время появились несколько моих произведений документально-мемуарного характера. Общее у этих произведений с ЛИКом то, что у них единый герой – Время.

В очень раннем возрасте, вступив на литературную стезю, я мечтал написать большой семейный роман типа «Саги о Форсайтах», «Семьи Тибо» или «Будденброков». Конечно, я знаю, что это не самые великие книги западной литературы и, скажем, «Будденброки» не лучший роман Томаса Манна, автора «Доктора Фауста». Но мне хотелось создать семейный роман именно такого типа, взяв за основу судьбу нашей собственной семьи. Представители нашего рода – Мамедханлы со стороны отца и Рафибейли со стороны матери, начиная с моих прадедов и дедов, включая моих родителей, да и я сам, принимали участие во многих значительных событиях об-

щественно-политической и культурной жизни страны. Таким образом семейная история могла бы перерасти в более широкую и масштабную панораму, отображающую судьбу нашего народа в течении всего XX века, с отступлением в век XIX и с небольшой зацепкой XXI столетия.

Удастся ли мне воплотить в реальность эту грандиозную затею? Не знаю. Сроки сильно поджимают. Я не люблю и не хочу кокетничать со смертью, постоянно говорить и писать о ней. Хотя великий Назым Хикмет считал, что бояться смерти или думать о ней не стыдно. Во всяком случае, у меня предчувствие, что я не буду болеть долго и нудно, в тягость близким, а уйду внезапно и сразу от сердечной недостаточности. Когда это произойдет – ведомо одному Богу. Вернее, это в воле Бога. Надеюсь, не скоро.

* * *

«Жизнь прошла, настало время рассказать о ней».

Этой фразой я когда-то завершал свои «Ночные мысли», видимо, не догадываясь, что и жизнь будет продолжаться, и новые мысли не перестанут возникать. А вот рассказать о прожитой жизни пока никак не получается. Жизнь все время отвлекает меня от рассказа о ней. Впрочем, все, что мы пишем, разве не есть рассказ о нашей жизни в ее различных модификациях, проявлениях и формах отражения. Я прожил, в общем-то, весьма насыщенную жизнь. Вот написал эту фразу и задумался. Верна ли эта оценка? Ведь в этой жизни не было больших материальных затруднений, не было социальных катаклизмов, войн, ссылок, революционных потрясений. И сума, и тюрьма миновали меня. Я не выбивался из грязи в князи и прожил в целом элитарную жизнь, обогащенную книгами, фильмами, музыкой и живописью, путешествиями, встречами с интересными людьми. Но разве в ней не было страданий, тоски, одиночества, горечи потерь, предательства «друзей», подлости врагов? Сколько обид за несправедливость, клевету, моральное преследование накопилось за долгие годы. Какое тяжкое «бремя понимания» и непонимания пришлось нести.

Не говоря уже о национальных бедствиях, трагедиях, об удрушающей мысли системы в Прошлом, и давящей бездуховности, пошлости и цинизма в Настоящем.

Читал и не дочитал Пелевина. Еще раз убедился, что в наши дни пиар важнее таланта. Пиар может превратить любого писателя в кумира читателей, сделать его одним из самых популярных и читаемых. Его ранняя повесть «Чапаев и Пустота» привлекла внимание эпатажностью. Но эпатаж приедается, а настоящее искусство требует «полной гибели всерьез». Недавно в «Литературной газете» прочел статью, в которой говорится, что, видимо, в свое время переоценили Пелевина, оказалось, что ему нечего сказать, «Пелевин и Пустота» – выносит свой вердикт автор.

Запоздалое протрезвление. Видимо, такая же переоценка произойдет (или уже произошла) и в связи с некоторыми другими модными писателями России и Запада. Чьи же ботинки станут лизать наши псевдомодернисты, готовые отрицать всю нашу национальную литературу ради пресмыкания перед чужими однодневками? Причина еще и в том, что у многих из них нет солидной литературной базы. Не освоив толком (если вообще читали) Гоголя, Толстого, Достоевского, Тургенева, Чехова, Бальзака, Стендаля, Флобера, Диккенса, М.Пруста, начинать с интернетовских «новинок» – это и приводит к такому печальному результату.

* * *

Видимо, у меня есть определенная тяга к мистицизму, что нашло отражение и в некоторых произведениях (Повести «Контакт», «Амулет от сглаза», рассказы «Наваждение», «Красный лимузин» и написанный по его мотивам сценарий «Преследование», радиопьеса «Тьма»), финальные сцены романа «Шестой этаж пятиэтажного дома» и повести «Комната в отеле»). Наверное, это стало основанием для слухов о мистических событиях в моей собственной реальной жизни. К примеру, совершенно разные люди рассказывали и верили в свой рассказ, будто однажды я, проезжая на машине, встретил девушку, которая попросила подвезти ее и дрожала от холода. Будто я одолжил ей свой пиджак и довез ее до дома. Когда же на следующий день я явился за своим пиджаком, выяснилось, что девушка эта давно умерла, а мой пиджак висел над ее могилой. Эта небылица была даже опубликована в какой-то газете и меня всерьез спрашивали: было ли такое? Конечно, ничего подобного никогда не было, – отвечал я, тем не менее, в течении многих лет эта выдумка муссировалась устно. Но самое странное в этой истории заключается в том, что однажды, много лет спустя после появления этой чепухи, я прочел в газете «Бакинский рабочий» от 29 ноября 1990 года такую заметку:

«Виндхук. Слухами о привидении, которое охотится за убийцами девушки по имени Мария, наводнен населенный мексиканцами район на окраине столицы Намибии – Виндхука. Некоторое время назад там три неустановленных преступника задушили несчастную проводом. Вскоре после этого происшествия в один из клубов города заглянула особа приятной наружности. Она охотно приняла ухаживания мужчины, которого подозревали в убийстве. Уходя, она на прощание сообщила свой адрес. И ушла в его пиджаке. На следующий день поклонник явился по указанному адресу. Это оказался дом родителей Марии. Они долги и безуспешно убеждали волокиту, что в глаза не видели описанную им «ночную красавицу», а их несчастной дочери нет в живых. В конце концов родители повели настойчивого ухажера на кладбище. Каков же был ужас мужчины, когда на могиле девушки он увидел свой пиджак».

Так как история, якобы, связанная со мной, распространилась за много лет до этой публикации, я начал всерьез раздумывать – бродячий ли это какой-то литературный сюжет, который кочует из страны в страну? Тем не менее, где Баку, а где южная оконечность африканского континента? – Реальная ли это история, имеющая под собой основу? Или и впрямь есть что-то мистическое и потустороннее во всем этом? Кто знает...

* * *

В определенном смысле он может быть и умен. Но не мудр. Возможно, в какой-то мере, способен. Но не талантлив. Порой любопытен, но не интересен как личность. Незауряден, но не ярок. Не мелок, но мелочен. Одним словом современный стереотип. Ничего выше стандартного мышления, и в рассуждениях – сплошные трюизмы.

20 апреля 2008

* * *

Ценят только оборотней, даже зная, что оборотень завтра может вновь стать

перевертышем. Видимо, комфортнее иметь дело с замаранными людьми (они в определенной степени уязвимы. Их можно держать на крючке), чем с непорочными и потому независимыми.

* * *

Вести себя относительно лояльно в социуме позволяет быть бескомпромиссным в духовной сфере. Некоторая, по крайней мере, индифферентность в общественно-политической жизни – страхует неуступчивость в принципиальных вопросах творчества.

16 мая 2008

* * *

О «Белом овне, черном овне» было написано немало толковых и пронзительных статей. Но, мне кажется, никто не отметил, что это не только утопическая и антиутопическая повесть (кстати уникальная в этом тандеме утопии и антиутопии), но и сугубо урбанистическое произведение, в котором в качестве главного героя, как в позитивном, так и в негативном отображении, выступает сам Город, как таковой.

21 января 2009

* * *

Одна из уникальных особенностей поэтики Назыма Хикмета является способность вместить в несколько слов разные понятия. «В фойе больших отелей мы с Гильеном глотками пили тоску» (цитирую по памяти). Другой поэт написал бы, что мы в фойе больших отелей пили кофе вместе с Гильеном и тосковали по родине. Еще один поэт написал бы, возможно, о той тоске, которая гложет обоих изгнанников, без всякого отеля и кофе. Но Назым одновременно создает и картину – фойе большого отеля, – а отели всегда чужое пространство, – сидят два поэта-изгнанника и за чашкой кофе делятся своей тоской.

* * *

История литературы знает разные ипостаси реализма: критический, социалистический, магический реализм, неореализм. Конец XX – начала XXI века познакомил нас с еще одной разновидностью реализма – филологическим реализмом. Именно методом филологического реализма созданы романы «Имя розы» итальянца Умберто Эко, «Хазарский словарь» серба Милорада Павича.

Умберто Эко – ученый-медиаист, свои огромные познания в области европейского средневековья, богословия, философии выстроил вокруг весьма условного детективного сюжета. Нечто подобное видим и в романа «Хазарский словарь» М.Павича. Ю.Лотман определяет этот метод в ключе семиотики.

У.Эко отмечает, что писатели его поколения по молодости лет отрицали всю предшествующую им классику, в том числе, творчество автора «Леопарда» Лампедузы, хотя, сейчас, переболев детской болезнью всеотрицания, он соглашается, что «Лампедуза написал прекрасный роман, хотя и ошибся веками».

А мне кажется, что Лампедуза не ошибся веками, в XX столетии он сознательно написал великий роман XIX века, которого в итальянской литературе того века не

было (как, скажем, во французской, русской или английской литературах). Тем самым он как бы восполнил исторический пробел в отечественной прозе.

* * *

«У меня такое чувство, что в наше время всякий раз, когда хотят что-то похвалить, к тому же пытаются продвинуть это в глубь веков. Сперва это применялось к писателям и художникам последнего двадцатилетия, потом мало-помалу распространилось и на начало века, затем еще дальше, – пишет У.Эко и иронически добавляет: – остановка не предвидится и скоро категория постмодернизма захватит Гомера».

Переходя далее к авангарду (модернизму), итальянский писатель отмечает: «Авангард разрушает, деформируя прошлое. Но наступает предел, когда авангарду (модернизму) дальше идти некуда. Постмодернизм – это ответ модернизму. Раз уж прошлое невозможно уничтожить, ибо его уничтожение ведет к немоте, его надо переосмыслить, иронично, без наивности».

И в самом деле, модернизм в своих крайних проявлениях – это «глубокомысленная» строка из стихотворения Гертруды Стайн: «Роза есть роза, есть роза, есть роза, есть роза».

Или пресловутый «Черный квадрат» К.Малевича. Можно придумать сотни умных, разумных или же заумных доводов, чтобы объяснить значение этой картины в истории изобразительного искусства, как своеобразного манифеста современного творчества, как философского выражения пустоты, бессмыслицы бытия, как этапного произведения в поступательном движении живописи от реализма к абстракционизму и т.д и т.п. Все это более или менее приемлемо, но когда молодой азербайджанский художник-модернист провозглашает с телевизионного экрана, что он получает бóльшее эстетическое удовольствие от Черного квадрата, чем от картины Рембрандта, это ничем иным, кроме незрелого провинциального снобизма, назвать нельзя.

В музыке это «сочинение» американского композитора Кейджа «4 минуты 33 секунды». В течение этого времени музыкант сидит, не прикасаясь к инструменту. Был еще европейский живописец, имя которого я запомнил, который выставил пустой холст в раме. Был еще русский поэт Крученых начала XX века, со строками «дыр бул шил». Как все это напоминает некоторые «художественные упражнения» наших доморощенных «постмодернистов», для которых эхо далеких западных чудачеств докатилось только в наши дни. Вспоминается анекдот: – Зачем ты сегодня утром стал избивать своего знакомого еврея, с которым мирно соседствовал много лет? – Потому что евреи распяли Христа. – Так это же было 2000 лет тому назад. – Но я узнал об этом только сегодня утром.

* * *

Кстати, в романе У. Эко есть и такой пассаж: «они сходились по ночам в подземелье, брали новорожденного младенца и бросали его друг другу, пока он не погибал от ушибов или от чего иного. И кому он доставался живым последним, в чьих руках испускал дух, тот становился главарем секты». И тело младенца, растерзав, замешивали в тесто, чтобы готовить святоестественные блюда».

Все это совершалось армянскими епископами из секты, жившими много столетий назад. Как тут не вспомнить изуверства террориста Зория Балаяна, поступавшего

таким же образом с азербайджанскими детьми и наблюдавшего за их мучительной агонией глазами «врача-профессионала». А упоминание о «бородатых армянских женщинах» в романе «Имя розы» воскресило в моей памяти бородатую победительницу Евровидения Кончиту (*Поздняя вставка*).

Более подробно о романе Умберто Эко я пишу в эссе, посвященном турецкому писателю Орхану Памуку.

2 августа 2008

* * *

Умер А.Солженицын. Как бы ни оценивать его в окончательном итоге (безусловно, эту оценку даст история) – он несомненно был одним из тех, кто изменил мир, одним из самых великих, бесстрашных и негибких тираноборцев. Он был мужественным борцом за Истину, независимо от того, как он эту Истину понимал и осознавал. Как заметил Андре Жид по другому поводу: «Верьте тем, кто ищет правду и сомневайтесь в тех, кто нашел ее».

Солженицын пытался изменить мир, но что изменилось в России и во всем постсоветском пространстве? «Жить не по лжи» призывал Александр Исаевич, но по-прежнему ложь, лицемерие, угнетение, неравенство, культ силы доминируют в обществе. Коррупция, наглость нуворишей, бесправие обездоленных остаются как прежде, вернее, все это увеличилось во стократ. И в России, и в некоторых независимых государствах постсоветского пространства возник чудовищный симбиоз самого кондового советского менталитета с уродливыми нравами дикого капитализма. А Запад? Он ныне более, чем когда-либо в прошлом, оправдывает однозначные и лапидарные определения советской пропаганды: «загнивает». Он действительно гниет, ибо самые низменные отношения, которые испокон веков осуждались, как порок, возводятся в ценности, во имя чисто декоративной демократии и фальшивой толерантности. Запад стал заложником свободы слова, даже если эта «свобода» подтачивает основы его существования, как политической системы. Он хорохорится, не решаясь ни на какой разумный, оправданный шаг, часто действует вслепую, импульсивно, непродуманно, как в ряде ближневосточных авантюр, но опять пасует перед силой и злом, как в свое время уступал напору Гитлера, пока аппетиты последнего не коснулись самой сути существования Франции, Великобритании и большинства европейских стран.

* * *

К этим мыслям, записанным еще несколько лет назад, хочется добавить и некоторые рассуждения, связанные с сегодняшним отношением к Солженицыну в ряде средств массовой информации России. В ставшей явно армянофильским рупором «Литературной газете» нападки на великого писателя приобретают вовсе неприличный характер. Уничижительно обзывая его «певцом ГУЛАГа», явно мухлюют. Солженицын был не певцом советских тюрем и концлагерей, а человеком, донесшим правду о них до всего мира. Этого-то ему и не прощают. Будто и не было миллионов осужденных, замученных, загубленных, расстрелянных, превращенных в лагерную пыль. Будто правда о преступлениях сталинского режима унижает Россию, а ее величие, якобы, должно строиться на сокрытии всех подобных фактов. Передачи ведущего Владимира Соловьева и иже с ним на других телеканалах, возвращают общественное со-

знание даже не в догорбачевскую и доельцинскую эпоху, а в дохрущевскую эру. Происходит открытая или подспудная ревизия решений XX съезда КПСС, фактическая реабилитация сталинских репрессий.

В современном общественном сознании России зреет даже тенденция возвращения в эпоху допетровской Руси, наглухо заколотив окно, которое Петр Первый прорубил в Европу.

Не только прощая Сталину все преступления против собственного советского народа, вернее, замалчивая их, но даже оправдывая необходимостью, восхваляют «вождя народов» за победу над фашизмом, будто режим, установленный им, не был похож на тот же фашизм. Разница в том, что Гитлер уничтожал другие народы якобы во имя своего народа, а Сталин уничтожал собственный народ во имя личного императорского всемогущества. Я знаю, найдутся люди, которые сочтут кощунственным сравнение Сталина с Гитлером. Ведь генералиссимус одолел фюрера и спас мир от коричневой чумы. Неизвестно только, чем красный рак лучше коричневой чумы. В этом смысле, наверное, стоило бы воздать хвалу одному гангстеру, скажем Аль Капоне за то, что он уничтожил другого гангстера.

Самая большая заслуга Сталина в глазах современных «державников» заключается в том, что он сохранил, расширил, укрепил Империю. Будто империя, как чисто территориальное понятие, гораздо важнее населяющих ее народов, в том числе, и великого и поистине многострадального русского народа. Всерьез обсуждается вопрос возвращения на Лубянскую площадь памятника кровавому палачу Дзержинскому. Тогда почему же не поставить памятник и Берии, Ягоде, Ежову. Боюсь, дойдут и до этого. Когда смотришь подобные передачи, такое ощущение, что на наших глазах осуществляется реванш ГКЧП за неудачную и несостоявшуюся в свое время попытку захватить власть.

Вообще подобные передачи строятся весьма своеобразно. Приглашают восемьдесят одинаково думающих людей и они, перебивая друг друга, утверждают одно и то же. А единственному приглашенному якобы для разномыслия оппоненту не дают даже рта раскрыть. Тот несчастный не успевает высказать хоть одну фразу до конца, как на него сразу набрасываются все остальные, и в первую очередь сам модератор, которого можно назвать кем угодно, только не объективным ведущим, призванным дать возможность высказаться и инакомыслящим (вернее, единственному инакомыслящему).

* * *

Читаю в газете и глазам не верю, На иконе, или на том, что ее заменяет – Лик Девы Марии и Сталин в форме генералиссимуса вместе со всеми маршалами Победы. Еще немного, и его канонизируют, как святого. И это Сталина, который руководствуясь марксистской формулой «религия – опиум для народа», безжалостно преследовал всякие проявления религиозных чувств, жестоко карал священнослужителей, уничтожал храмы. Во время его царствования 5 декабря 1931-го года был взорван Храм Христа Спасителя в Москве, а в 1937-1938 годах под Москвой в районе Бутовского полигона были расстреляны около 5 тысяч священнослужителей. И только в годы Великой Отечественной войны, осознав влияние и авторитет Церкви, Сталин стал пользоваться ее услугами. Ныне некоторые коммунисты-атеисты, совершив поразительную метаморфозу, стали более православными, чем сам Патриарх Всея Руси. Один из таких новообращенных даже заявил, что Сталину можно простить все его

преступления перед собственным народом за победу в ВОВ. То, что до этого он уничтожил тридцать миллионов своих сограждан, а в войне погибло примерно такое же количество людей – не в счет. «Какие 60 миллионов», – возмутятся сталинисты, – «может быть, от силы 55 миллионов». Что же, и на этом спасибо Отцу народов.

* * *

Сегодня на Западе нет влиятельной политической фигуры, равной Рузвельту, Черчиллю, Де Голлю или Аденауэру, которая до конца осознала бы вызов и приняла адекватные меры для предотвращения смертельной угрозы. Не говоря о дальновидности и мудрости, ни у кого из нынешних западных лидеров нет даже решительности Джона Кеннеди, Рональда Рейгана, Маргарет Тэтчер.

* * *

«Красота спасет мир», – полагал Достоевский. Откровенно говоря, в это мало верится. Красота бессильна перед силой (простите за тавтологию). Силой слепой, необузданной, нерассуждающей, чуждой таким понятиям, как совесть и справедливость. Красота вряд ли спасет мир, но Сила вполне может разрушить его.

* * *

В средствах массовой информации России стала уже аксимой мысль, что после распада СССР Россия перестала быть сверхдержавой и теперь в мире есть лишь одна таковая – США. Неужели не понимают, что этим они оскорбляют прежде всего русский народ. Получается, что сама по себе Россия не есть великая страна, сверхдержава, а таковой ее делали лишь союзные республики. Значит, с Туркменией и Эстонией эта страна может быть на равных с США, соперничать с ней, а без них – нет.

* * *

Кстати, наряду со своим будто бы оппонентом Жириновским, постоянно красуясь в передачах В.Соловьева, писатель А.Проханов заявил, что основная черта русского народа – чувство Справедливости. Но «забыл» добавить, что справедливости, выгодной лишь для себя. Это, конечно, не относится к самому русскому народу, народу действительно совестливому, эта «справедливость по-прохановски» – позиция псевдовыразителей его дум. В одной из передач тот же Проханов выдал еще один перл. Заявив, что свобода губительна для русского народа (бедный, бедный русский народ!) он прямым текстом провозгласил: «лучше третья мировая война, чем свобода».

* * *

Когда-то я выступал против модного в перестроечный период тезиса: Свобода не вседозволенность. Я говорил, что и дозволенная свобода не совсем свобода. Жизнь внесла ощутимые коррективы в мой постулат. Я убедился, что вседозволенность все же гораздо хуже дозированной свободы. Свобода слова – превратилась в вакханалию самых низменных инстинктов (И тут можно в определенном смысле согласиться с вышеприведенным утверждением А.Проханова). Не говоря уже о прессе, телевидение в наше время стало рассадником антиморали. Правда, еще более пагубную роль в растлении молодежи играет одно из величайших изобретений современности – Интернет.

менности – Интернет. Справедливо было сказано, что технический прогресс, опережая нравственное совершенствование, может завести человечество в тупик, или, хуже, подтолкнуть к пропасти.

Интернет создает идеальные условия для анонимного беспредела. Не отвечая ни за что, можно безответственно поместить на сайтах любую дезинформацию, клевету, ложь относительно любого человека, живого или почившего. Можно возводить горы инсинуаций, нелепых слухов, придуманных самими же очернителями, ниспровергать все духовные ценности, накопленные человечеством в течении многих веков и тысячелетий.

Интернет, позволивший огромному количеству своих пользователей возомнить себя глубоко образованными, не будучи на самом деле таковыми, породил эрзац-эрудитов.

Интернет, может быть, к счастью, пока еще не завладел жизнью и умами большей части населения планеты. Но телевидение проникло повсюду и стало зеркалом общественного сознания. А в большинстве телеканалов – в самых больших пропорциях экранного времени – показ, смакование жестокости, самых изуверских методов насилия, изощренных убийств, надругательств над сущностью человека.

Кровь, садомазохизм, – вот основная пища, которой потчуют зрителей каналы ТВ, вкупе со слезливыми латиноамериканскими, арабскими и индийскими мелодрамами, американскими мыльными операми и дешевыми боевиками, с их бесконечной многосерийной жвачкой. И еще секс – самое интимное в отношениях мужчины и женщины. Его суть в покрове некоей тайны, доступной лишь двоим. Настоящий секс – это итог духовного сближения мужчины и женщины, хотя, и это, на мой взгляд, не грех, когда физическая близость может предшествовать духовному контакту. В настоящем сексе раскрываются друг для друга не только телесные тайны партнеров, но и тайна их душ. Вот с этой тайны снимают табу. Секс стал всеобщим обозрением, как показ мод. Толерантность призывает нас с пониманием воспринимать все то, что когда-то считалось отклонением и грехом, за который были наказаны Содом и Гоморра. Но хорошо, это дело каждого жить так, как ему хочется, и по своему усмотрению пользоваться любой частью своего тела. Но зачем рекламировать с таким упоением брак двух весьма уважаемых мужчин между собой, их любовные тошнотворные поцелуи и ласки. Говорят, что сексуальная революция на Западе пошла на убыль. Неужели вслед за ней пришла пора гомосексуальной революции? Само сочетание этих слов – чудовищно. Секс, как уже говорилось выше, – дело сугубо интимное, а революция – это прежде всего совместное действие масс, многолюдно переживаемое или, по крайней мере, прилюдно обозреваемое явление.

Запад опасается исламской деторождаемости и сокрушается по поводу собственного демографического истощения. Неужели никто не задумывается о причинах этого?

От однополых браков дети не рождаются.

* * *

Что еще пропагандирует ТВ, в том числе, и наше азербайджанское? Роскошную жизнь звезд шоу-бизнеса. Когда-то властителями дум общества были писатели, ученые, серьезные деятели искусства. Сейчас отношение большинства к ним сводится к однозначной формуле: если ты такой умный, почему такой бедный? Вот и все. Просто и ясно, как мычанье коровы. И глядя на «изячную» жизнь утопающих в богатстве,

купающихся в лучах славы и в собственных персональных бассейнах, звезд, очень много молодых готовы на все ради славы, ради денег.

* * *

Хорошо сказал американский писатель Эптон Синклер:

«Сложно заставить человека понять что-либо, если ему платят за то, чтобы он ничего не понимал».

* * *

В наше время – и это на всем постсоветском пространстве – писатель существует как бы в режиме апартеида, в своеобразном литературном гетто.

* * *

Говорят, «нет пророков в своем отечестве». Но нет пророков или гениев и в своем Времени. Людям трудно осознать, что вот этот человек, который живет по соседству, ходит по тем же улицам на работу, на базар или в баню, присутствует на каком то общественном собрании вместе со всеми и даже ходит там в общий туалет, все же сильно отличается от всех. Тем более трудно примириться с этим его коллегам-современникам. «Как же так, он такой же, как все мы и вдруг он ...гений. Не может быть, мы просто не допустим этого».

Его избранность подтверждается только после того, когда уходит он и уходят все его современники-коллеги. Только тогда, когда приходит новое поколение, или, точнее, через несколько новых поколений, история всех расставляет по своим местам.

* * *

Один мой друг говорил, что все осталось прежним, желания, страсть, интерес к женщинам, но, увы, ушла физическая возможность для всех этих удовольствий. Это, конечно плохо, но еще хуже, когда физическая возможность осталась, но нет прежнего желания, нет того трепета, которые испытываешь от встречи с женщиной. Нет горечи от разлуки с ней, нет боли от неразделенного чувства, ибо не осталось самого чувства. Как верно заметил Хемингуэй, «это проходит, как проходит любовь, помнишь все, но самого ощущения вызвать уже не можешь»

10 ноября 2008

* * *

Наша оппозиция – лучший подарок нашей власти. У власти есть даже свой министр оппозиции.

* * *

Париж создали не только короли, их жены и фаворитки, президенты, министры, префекты, мэры, Наполеон, барон Осман, правительства всех пяти республик, не только архитекторы, строители, финансисты. Париж из века в век создавали писатели и поэты, художники и шансонье. Париж создали кинорежиссеры, авторы фильмов «Сена встречает Париж» и «Прекрасный май».

Бронзовые статуи, позеленевшие от дождей или Времени. Кружевная позолота заборов и ворот парков. Здания, выходящие на круглые площади торцом – будто выбрасывающие вперед кулаки. Мансарды – желания домов быть выше, чем они есть, будто здания вытягиваются на цыпочках. И все это Париж. Париж, который мы узнали по книгам Гюго и Бальзака, фильмам М. Карне и Р. Клера, полотнам Писарро, Ренуара, Моне.

Точно так же образ Америки создал Голливуд. До того, как американцы избрали президентом Обаму, в футурологических фильмах уже был создан образ Президента-чернокожего. Кино как бы готовит в США общественное сознание для какой-то качественно иной страницы истории.

11 ноября 2008

* * *

Литература XIX века мучительно искала ответы на социальные, философские, нравственные вопросы общества, человеческого бытия. Литература XX века искала выход из отчуждения человека, его фатального одиночества. Неужто литература XXI века выход из всех проблем будет искать в опошлении всего и вся, в цинизме, похабщине и ерничестве по поводу всех духовных ценностей?

* * *

Порой мне кажется, что наша жизнь, со всей ее чернухой, всего лишь какой-то черновик другой жизни, чистой жизни, жизни беловика.

23 декабря 2008

* * *

Имея в виду мой перевод древнешумерского текста «Разговор раба с господином», некий заштатный зоил написал, что это о внутреннем рабе самого Анара, абсолютно не соображая, что в этом тексте заложен глубокий релятивистский смысл. Впрочем, понять это, очевидно, слишком большая сложность для его одноклеточного мозга. И еще подобным людям, покусывающим одних и пресмыкающимся перед другими, никогда не понять разницу между рабом и холуем. Раб способен на бунт, на восстание, подобно Спартаку. Холую до конца дней своих суждено оставаться лизоблюдом.

* * *

Она позволяла целовать себя в щеку, но не в губы. Между ее щекой и губами всего несколько сантиметров, но это расстояние непреодолимо.

21 ноября 2012

* * *

Видимо, мы порядком надоели Богу. Он терпел наши мелкие дрызги, кровавые разборки, благоглупости в течение многих тысячелетий. И вот в XXI веке может быть его терпению пришел конец и он ниспослал на нашу планету всевозможные природ-

ные и социальные катаклизмы – землетрясения, цунами, вулканы, нефтяные выбросы, перевороты, войны, заговоры, бунты, мятежи, гибель в шахтах, в подводных лодках, катастрофы самолетов, поездов, кораблей, террористические взрывы в местах массового скопления людей.

16 мая 2010г.

* * *

Самым страшным оружием XX века были ядерные бомбы, самое страшное оружие XXI века – террористы-смертники, люди-бомбы. Человек, тихо, спокойно и мирно входящий в какое-нибудь многолюдное пространство и взрывающий себя вместе с сотнями других, это – оружие, против которого нет противоорудия, защиты.

Любой цивилизованный человек ненавидит тиранию, презирает диктаторов. Жестоким диктатором, уничтожившим часть своего народа химическим и прочим оружием, был Саддам Хусейн в Ираке. Бесновался его избалованный сын, упиваясь своей безнаказанностью. Не меньшими «причудами» славился диктатор Ливии Муаммар Каддафи. Как свидетельствовал Фидель Кастро во время дипломатических переговоров, ливийский лидер мог отойти в сторону, объясняя это тем, что в эти минуты он разговаривает с самим Богом. Он же приезжал в Москву со своим бедуинским шатром, и ставил его на территории самого Кремля. И все ему прощали, все принимали. Прощали даже куда более серьезные «шалости», вроде уничтожения пассажирского самолета или поддержку терроризма в разных странах и в разных формах. Все это конечно, выглядело чудовищно.

Но История преподает нам свои уроки. Выяснилось, что после того, как свернули этих тиранов и разделались с ними самым жестоким образом, и Ливия, и Ирак оказались в гораздо более страшной ситуации, чем в пору диктатуры. Ливия фактически на грани исчезновения как государства, Ирак раздирается на части и ежедневные взрывы «живых бомб» уносят тысячи жизней. На смену кровавому режиму Башара Асада в Сирии приходит еще более кровавый и совершенно неменяемый призрак Халифата. Свержение диктатуры в Йемене, Тунисе создало новые, еще более болезненные проблемы. Да и в самом Египте, где краткая легитимная власть исламистов, после Хосни Мубарака, была в свою очередь, свергнута военными... Неужели в мусульманском, особенно в арабском мире – единственная форма правления – противостоящая хаосу, расчленению, произволу – жестокая диктатура? Каким может быть плавный – без кровопролития, без жестоких катаклизмов – переход от диктатуры к демократии? Один из положительных примеров, как ни странно – послефранкистская Испания. Ненавистный всем демократам низкорослый диктатор Франко в свои преклонные годы оказался все же настолько мудрым, что передал бразды правления не следующему каудильо, а конституционному монарху, обеспечив тем самым установление в стране демократического режима. Найдется ли на Востоке такой трезвый диктатор(независимо от его прошлых деяний), который вот так же заложит основу демократического режима после своего ухода? Относительно близкий к этому пример видим в Турции. Конечно, Ататюрк не был диктатором в прямом смысле этого слова, но он все же был руководителем в достаточной мере авторитарным. И сделал все, чтобы после его ухода Турция развивалась в демократическом, многопартийном направлении.

* * *

Во времена нашей далекой юности, когда мы были повально увлечены Хемингуэем, один мой друг любил повторять фразу из его романа «Фиеста»: «И Брет была с ними». Брет, в которую бессильно влюблен герой, входит в бар в компании пошляков, пустых и никчемных людей, и герой говорит: «И Брет была с ними»

Эта емкая фраза, по нашему тогдашнему мнению, выражала целое состояние души героя, и казалось нам сопоставимой с шекспировской репликой: «И ты, Брут?» (и не только по созвучию имен). Но сейчас я понимаю, что они, эти две фразы, несопоставимы по глобальным масштабам. Хемингуэевская фраза значима в контексте конкретной ситуации. Шекспировская реплика – на века. Это приговор неожиданному, непредсказуемому предательству, история которого насчитывает много веков от Иуды до Азефа.

Из всех кинжальных ударов, нанесенных Юлию Цезарю, самым болезненным оказалось то, что в числе заговорщиков он увидел своего друга Брута. – И ты, Брут? – в этом и удивление, и разочарование, и страшная обида на самого себя, не сумевшего разглядеть изменника под личиной друга. Тем, кто любит часто цитировать Шекспира, хорошо бы запомнить и этот возглас: И ты, Брут?

27 ноября 2011

* * *

Порой для истории литературы медицинская справка о здоровье одного писателя важнее двадцати томов другого.

* * *

Удивительно, и в то же время, наверное, закономерно, что и в России, и в Азербайджане, (очевидно, и других республиках бывшего Союза), отношение к литературе советского периода определяется советскими же принципами, то есть все оценивается с чисто идеологических позиций, совершенно игнорируя эстетические критерии. Меняются лишь знаки плюс и минус. Произведения, в которых в той или иной мере наличествуют идеи социализма, коммунистический дух, независимо от их художественных достоинств, предаются анафеме. А произведения, в которых открыто или скрыто проявляются хоть малейшие антисоветские веяния, независимо от их литературного уровня, возводятся в шедевры. И то же самое в отношении современной словесности. В наше демократическое, толерантное время в оценках художественных произведений господствует, прежде всего, ленинская оценка партийности литературы. Неважно как ты пишешь, гораздо важнее, где ты числишься, в оппозиции или на стороне власти. Важна принадлежность писателя к той или иной политической платформе, его идеологическая ориентация. Партия, к которой ты близок, будет возводить тебя в кумиры, абсолютно не считаясь с твоим творческим потенциалом. Все, кто не с нами, кто не разделяет наши взгляды, не стоят даже элементарного внимания. И горе тем, кто пытается сохранить свою независимость от политиков и политиканов, опираясь лишь на свой талант и ориентируясь на истинные ценности искусства. Таким нет места ни в одном стане, будь они хоть во сто раз значительнее завербованных.

* * *

Аристократа Ивана Бунина раздражало, что разночинец Антон Чехов пишет

про жизнь в дворянских усадьбах. «Он их не знает», утверждал он. Великий Бунин не догадывался, что независимо от того, каковыми они, эти усадьбы были, для миллионов во всем мире, после пьес Чехова, они будут восприниматься именно такими, как их изобразил Антон Павлович, скажем, в «Вишневом саду».

* * *

Какое-то не слишком взыскательное издание провело опрос, в результате которого я по популярности опередил аж самого... Л. Толстого. Я воспринял это с трезвым юмором, но это до глубины души возмутило... не Льва Николаевича, разумеется, а иных моих современников-коллег.

* * *

В моем возрасте воспоминания причиняют только боль. И не только воспоминания о горьких, тяжелых, трагических эпизодах прожитой жизни, но и ожившая память о счастливых минутах прошлого, которых, увы никак не возвратишь. Просыпаешься посреди глубокой ночи, и вдруг какой-то приятный и радостный день из Прошлого оживает в памяти, вызывая ощущение такой тоски, такой печали, пусть и светлой, что дальше заснуть уже не в состоянии. И думаешь о том, что никаким чудом это не вернется и не повторится. Правда, у писателя есть шанс утешения – воссоздать все это на бумаге. Но что ни говорите, литература все же суррогат жизни, а не сама жизнь.

19 марта 2011

Он шел не прямой, а извилистой дорогой, хотя в мозгах у него не было ни одной извилины.

* * *

О шестидесятниках:

Мы стали писать об обыкновенных людях, без всякого вызова системе. Но критики, даже доброжелательно настроенные по отношению к нам, привыкшие, однако, к пафосу, стали толковать наши тексты не только как антисоцреалистические, что было правдой, но и как антисоветские, что было уже политическим доносом. Мы писали о внутреннем мире людей, а критики объявляли это самокопанием, погружением в микромир. Для них макромир – это грандиозные стройки, героические свершения, то есть все то, что не вмещалось в масштабы обычного человеческого бытия. Макромир – по их разумению не имел ничего общего с повседневной деятельностью людей, он, по их мнению, состоял лишь из грандиозных деяний и эпохальных событий. Все остальное – мелкотемье. Наши герои говорили обыкновенными, повседневными словами, а читатель, привыкший к риторике и пафосу, воспринимал это как вульгаризм. Должно было пройти не одно десятилетие, чтобы все стало восприниматься как есть, то есть, как и было задумано нами.

* * *

Хорошие стихи живут в нас не только словами, но и музыкой звучания, ритмами, настроениями, выраженными лексически. В разных ситуациях духовной жизни мы вдруг ощущаем настроения, интонации, вызванные стихами Физули, Пушкина или

Назыма Хикмета и лишь после вспоминаем, из каких необычайных словосочетаний этот настрой, эта гармония возникает.

23 сентября 2013

Мало верить в Бога, надо, чтобы и Бог поверил в тебя. Поверил бы, что твоя доброта не показная, твоя щедрость – бескорыстна, твоя приверженность к справедливости – искренна.

3 ноября 2011

Уснуть и проснуться в Другом Мире, в Другое Время и жить в обществе, где господствуют Справедливость, Совесть и Истина. Где коррупционеры всех мастей не издевались бы – явно или тайно – над честностью и бескорыстием «неудачников», где не считалось бы нормой доносительство, лицемерие и цинизм, где криминальным путем достигшие несметных богатств «хозяева жизни» не презирали бы в душе немущих за неумение приспособляться, где «получатели конвертов» не насмеялись бы про себя над теми, кто «живет на зарплату», где изворотливость не ценилась бы выше принципиальности, где не было бы девизов: «воруй, но не попадайся», «я – тебе, ты – мне», «вымогай, у кого только можешь и переправляй львиную долю тем, от кого зависишь», где порядочным людям было бы не стыдно за свою порядочность, а хапуги не бравировали бы награбленным, где карьерный успех был бы не за счет потери достоинства, где Личности не зависели бы от произвола ничтожеств, где удачливость не была бы единственным мерилом, а скромность не выглядела бы глупостью, где гордость не была бы «пороком», а холуйство «доблестью», где не поощрялось бы предательство, и не осуждалась бы независимость в поведении, где не доверяли бы фальшивым восхвалениям, и не сомневались бы в искренности трезвомыслящих, где не было бы продажных писаек, купленных оппозиционеров, самоуверенных в своей премудрости и непогрешимости политиков и покорной, разуверившейся во всем массы, стариков, так ничему и не научившихся, и молодых, готовых шагать по трупам, «мятежников», жаждущих власти, только ради того, чтобы наживаться.

... или уснуть и не проснуться...

* * *

Вера в загробную жизнь – самое большое утешение в жизни человека. Если иная жизнь все же существует, и сохраняется твоя память, – то это прекрасно. Если же ее нет, то ты об этом никогда не узнаешь, и значит, не разочаруешься в этом своем убеждении(или заблуждении).

3 ноября 2011

* * *

«Истину ищут в одиночку и порывают со всеми, кто любит ее недостаточно», – сказал Борис Пастернак. Но в этой мысли есть некая неувязка. Если истину ищут в одиночку, то с кем же приходится порывать?

3 ноября 2011

* * *

Я слишком часто проявлял снисходительность к дурным поступкам людей. Их очевидные подлости считал не злонамеренностью, а просто глупостью.

13 ноября 2014

* * *

Привожу в порядок свой архив, свою библиотеку, готовлюсь к смерти, будто собираюсь к переезду в другой дом или в другой город. А может, в другую жизнь.

14 мая 2011

* * *

Как много у нас сердитых молодых людей. Бессильно сердитых.

* * *

В тридцать лет я тяготился жизнью, в семьдесят пять не могу насытиться ею.

28 ноября 2012

* * *

Властелины былых времен пытались завоевать мир. Властелины нынешние пытаются купить его.

28 ноября 2012.

* * *

Он писал о кино не как киновед, а как кинолог.

* * *

Режиссер так часто сражался с актерами, что театр драмы стали называть театром военных действий.

* * *

Словей с возмущением отверг меню, в котором были одни басни.

* * *

Талант от Бога, это – дар судьбы, он не зависит от воли и желания самого человека. Но трудолюбие, страсть к работе – это уже всецело в его силах. Однако, если назвать человека ленивым, он не обидится, а сказать, что он не талантлив, будет смертельно оскорблен. Странно, отрицание того, что не зависит от него, ранит его, а обвинение в собственном недостатке – лени – вроде бы даже льстит, мол, не был бы так ленив, показал бы всем, где раки зимуют.

* * *

Неприянь к интеллигенции прежде всего зиждется на презрении к интеллекту вообще, как к чему то непонятному и недоступному.

* * *

Писательство все же городская профессия. Писатель может всю жизнь прожить в деревне, писать только о земле, и все-таки его ремесло – чисто городское. Тем более странно, что так называемые деревенские писатели (не все конечно) пренебрежительно относятся к городским, которые не пашут, а пишут. Некоторые из деревенских писателей полагают, что если они в детстве или в юности пахали землю или пасли скот, то только это и есть жизнь, и только об этом и должны писать. В этом упорно убеждала и советская литературная политика, отвергая все психологические изыски, томления духа, как нечто от лукавого. Попытка разобраться во внутреннем мире человека считалась чуждым советскому образу жизни и советской литературе, заемным самокопанием интеллигентных хлюпиков, которые с жиру бесятся. Хотя большинство писателей жили гораздо хуже зажиточных крестьян.

24 мая 2013.

* * *

Зачем я всю жизнь собирал книги, ведь теперь каждый, у кого есть интернет, может приобрести любую книгу. Как было бы здорово, если бы Интернет изобрели до того, как сожгли Александрийскую библиотеку.

* * *

Порой популярность поэта основана только на его харизме, а не на таланте. Но после его смерти, естественно, умирает и его харизма, остаются стихи, а они уже никого не завораживают.

* * *

У писателей разные предназначения – одни утверждают своими произведениями, другие рекламой своих произведений, третьи полным отрицанием значения заслуг и тех и других.

16 ноября 2014

* * *

В одном французском фильме разница между тактом и вежливостью определяется таким образом: Вежливость, это когда мужчина нечаянно открывает двери ванной, видит голую женщину и говорит: извините, мадам. А такт – когда в той же ситуации мужчина говорит: извините, месье.

* * *

Русский режим бомбит города Грузии (Гори, Батуми, даже Тбилиси) якобы защищая осетин. Ему, режиму, в общем-то наплевать на осетин, вкупе с абхазцами. Важнее насолить непокорной Грузии. Попробовали бы северные осетины заикнуться

об отделении от России, с ними расправились бы покруче, чем с чеченцами. А территориальная целостность Грузии, Азербайджана, Молдовы, Украины в глазах этого режима ничего не стоит. Военщина с одной стороны мстит Грузии за Шеварднадзе, повинного, по их мнению, в развале советской (т. е. русской) империи, и за необоснованные уступки Западу, за непредсказуемого Гамсахурдиа, а теперь и за буйного Саакашвили. Но не только за это. Мстят Грузии за ее гордость и чувство собственного достоинства, мстят народу, который столько веков находясь под игом, внутренне сохранил свою независимость и даже высокомерие по отношению к своим же угнетателям. Именно эти свои качества сохраняют грузины, даже в эти трудные дни, даже в самой Москве, не унижаясь, не сгибаясь. Хотя, я не забываю и негативные качества в грузинском характере – самодовольство, некоторую кичливость, чванство. Я встречал грузин, которые были абсолютно уверены в исключительности своей нации и на всех других смотрели свысока. Но у какой нации нет недостатков? Есть они и у русских, и украинцев, и у евреев, и у азербайджанцев. Конечно и у европейцев, американцев, азиатов, африканцев, Вот про австралийцев ничего не могу сказать. С ними не довелось встречаться.

* * *

Испытывая по отношению к Грузии, особенно к ее искусству – кино, театру, музыке, исполнителям – любовь и ненависть к ее непокорным, задиристым властям, подсознательно и бояться ее, ибо в генетической памяти все еще сохраняется страх перед тираническим всевластием грузина Сталина и oprичников Берии. Мстят Грузии и за стремление в НАТО. А Запад с его медлительностью, формально-буквоедческим подходом к сложным реальным проблемам, всячески оттягивает вступление Грузии в эту организацию, тем самым фактически провоцируя ее и одновременно обрекая на растерзание.

(Поздняя вставка. Поразительно, что последующий пассаж написан задолго до событий 2014 года, подтвердивших мои предположения. Привожу этот текст без единого дополнения, таким, каким он сложился в годы, когда у власти в Киеве был еще В. Ющенко).

То же самое произойдет, по всей видимости, и с Украиной. Пока будут обсуждаться и решаться процедурные заминки для ее вступления в НАТО, какой-нибудь Янукович придет к власти и под предлогом защиты русского населения, Россия мирными, а если понадобится, и немирными средствами подомнет под себя эту страну. Тогда судьба и независимого Азербайджана повиснет на волоске. Вместе с давно уже ставшей форпостом России Арменией, Южный Кавказ вновь окажется в полуколониальной и четверть независимой ситуации. Конечно, как члены ООН, мы сохраним статус независимой страны, но этот суверенитет будет чем то вроде даже не Болгарии, а Монголии в сталинский период.

* * *

Не следует надеяться на то, что Армения добровольно мирным путем вернет нам наши оккупированные земли или сделает это подчинившись каким-то международным резолюциям. То, что захвачено на поле боя, не возвращают за столом переговоров. И что же тогда остается, война? Правда, есть еще один маловероятный вариант. Возможно, когда-то в Армении к власти придут силы, способные понять, что освободив оккупированные территории и согласившись на самый высокий статус На-

горного Гарабаха в составе Азербайджана, Армения выиграет, а не проиграет. И в экономическом, и в политическом плане она добьется большего, чем от подачек своей диаспоры и от милостей другой державы. Но найдется ли некий армянский Вилли Брандт, который решится на такой непопулярный в данный момент, но стратегически совершенно оправданный шаг, чью верность подтвердили последующие исторические события. Или же ...война. Но война может начаться только в случае честного и гарантированного неучастия на стороне армян России и Ирана в обмен на невмешательство Турции и Запада. А это возможно лишь в случае, если руководители России и Ирана осознают, что Азербайджан с его геополитическим положением и экономическим потенциалом гораздо важнее для них же, чем амбициозные территориальные вождения Армении, направленные, кстати, не только на Азербайджан и Турцию, но и на Грузию, Иран и даже на Россию. Правда, возможен еще один вариант – внутренние смуты в самой России или в самом Иране, что не позволит им, активно участвовать в конфликте. Но, честно говоря, я не хотел бы, чтобы Россия развалилась и распалась, ибо тогда для нас возникнет еще одна угроза уже со стороны наших северокавказских единоверцев – мусульманских собратьев на почве религиозного фанатизма и претензий на наши районы с этнически смешанным населением.

Допустим относительно оптимальный вариант – война с победным для нас завершением (хотя ни одна война не является оптимальным вариантом). Без вмешательства России мы, конечно, справимся с Арменией, разумеется, с большими потерями с обеих сторон. Но дело даже этим не завершится. Вступит в силу армянский террор по всему миру, начнут отстреливать азербайджанцев в любой стране – дипломатов, журналистов, участников делегаций, просто туристов или давно живущих в эмиграции. А в этом деле они имеют богатый исторический опыт. Одним словом, спокойная жизнь в ближайшие 40-50 лет нам не предстоит.

А ведь можно было бы договориться по справедливости, найти разумное решение и совместными усилиями превратить наш Кавказ в туристический рай, в котором мирно и счастливо жили бы все народы этой благословенной земли. Армяне, если им доведется ознакомиться с этим текстом, наверняка возмутятся и возразят: что же, получается, мы должны вернуться к исходной точке, к периоду до начала всех этих событий? Столько потеряв и ничего не приобретя? Не совсем так, ведь вы выдворили 200 тысяч азербайджанцев из мест их исконного обитания, превратив свою республику в мононациональную страну, со всеми вытекающими из этого обстоятельствами. – Да, – скажут армяне, – но насильственно были изгнаны и наши соплеменники из Баку, Сумгаита. – А кто в этом виноват, – ответим мы, – ведь начали же вы, первыми выселили (причем не в первый раз в истории) из Армении всех азербайджанцев, не имеющих, кстати, и сотой доли привилегий и льгот армян Нагорного Гарабаха в составе Азербайджана. Мы, конечно, тоже многое потеряли, но больше всех потеряли вы в результате своих необоснованных требований и неразумных действий. Если бы все оставалось так, как до начала рокового конфликта, сейчас в рыночных условиях в трех больших городах Азербайджана – в Баку, Гяндже и Сумгаите – армяне занимали бы очень важные, даже ключевые позиции. С их деловой хваткой, с их связями с зарубежной диаспорой, армяне владели бы банками и супермаркетами, гостиницами и туристическим бизнесом в этих крупных городах. А экономическое могущество оказывало бы свое влияние и на медиа, и на политику. Так что, в этом конфликте, возникшем не по нашей вине, проиграли не только, и не столько

мы. Стоит сравнить положение в самоозилоривавшей себя Армении и в Азербайджане, с его растущей день от дня экономической мощью, политическим влиянием и международным престижем, чтобы осознать, кто же оказался в выигрыше в конечном счете. Хотя до полного освобождения всех наших земель, окончательный счет еще не предъявлен.

* * *

У антидемократов ностальгия по ГУЛАГу. И неистребимое, неподвластное никаким историческим урокам заблуждение, что репрессии, тюрьмы, ссылки и расстрелы минуют их, их близких, единомышленников, коснутся лишь тех, кто им ненавистен. Роковую ошибочность этого предположения они поймут слишком поздно, перед неизбежным трагическим концом. Не бывают односторонних репрессий. В тридцатых годах прошлого столетия, репрессировали репрессировавших ранее, расстреливали уже расстреливавших.

Повальная ненависть, массовое доносительство, огромный потенциал зла может привести к взрыву, в котором сгорят все.

* * *

Некоторые люди, именующие себя русскими патриотами, утверждают, что Россия никогда не завоевывала, не покоряла ни одну страну. Возможно, они не удосужились прочесть повесть великого Л. Толстого «Хаджи Мурат», не видели картину Сурикова «Покорение Сибири Ермаком». Да и Иван Грозный, видимо, посетил Казань с визитом вежливости, а Екатерина Вторая отдыхала в Крыму по профсоюзной путевке.

* * *

Некоторые заметки в этих записях разных лет, кое-кто может воспринять как русофобию. Это было бы крайне несправедливо и глубоко ошибочно. Слишком многим я обязан русскому языку, русской литературе, музыке, фильмам и спектаклям, слишком близок я духовно к этому великому народу, чтобы кто-то мог заподозрить меня в нелюбви к нему. И даже в равнодушии к ее проблемам. Россия – боль моя. Я искренне и бескорыстно люблю русский народ, сочувствую его тяжелой доле, искренне переживаю за его «хождение по мукам» на протяжении всей истории, но я не люблю, да, не люблю, многих его идейных и административных вождей, за то, что они держат в кабале, в том числе, и свой собственный народ, строят всю свою популистскую политику на его долготерпении, на том, что этот поистине замечательный народ может все выдержать ради мессианских задач, выгодных лишь только его руководителям. Ради ублажения идеологов, которые не отказывая себе ни в чем, ни в каких земных благах, убеждают простой народ, что у него в отличии от всех других благополучных народов, свой особый путь. Путь лишений и страданий. Вдалбливают в мозги мысль: историческая миссия русских заключается, якобы, в том, чтобы отказывать себе во всем. Ради чего же такое самопожертвование? А ради того, оказывается, чтобы «осчастливить» другие народы, присоединив их к себе во имя всеобщей нищеты. Разве не задумываются эти деятели о том, почему все страны освободившиеся от ига СССР и Варшавского договора, бросаются в объятия Запада, НАТО и не связаны ли эти их устремления с угрозами разного рода жириновских восстановить Российскую империю с включением в нее даже Финляндии и Польши. Или вот, самые

последние телебредни Владимира Вольфовича: Россия должна восстановиться как империя под знаком православия, и татары станут православными. И даже прожженный циник Владимир Соловьев, намекая на иудейское происхождения свое и Жириновского – иронично спросил: а что будет с нами? Скажут, не стоит обращать внимание на подобные бредни политических скоморохов. Но ведь есть русское выражение: что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. (В данном случае пьяного не алкоголем, а словоблудием).

Ведь существовали когда то Британская, Австро-Венгерская, Османская империи, были колонии у Франции и Испании, Голландии, Бельгии, Португалии. Все эти империи распались, освободились колониальные народы. И что, от этого стало хуже метрополиям? Великобритания и Франция перестали быть великими державами, или они уже не постоянные члены Совета Безопасности ООН с правом налагать вето? А рядовые голландцы, бельгийцы, они что, стали беднее? Нет, конечно.

А задумываются ли над тем, что на огромном пространстве от Урала до Тихого океана, проживают всего восемь миллионов русских. Даже непредсказуемый Жириновский опасается китайской экспансии огромных пространств России. Тихим, мирным путем заволокли эту большую зауральскую территорию китайцы и корейцы, японцы и вьетнамцы, работая, строя, торгуя, доберутся, если уже не добрались, аж до Москвы. И однажды после этой ползучей аннексии, журналистам, ежедневно изобличающим западные козни, придется учить китайский язык и писать иероглифами.

* * *

Великий и могучий русский народ на протяжении всей своей истории – от царей до большевистских вождей, – подвергался насилию, преследованию, унижению со стороны своих же безжалостных руководителей. Обуреваемые жаждой держать в своем повиновении и все прочие народы, эти властелины никогда не задумывались о благополучии, счастье, благосостоянии собственного народа, утешая его мыслью, что у России – свой собственный путь, путь страданий, нищеты и самоизоляции от всего мира. У всех тиранов – от Ивана Грозного да Иосифа Сталина – было лишь одно желание – чтобы весь мир трепетал перед их силой и всемогуществом. Для них было неважно завоевывать уважение добрыми, светлыми деяниями. Важен был страх, который внушался всему миру. Сам русский народ в пылу горькой самооценки определил эту особенность четкой формулой: «Сила есть, ума не надо». Поэт Ф. Тютчев, пытаясь как-то оправдать эту несуразную мысль, «объяснял»: «Умом Россию не понять».

А почему, собственно? А потому что всех, кто задавался этим роковым вопросом, постигало «горе от ума».

В течение многих столетий пытались превратить народ в нерассуждающую, чуждую чувству свободы безликую массу, в быдло, так называемые «державники» и идеологи имперского мышления (под разными лозунгами, православия, пролетарского интернационализма, евразийства и т.д.) обрекали свой народ на прозябание на задворках мировой цивилизации. Правители, режим в целом и его «адвокаты» сталкивались по существу лишь с одним реальным противником – Великой русской литературой.

Самым ярким утверждением русского величия, подлинного русского духа, русской идентичности в мире является русская литература – святая совесть русского народа.

Два величайших романа XIX века «Война и мир» и «Братья Карамазовы» созданы двумя гениальными русскими – Львом Толстым и Федором Достоевским. В «Бесах» Достоевский напроорочил и все русские трагедии XX века.

Среди лучших романов уже XX столетия – «Тихий Дон» Михаила Шолохова» и «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова.

Антон Чехов, драматург, пьесы которого не сходят со сцен мировых театров.

Но увы, эта заслуженная слава, которую русские литераторы завоевали для своей страны, нередко оплачивалась горькой судьбой самих творцов. Петр Чаадаев, за свой трезвый взгляд на реальности России, был объявлен сумасшедшим. Екатерина Вторая объявила Александра Радищева, «бунтовщиком хуже Пугачева». «Путешествие из Петербурга в Москву» было запрещено, а автор был приговорен к смертной казни, «милостиво» замененной на сибирскую ссылку. Ныне даже восстание декабристов кое-кто пытается выдать как антирусскую акцию, инспирированную все тем же ненавистным Западом. Это ради западных интересов, видимо, шли декабристы и их мужественные жены на каторгу и с достоинством принимали казнь, чтобы понаравиться Западу.

Повесили поэта-декабриста Кондратия Рылеева, трагически погибли поэт-декабрист Александр Бестужев-Марлинский и драматург-дипломат Александр Грибоедов. На дуэлях были убиты Александр Пушкин и Михаил Лермонтов. Приговоренный к смерти Ф. Достоевский ожидал казни на самой плахе. И в последний момент был со «снисхождением» отправлен на каторгу... Л. Толстой был отлучен от церкви, впал в немилость Двора. Был сослан Николай Чернышевский, эмиграцией спасся Александр Герцен.

В этом смысле еще более трагична история русской литературы XX века. Иван Бунин, Леонид Андреев, Дмитрий Мережковский, Евгений Замятин, Владимир Набоков вынуждены были спасаться за границей, как только большевики захватили власть. Хорошо осознавая всю несправедливость, неоправданность, жестокость сталинских репрессий, Максим Горький был сломлен, вынужден был примириться со всем, с чем не был согласен и окончил жизнь при до сих пор невыясненных обстоятельствах.

Был расстрелян Николай Гумилев, сослан Осип Мандельштам. Были репрессированы члены семьи и близкие Анны Ахматовой и Марины Цветаевой. И сама Ахматова вместе с Михаилом Зощенко подверглись ждановским надругательствам, обструкциям, шельмованию. Владимир Маяковский, Сергей Есенин, Марина Цветаева, Алесандр Фадеев покончили жизнь самоубийством. Замечательный прозаик Андрей Платонов, перед которым закрылись все двери, влачил полунищенское существование. Михаил Булгаков, которому по капризу вождя то позволяли работать, то запрещали что-либо публиковать, так и не увидел свой великий роман напечатанным. Были уничтожены Исаак Бабель, Борис Пильняк, Павел Васильев...

Четверо из пяти писателей, завоевавших Нобелевскую премию для России (Иван Бунин, Борис Пастернак, Александр Солженицын, Иосиф Бродский), были изгоями для властей. Автор «Окаянных дней» Иван Бунин, проклявший революцию, умер на чужбине с тоской по родине.

Александр Солженицын, раскрывший преступления советского режима на основе неопровержимых фактов в «Архипелаге Гулаге», – быть может, в самом потрясающем документе эпохи – прошел через ад лагерей в сталинскую эпоху, и изгнан из страны в брежневскую.

*Я пропал, как зверь в загоне
Где-то люди, воля, свет,
А за мною шум погони.
Мне наружу ходу нет*

*Что же сделал я за пакость,
Я, убийца и злодей?
Я весь мир заставил плакать
Над красой земли моей.*

– писал Борис Пастернак.

Поэт, заставивший всю планету плакать над судьбой своей страны романом «Доктор Живаго», был «опозорен», оклеветан, оскорблен самым непотребным лексиконом сулховской пропаганды в хрущевскую эру, вынужден был отказаться от Нобелевской премии, был исключен из Союза писателей и закончил свою жизнь в состоянии глубокой депрессии.

Иосиф Бродский был сослан во времена Хрущева, выдворен из страны во времена Брежнева, на Западе удостоился Нобелевской премии и хоть зарекался «Ни страны, ни погоста, не хочу выбирать, на Васильевский остров я приду умирать», не вернулся на родину и похоронен в Венеции.

Автор пламенных статей, вдохновлявших советских бойцов в годы Великой Отечественной войны, Илья Эренбург, которого Гитлер считал личным врагом, автор «Василия Теркина» Александр Твардовский, Виктор Некрасов, проживший и написавший суровую окопную правду войны – все они стали мишенями хрущевско-ильичевской идеологической инквизиции. (Виктор Некрасов, Александр Галич, Владимир Войнович, Андрей Тарковский, Владимир Максимов также стали эмигрантами).

Вот таким образом разные власти «благодарили» писателей – гордость и славу России.

Как в произведениях классиков, так и современных русских писателей с сердечным и искренним сочувствием говорится о представителях других народов, жертвах несправедливости властей. «Хаджи Мурат» Л.Толстого – уникальное произведение, созданное представителем одного народа о достоинстве, мужестве и чести представителя другого народа, народа, с которым воюет собственная держава автора. Ф. Достоевский с сочувствием пишет об азербайджанцах (тогда их называла кавказскими татарами), с которым встречался в «Мертвом доме» – на царской каторге. Он пишет об их достойном поведении, чувстве чести, гордости и достоинстве в немыслимо тяжелых условиях. Еще один многострадальный представитель русской литературы, писатель уже XX века Олег Волков почти в тех же выражениях пишет об азербайджанцах, с которыми ему пришлось делить горькую судьбу ссыльного на Соловках, о том, с каким мужеством они держались, с каким стоическим упорством переносили все немыслимые тяготы и унижения арестантской доли.

Через ужас лагерей пришлось пройти и Варламу Шаламову, Анатолию Рыбакову, Юрию Домбровскому и многим, многим другим.

Уже на моей памяти и злобные наскоки на представителей поколения «шестидесятников» – Евгения Евтушенко, Андрея Вознесенского, Василия Аксенова, упорное игнорирование Владимира Высоцкого.

В минуты горьких раздумий о несправедливости, которая царит во всем мире, я с надеждой обращаюсь к великой русской литературе – совести русского народа, перечитывая ее бессмертные страницы – актуальные на все времена. И не хочу верить в расхожую формулу, гласящую, что «Будущее русской литературы – ее Прошлое». Не может не быть славного и достойного Будущего у такой великой и поистине совестливой литературы.

Июнь 2015

* * *

Как человек – любой человек – от короля до нищего – может быть счастлив, если он рождается на свет приговоренным к смерти? И вся его жизнь – проживет ли он всего несколько часов или сто лет – есть лишь ожидание Дня казни. Он – особенно в детские, юношеские годы – может не задумываться об этом. Предполагаемая долгая временная дистанция до дня Конца делает для него этот срок приведения приговора в исполнение чем-то далеким и потому нереальным. Но с годами человек все яснее и четче начинает понимать неизбежность Исхода и невозможность как-то и каким-то образом избежать его. Приговор, вынесенный Природой или Богом, окончательный, обжалованию или отмене не подлежит.

Тут приходят мысли о Боге, о смысле жизни. Самый жестокий, но, видимо, увы, верный ответ на вопрос о смысле жизни заключается в том, что его – смысла жизни – нет. Смысл жизни – бессмыслица.

Но человек не хочет примириться с этим и утешение находит в религии или в некоей философской концепции. Религия утешает нас тем, что обещает – существует другая, загробная жизнь с ее Раем для праведников и Адом для грешников. В этом не только утешение, но и полезность религии – она предостерегает, или, во всяком случае, пытается предостеречь нас от дурных мыслей и подлых поступков. Обещая нам молочные реки и кисельные берега, гурий и всевозможные наслаждения в Раю и пугая Огненной Геенной Ада, она как бы оставляет право выбора за нами в этой земной жизни. Живи по совести, – а совесть и есть Бог, – и тебе воздастся сторицей в Вечной жизни. Или же придется отвечать вечными муками, за все соблазнительные искушения мирской жизни. Делай добро – и тебе воздастся за это. Этот общий для трех монотеистических религий постулат – о воздаянии за добро – выражен на нашем языке емкой формулой: «Balıǵı at dǝǵəuə, balıǵ bilməsə də Xalıq bilǝǵ» («Выбрось пойманную рыбу обратно в море, если сама рыба не поймет этого, то это узнает и оценит Бог»).

Я пытался жить и поступать по этому кодексу морали, пока не наткнулся на еще более высокую ступень нравственного совершенства – на истину дзен-буддизма. Дзен-буддизм считает, что если ты, совершая добрые дела, считаешь в ответ на дивиденды, то твои поступки не бескорыстны. Истинная нравственность заключается в том, что поступая, как тебе советует твоя совесть, ни на какую ответную благодарность или выгоду ты не должен рассчитывать, не задумываться о том, что твое благородное деяние будет оценено или хотя бы станет известно Богу.

В отличие от посулов Рая или угроз Ада в Иудаизме, Христианстве и Исламе, Буддизм предлагает другое утешение для брэнной жизни Человека – идею реинкарнации. После земной смерти человек еще не раз возвращается в мир в различных ипостасях, растением, птицей, цветком. При глубоком уважении ко многим этическим

и философским откровениям Буддизма, идея реинкарнации никогда не грела меня. Какое утешение от того, что я вернусь в мир в виде травы или жаворонка, если не останется памяти о всех моих предыдущих существованиях? Исчезновение памяти и есть Смерть. И мне не легче оттого, что ветка сирени, которая расцветает весной перед моими окнами, – это и есть мое собственное перевоплощение после более ранних проявлений в земной юдоли.

Выступая ярким антагонистом религиозных убеждений, многие светские доктрины – демократические, либеральные, социалистические, коммунистические, националистические – пытаются заполнить промежуток человеческой жизни между рождением и смертью провозглашением будто бы высоких целей – самовыражение, самоутверждение отдельного индивида в капиталистической системе, или благо целого общественного класса (скажем, пролетариата) в коммунистическом обществе, либо желания господства, процветания, возвышения одной – своей! – нации, и презрении ко всем остальным (в нацистском Рейхе)... Но самые страстные порывы или искренние заблуждения во имя этих истинных или мнимых высоких целей не являются утешением перед Окончательным Вердиктом – Смертным Приговором. Человек приходит в мир в одиночестве (в том числе близнецы, за исключением сямских) и уходит из жизни в одиночестве, даже если одновременно с ним погибают сотни и тысячи людей от стихийных бедствий или в боевых столкновениях.

В течении очень многих лет меня одолевали мысли: как же так, вот моя жизнь, наполненная тысячами событий, лиц, встречами, расставаниями, увлечениями, разочарованиями, чудом любви, родственными или профессиональными привязанностями, мои впечатления от стран, книг, фильмов, музыки, ситуации моей внешней жизни и сюжеты жизни внутренней, жизни души, перипетии общественного существования, фабулы взаимоотношений с друзьями и врагами, мои фантазии, воспоминания, переживания, «нечаянные радости», потери, откровения, сожаления, тоска одиночества, боль непонимания, «роскошь общения», семейные радости, близкие, дорогие мне люди – и все это в одно мгновение может исчезнуть? Ничего не останется? Ничегошеньки? Никак не верилось, не хотелось верить в это. Может быть, вера в Бога с моих самых ранних лет тоже основывалась на этом. Если есть Бог, значит, есть и другая жизнь, в которой мы все окажемся после окончания земного срока, и там все объяснится. Бог объяснит нам и все то, чему мы были свидетелями в этой жизни и чего не понимали, объяснит смысл нашего появления, пребывания на земле и нашего неизбежного ухода, разъяснит закономерность и справедливость того, что нам казалось несправедливым и неверным.

И вообще, как же может быть – Я БЫЛ и МЕНЯ НЕ БУДЕТ?

Но однажды мне внезапно, как в дзен-буддистском или суфийском озарении пришла мысль, элементарная, примитивная и очень простая – почему же нельзя представить НЕБЫТИЕ после смерти, если ОНО уже было до рождения? Твоего рождения. Ведь все, из чего состояла твоя жизнь, все ее слагаемые, которые ты так – вразброс – перечислил, всего же этого не было для тебя и до твоего появления на свет. Значит человек появляется на свет (на «свет» во многих смыслах этого слова) не только из темноты материнского чрева, но и из метафизического НЕСУЩЕСТВОВАНИЯ – и туда же (естественно, не в материнское лоно, а в вечную ночь могилы) уходит. Из темноты во тьму.

И все же есть утешение. Однажды я его нашел. Утешение в том, что надо верить в жизнь после смерти. Если она все же есть – прекрасно! Если же ее нет – ты

об этом никогда и никак не узнаешь. Помрешь, и все. Следовательно, никакого разочарования по поводу ее отсутствия не испытываешь. Не будет больно от того, что на этом все кончается. Больно может быть, пока ты жив и пытаешься убедить себя – Впереди что-то есть. Но если ничего нет – ты об этом не узнаешь и потому не сможешь переживать и страдать.

Вот на чем успокоится душа.

«На чем успокоится душа» – это карточное выражение, не помню только, его произносят во время карточной игры или гадания на картах. Во всяком случае, определенную комбинацию карт выражают именно этой фразой: на чем успокоится душа.

Об этом я узнал от своего покойного друга и переводчика Владимира Портнова. Он намеревался написать роман под таким названием. Уехал в Израиль, умер там, и я не знаю, написал ли Володя такой роман.

А неожиданным поводом для этих ночных мыслей стали впечатления от нового спектакля театра «Ибрус» – «Он и они», который смотрел несколько дней назад. Замечательный спектакль, поставленный по собственной пьесе Рустамом Ибрагимбековым с блистательными актерскими работами.

Фахраддин Манафов и Мехрибан Зеки, на которых падает основной груз текста, играют в сугубо современной манере, но на уровне, на мой взгляд, классических мхатовских актеров.

Ассоциация с МХАТом не случайна. Значительное место в постановке занимают отрывки из чеховского текста. Заключительный монолог Сони, обращенный к дяде Ване, и побудил меня задуматься о проблемах, которые, хоть и в самой беглой форме, я попытался затронуть в этих заметках. И я хочу завершить свои ночные размышления чеховским текстом, словами Сони:

«Мы, дядя Ваня, будем жить. Проживем длинный-длинный ряд дней, долгих вечеров. Будем терпеливо сносить испытания, какие пошлет нам судьба. Будем трудиться для других и теперь, и в старости, не зная покоя, и когда наступит наш час, мы покорно умрем, и там, за гробом, мы скажем, что мы страдали, что мы плакали, что нам было горько, и Бог сжалится над нами, и мы с тобою, дядя, милый дядя, увидим жизнь светлую, прекрасную, изящную, мы обрадуемся и на теперешние наши несчастья оглянемся с умилением, с улыбкой и отдохнем. Я верую, дядя, я верю горячо, страстно...Мы отдохнем. Мы услышим ангелов, мы увидим все небо в алмазах, мы увидим, как все зло земное, все наши страдания потонут в милосердии, которое наполнит собою весь мир и наша жизнь станет тихою, нежною, сладкою, как ласка...Ты не знал в своей жизни радостей, но погоди, дядя Ваня, погоди. Мы отдохнем...»

Как хочется, вслед за Чеховым, верить во все это.

ЭЛЬМИРА РАГИМОВА

КАК В КАПЛЕ ВОДЫ

О проблеме русского перевода дастана «Кёроглу»

Первое составленное в Советском Азербайджане собрание сказаний о Кёроглу, подготовленное нашим известным фольклористом Гумметом Ализаде, вышло в свет перед самым началом Великой Отечественной войны. Состояло оно из 13 записанных от разных исполнителей-ашыгов и практически не систематизированных песен-голов, каковое обстоятельство объективно предопределило несовершенство его как целостного нарратива. Примечательно, что в нарушение нормальной научно-издательской практики свод-автограф опубликован был лишь год спустя после русско-переводной его версии – продукта сотворчества целого коллектива авторов: А.Шарифа, В.Байрамяна, И.Оратовского, С.Иванова и В.Гурвича. В смысле литературного качества версия эта в полной мере воспроизводила имевший на ту пору место порочный стандарт, получивший должную научную оценку только в наши дни в исследованиях таких отечественных литературоведов как С.Гусейнова, С.Мамедова и др.

Тогда же, в начале 40-х, как оригинальный учёный-дастановед заявил себя М-Г.Тахмасиб. Именно под его руководством в последующие десятилетия в республике осуществлялась целенаправленная работа по сбору и классификации великого множества текстов-источников «Кёроглу» – как записываемых в ходе специальных фольклороведческих экспедиций, так и выявляемых в библиографических раритетах. На основе более чем 60 вариантов эпоса, коими располагал на тот период Институт литературы и языка им. Низами, М-Г.Тахмасиб создаёт академический свод дастана, вышедший в 1949-м и в уточнённой и дополненной редакции переизданный соответственно в 1956-м и в 1959-м годах. Признаваемый доньше как канонический, свод этот и стал исходным материалом для переводчиков Ю.Гранина, И.Оратовского и А.Плавника, создавших единственную на сегодняшний день полную русскоязычную версию дастана.

Автором прозаической её части был Ю.Гранин. Вот оценка, данная им работе его коллеги – А.Шарифа, тогда ещё не бывшего (1940-й год) творческим его оппонентом:

«Неверен сам путь, выбранный... А.Шарифом, – стремление передать особенности подлинника, чрезвычайно точно воспроизводя, калькируя выражения».

В свою очередь в своём диссертационном труде азербайджанский литературовед Ш.Алекперова специально в сопоставлении исследует тексты-переводы обоих названных авторов (гол дастана «Алы»), в итоге делая следующую констатацию:

«Переводчиками... точно передан основной идейный смысл, ритмика, интонация фрагментов (*подлинника*. – Э.Р.)».

Так что же реально есть предъявить нам русскому миру как жемчужину первой величины нашей национальной культуры?

Рассмотрим прежде гранинский перевод, сделав это, дабы заведомо отвести от себя обвинения в предвзятости, на примере того же фрагмента текста, что принят был к анализу самой Ш.Алекперовой, и произведя в нём надлежащие выделения. Читаем:

«Много лет Алы-киши пас коней Гасан-хана. Так и загубил он (**а**) жизнь на ханской службе – стар стал и сед, опекая табуны своего господина.

Каждое утро, едва занимался рассвет, Алы-киши гнал коней в поле, весь день пас их, а к ночи пригонял обратно в загон (**б**). В горах, на скалах и в долинах уже не было места, куда б ни ступала его нога (**в**).

Как-то раз Алы-киши погнал табун к морю. Кони паслись на берегу, а старик сидел в сторонке, прислонившись к камню (**г**). Только успела заняться заря (**д**), смотрит, вдруг из моря выходят два жеребца. Вышли и ворвались в табун. Покрыли двух кобылиц и снова ушли в

море. Столько лет пас Алы-киши табуны, а такого не видывал (е). Поспешно (ж.) поднявшись, он пометил обеих кобылиц. Но о том, что произошло, никому ни слова (з)!».

Итак:

а) В своей монографии «Огузский героический эпос» проф. Х.Короглы особо отмечает, что разведение и опечение лошадей у турков – исконных скотоводов-номадов – во все времена почиталось занятием исключительно достойным. Не полагали его неким тягостным бременем ни народные сказители, ни записавшие дастан с их слов профессиональные фольклористы. Никакой жизни поэтому в оригинале старый табунщик не «загубливал». Идиомы нельзя переводить буквально. Вот как толкуется оригинальное «ömrünü çürütmək» в Азербайджанско-русском фразеологическом словаре: «влачить жизнь; вести скучную, неинтересную, безрадостную жизнь». Алы-киши попросту знал мало радости на своём веку, избыв его в постоянных рутинных трудах.

б) Неоправданно в одной фразе художественного текста давать такое нагромождение однокоренных слов, русский язык достаточно богат, чтобы с лёгкостью косноязычия такого избежать. Как фигура речи подобное явление определяется термином «анноминация». Но в оригинале, можно убедиться, никакой анноминации нет: «Hər gün səhər dan jeri ağaranda Ali kişi ilxini çölə araraq (выгонял), bütün ğünü otaraq (выпасал), ğesədən bir pas keçəndən sonra xal-xala ğətirərdi (приводил)». В данной связи особо значимой представляется пояснительная приписка в соответствующей статье современного Словаря лингвистических терминов: «А(нноминация). может возникать из-за неправильного употребления сочетания слов, низкой речевой культуры человека».

в) Нормально было бы сказать: «В округе не было ни камня, ни горы, ни дола, по которым не ступила бы нога Алы-киши».

г) По-видимому, все же Алы-киши «привалился» к камню (спиной), а не «прислонился» (неизвестно, какой частью тела) к последнему.

д) Многословие, к тому же ещё и затемняющее контекст, устраняемое простым усечением: «только занялась заря».

е) Образец нелепицы. Диво, которое привелось лицеизреть табунщику, остаётся таковым безотносительно рода и срока профессиональной деятельности его свидетеля.

ж) Какая же тут «поспешность», если наблюдать соответствующее поведение чудоконей старику пришлось в продолжение по меньшей мере нескольких минут. Алы поднялся («tez qalxdı») «вмиг», т.е. резво, проворно.

з) Фраза, семантически не сопряжённая с контекстом и откровенно порочного синтаксиса. Нормально: О произошедшем же почёл старик никому не говорить.

И это только первые три коротеньких абзаца гранинского перевода! Можно вообразить себе, какое количество аналогичного рода литературного брака содержится в книге объёмом в 350 страниц авторского текста. Три абзаца, в которых, как мир в капле воды, отобразилось то inferнальное нечто, что из века в век обращает в уродцев-карликов исполинские создания человеческого духа!

В своей кандидатской диссертации филолог В.Каджаров следующим образом характеризует переводы стихотворных корпораций свода: «Этот перевод отличается от предыдущих прежде всего поэтичностью и художественной близостью к подлиннику. В нём максимально точно передано содержание эпоса, сохранена национальная форма многих гошм из эпоса и его композиционная структура и в основном соблюден принцип равнострочия. Перевод в целом свободен от былых вольностей, хотя в некоторых случаях имеют место искажение содержания и нарушение композиционной структуры гошм, но не этими частными отклонениями определяется достоинство всей книги. Труд И.Оратовского и А.Плавника является ценным вкладом в русско-азербайджанские литературные связи».

Заметим, что названный учёный, по-видимому намеренно, делает акцент именно на формальной и содержательной сторонах предмета своего высказывания.

«Перевод И.Оратовского и А.Плавника, – солидаризируется с В.Каджаровым уже упоминавшаяся нами Ш.Алекперова, – отличается от предыдущих рядом достоинств. Во-первых, поэтическая часть переведена двумя переводчиками, а не целым отрядом. Сохранен и пере-

дан текст оригинала – социально-историческая жизнь народа, юмор, нравы, привычки и т.д., найдены соответствующие художественно-изобразительные средства».

Абстрагируемся от разговора о том, насколько вообще правомерно тот или иной численный состав переводчиков относить к собственно достоинствам перевода, обратим внимание на следующее. Ш.Алекперова, совершенно по примеру В.Каджарова, ни словом (если исключить туманное «художественно-изобразительные средства») не обмолвливается о конкретно языковой специфике поэтических партий «русского» «Кёроглу», опять же сведя весь разговор лишь к рассуждениям о формально-содержательной их аутентичности оригиналу. Между тем именно языковой аспект, как нам представляется, являет собой сущностную проблему русской репрезентации эпоса.

Особо вопиющей стилистико-языковая ущербность переводов И.Оратовского и А.Плавника (в книге не обозначен персональный объём их авторского текста) предстаёт, когда приводятся эти переводы в пояснение научного предислания дастану. В своем предисловии к своду мэтр отечественного источниковедения Гамид Араслы, в частности, пишет:

1. «Кёроглу не может и не хочет бороться огнестрельным оружием. Такая борьба кажется ему трусливой и коварной. Сначала он не верит, что слабый и малодушный человек издали, только спустив курок, может убить богатыря. Убедившись в этом, он жалеет о прошлых благодатных боях..., сетует об утраченном мужестве и героизме:

*Смерть подходит на склоне печального дня,
Миновали шум-гам, хай-харай, суетня.
Появилось ружье – смелым смерть, западня.
Я старею иль время моё постарело?»*

Затруднительно судить о глубине печали изъясителя сей сентенции, поскольку чувства его выражаются совершенно невероятными лексикой и метафорикой.

Какой, собственно, смысл несёт в себе уже первый стих представленной гошмы? «Подходит смерть»... это как – непосредственно к герою, приближается вообще или же подвигается куда-то в конкретное (конец дня) время суток? И, в любом случае, почему означенная смерть «подходит», а не «приходит»? Далее. Слово «миновать» однозначно и категорически не применимо ни к заявленным шуму-гаму и семантически-тождественному ему, калькированному из оригинала «хай-хараю», ни, тем более, к суетне, коим контекст строго предписывает именно избыться. Примечательно в своём роде и, собственно, «хай-харай», помещённое в русский стихотворный текст даже без надлежащего разъяснения в соответствующем разделе книги. Далее – стих третий, содержание которого вызывает законное недоумение, поскольку самоочевидно, что орудие убийства – ружьё – смертоносно не для одних только смельчаков и что соотношение этого предмета с западней – потаённой ловушкой – решительно не может восприниматься здравым сознанием как поэтическая метафора.

Эта же гошма в оригинале:

Ахир эсәл гәлди, yetdi hay-haray!..
Çəkdiyim qovğalar bitdi həj-hapaj!..
Tüfəng çıxdı, mərdlik getdi həj-hapaj!..
Mənmə qocalmışan, ya zəmanəmi?

и во внятном подстрочном переводе:

Смерть подступила – эх, беда-суета!
Закончился ратный мой путь – эх, беда-суета!
Ружье изъясилось – доблесть избылась – эх, беда-суета!
Я ли постарел, время ли мое?!

Вернёмся, однако, к араслинскому предисловию:

2.«Кёроглу ненавидит главарей захватнических армий, пашей и ханов, предающих свое отечество, купцов, обирающих народ. Он горячий защитник простых и честных людей, враг всего лживого и подлого.

*Коль назовут рабом, то скрутят шею.
Я столб, стоящий впереди рабов.»*

Кого «назовут», кому «скрутят» и почему, собственно, «скрутят», а не «свернут»? Нормально: Тому, кто наречён рабом, сворачивают шею. Далее произволением переводчика в читательском воображении воссоздаётся фигура поистине комическая – предстоящий столбом (–чуркой, надолбом) легендарный рыцарь-гачаг. В оригинале действительно – «tığm tən» – упоминается «столб», однако переводчик имел полную возможность заменить его хотя бы «столпом» (опора, твердыня), не говоря уже о ещё более предпочтительном «таране», в образе которого всего уместней было бы обретаться впереди своего войска отважному вождю инсургентов.

3.«Тоска Нигяр о ребёнке (героиня поражена бесплодием. – Э.Р.), её безутешное горе слышатся в её жалобе Кёроглу:

*Как мне следить за домом в Ченлибеле?
Мороз пробрался в душу не к тебе ли?
И из пустой и пыльной колыбели
Ребьячьего смешного зова нет.»*

Нет, решительно возражает читатель, никакого безутешного горя из приведённых строк не вычитаешь, а вычитываешь из них сугубо и исключительно лишь переводческие ляпсусы да редакторские просмотры.

Следят за домом соглядатаи и сикофанты, хозяйка дома следит именно за порядком в нём, как то и имеет место в подлиннике: «Nesə baxım ev-eşiyə». Второй стих семантически никак не согласуется с контекстуальным его окружением, и это неудивительно, поскольку в оригинале («yaralı könlüm üşüyür») мы имеем не риторическое, обозначенное в переводе, вопрошение, но изустное признание героини в том, что мукой выстужено её собственное, израненное, к стати сказать, сердце. «Toz bügünmüş boş beşiyi», понятно же, выражение фигуральное, ни о какой реальной «пустой и пыльной» колыбели в дастане речи не ведётся. Наконец, «смешной зов» – явная несообразность, нормально: весёлый призыв, а в отношении младенца, то и вовсе – весёлое гуление, ибо призыв у младенца – непременно свидетельство его неудовольствия, а потому радостным не может быть в принципе. В оригинале, как и должно было предполагать, ни на что подобное нет и намека: “Şirin layla çalan yoxdu”, что подразумевает: никогда не звучать колыбельным над укрытой пылью пустой люлькой.

В рамках журнальной статьи мы попытались лишь коротко описать и обозначить проблему, которая, в силу общественной её важности, имеет первостепенное значение для отечественной культуры, и решение которой неоправданно затянулось на многие десятилетия. Проблема эта – невоспроизведённость главного, наряду с эпосом «Деде Коркуд», творения национальной азербайджанской литературы на языке, имеющем бытование на одной шестой площади земной суши.

В статье приведены выдержки соответственно из оригинального: Короғлу. – Баку, Аз.ССР ЕА-нын нәшр., 1959 и русско-переводного: Кёроғлу. – Баку: Изд-во АН Аз.ССР, 1959 изданий сводов эпоса. Тексты цитат на азербайджанском языке даны в современной – латинской графике. – Прим. автора.

ИНЕССА ЛОВКОВА

Баку – Сочи

Доче

И в день рожденья льют дожди,
Не омрачая настроенья,
Справляясь с праздничною ленью,
Не ведая, что впереди.

Дождь монотонит и бубнит,
А я улавливаю песню...
Баку, наверно, дождь ровесник
Тебе, как и твои огни...

У южной солнечной мечты
И города берут отсрочки...
Благословляю город Сочи,
В котором оказалась ты.

Вослед размеренным звонкам
Летят, по-доброму волнуя,
Слова, в обнимку – поцелуи,
И оттого неспешно нам.

И мне беспечно потому,
Что в Сочи солнечно и сухо,
Что можешь ты сплошные сутки
Кутить, не в море потонув.

И гомон птиц, и лёгкий бриз
На всплеске трепетных эмоций
В сезон, что «бархатным» зовётся...
Тебе достался этот приз.

***

У парка толпился народ –
Цветов невпроворот,
Закончился праздник, и тут
Цветы задарма раздают.
Был равнодушьем дан бой,
Кипел человеческий рой...
Ну разве это не класс –
С прекрасным слиться на час?!

И снова...

И снова прощанье до лета,
И снова вокзальный галдёж
Врывается верной приметой,
С которой свидания ждёшь.
Куда-то спешащие люди
Кого-то зовут, мельтешат,
Как многое, день тот забуден,
Но жутко во времени сжат,
Чувствителен от расставанья...
Надсада разлукою в год
И психологизм расстоянья
Замкнулись в мой жизненный код.
И в свете событий последних,
Пожалуй, годов десяти,
В пейзажах назойливо летних
Сочувствия мне не найти.
Ленивой дорожной беседой
Скостив не один километр,
По южной дороге я еду
С оглядкой на северный вектор.

А чувства могут отмереть...

И помнить, и прощать уметь –
Наверно, это свыше дар...
А чувства вправе обмельеть,
Запомнив искушенья жар.

Быть может, так горят в аду
За непрощённые грехи,
А отгоревши, как в бреду,
Слагают байки и стихи...

И, сочинив удачный бред,
Пальнув по прошлому в прицел,
Он не простил чужих побед,
Он был красноречив и смел.

Его же мнимые враги
Вдруг выросли как грибы,
Он лгал себе, он лгал другим,
А про раскаянье забыл.

А кто-то истину постиг,
Освоив полный курс измен, –
Простился он, но и простил,
Ничто не требуя взамен.

Всё помнить и прощать уметь...
А чувства могут отмереть...

Желание

Желание возникло невзначай
В вагоне окрылённой электрички,
Как если б, загоревшись с серы, спичка
Не угасала... верно, сгоряча...

Глядеться в угасавшее окно
На бешеном ходу себе дорожке –
Желание с движеньем заодно:
Приветно покружив, умчаться может.

Как быть тогда, за что его хватать,
Определяя контуры на ощупь?
Умелому на раз гораздо проще
Желанье материализовать.

Нет, не могла придумать я теперь
Не мною обронённое когда-то...
Людей за хладнокровье от потерь
Приговорили к грусти и утратам.

Теряется из виду дикий лес
На скорости безумной электрички,
А я грущу, скорее, по привычке,
К желанию утратив интерес.

Вездесущее лето

В это лето последнее
Зной вписался в скрижаль,
И деревья по-летнему
В крону прятали жар,
На сезонном мажоре,
Безрассудству верны,
Люди бредили морем
С исступленьем волны.
Вакханалия лета
Чтит во всём перебор
С самых ранних рассветов
И до тех самых пор...
Изумрудным накатом,
Белогривой копной,
Лазурит-адекватом,
Золотистой крупой,
Многозвучной раскраской
В цвет больной бирюзы,
Колористикой разной
Апшеронской лозы
Вездесущее лето
Свой окрасило след,
Неразменной монетой
Подкупив белый свет.

Никчёмная вражда

Рывками ветер тьму дробил,
С дождём решив затеять схватку,
А тот скользил по стёклам гладким,
Как уж в песчанике степи.

Но ветер, на свою беду,
Сподобил дождь раздухариться,
Резвились капли, словно птицы,
Играя с ветром в чехарду.

На ветер не сердился дождь,
Но, опоив собой, не водкой,
Пошёл косить прямой наводкой
Во всю разбуженную мощь.

Какая разница дождю,
Какие омыwać пределы,
Он ветер под орех разделал,
Залив никчёмную вражду.

* * *

Всем эта бабочка взяла –
Рисунком да и цветом,
Размахом крыльев бы могла
Легко объять полсвета.
Но полететь в далёкий путь
Она никак не может:
Мгновенье жить – какая жуть! –
И сгинуть днём погожим.

Мурзик

Бродят по двору разные коты,
Лишены они всякой суеты,
Лень не занимать, но настороже
Мурзик – местный кот – в чёрном неглиже.

К играм озорным шумной ребятни
Безразличен он, но его манит
Шорох листьев, где, может, то сидит,
Что волнует кровь, будит аппетит.

Мышка ль прошуршит, птичка ль пролетит,
Желтоглазый взгляд не добро сулит,
Крыльев не обрёл хитромудрый зверь,
Не пролезть ему и за мышкой в щель.

Мурзик, просидев сиднем день-деньской,
Не испортил вкус книгой поварской,
Взглядом знатока глянув на закат,
Уплетать пошёл сытный citecat.

В камине трещал огонь...

**В камине трещал огонь,
Охапка дров на полу,
Свет подобрался к столу,
Устроив мраку разгон.**

**Яркое пламя в ночи
Лёгкий смущает сквозняк,
Вея в разверстой печи
И в голове у меня.**

**Слово простое «очаг»
Не искажу нараспев,
Словно купаюсь в лучах
Солнца, к зениту поспев.**

**Вздумай огонь, не дай Бог,
Во зло, не во благо, гореть,
За одинокий порог
Выплесну звонкую медь.**

**Подкуп невинный такой,
Пожалуй, – не оберег,
Тогда ворожбу с рекой
Затею до стылых рек.**

**Надёжно свинцовый лёд
Рельеф берегов скуёт
В попытке развеять миф,
Как спас Прометей мир.**

**К счастью, источник тепла,
Мудрый своей простотой,
Символ негаснувший свой
Вечная Жизнь сберегла.**

***

**У снега, что надумал опуститься
На землю с фантастических высот,
Такая лёгкость, он бескрылой птицей
Пустился в незадачливый полёт.**

**Снег сыпал густо, долго и с азартом,
Перебелить пытаюсь белый свет,
И, нужный тон задав себе со старта,
Рассчитывал оставить светлый след.**

**Он влёт кружился и старался очень
Запорошить унылые места,
Но оказалось, головы морочил
Его любившим, мутной жижей став.**

ИЛЬГАР ФАХМИ

БАКИНСКАЯ МОЗАИКА

Перевод Натаван ХАЛИЛОВОЙ

«Бакинская мозаика» – своеобразный экскурс автора в историю и этнографию Баку. В иронической манере в книге представлены события, имевшие большое значение для истории формирования города, его роста, политико-экономического и демографического развития. Книгу, в которой автор мысленно нанизывает одно историческое событие на другое, перемежая их своими размышлениями, не стоит рассматривать как чисто исторический материал об истории Баку. Это Баку, но это другой Баку.

ПРЕДИСЛОВИЕ, НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ ДЛЯ ЧТЕНИЯ

Джеймс Джойс, живя в итальянском городе Триесте, за тысячи километров от своей родины, писал роман о Дублине и дублинцах, он гулял по старым кварталам ирландской столицы, ее улицам, вспоминая историю каждой улочки и постройки. Может, потому он и писал свой роман вдалеке от описываемых мест, что все предметы и события видятся по-разному изнутри и на расстоянии, и Джойс хотел увидеть свой город именно со стороны.

Орхан Памук, сидя в библиотеке Колумбийского университета в Нью-Йорке, писал свою «Черную книгу»; слившись воедино со своим героем, он бродил по старым кварталам Стамбула, обходил духаны и базары, плавал на паруснике по Босфору, представляя образы и раскрывая характеры канувшего в Лету времени.

Как это ни странно, но мне кажется, что успех этих двух произведений, сходных по теме и по судьбе, связан не только с талантом авторов, но и их способностью увидеть свою родину со стороны, и этот взгляд издали помог им раскрыть специфические особенности этих городов. Во всяком случае, так я думаю.

Сидя в своем доме в самом центре Баку, в одном из кварталов, находящихся за дворцом «Республика», я хочу написать историю Баку, но, несмотря на место своего нахождения, я ощущаю себя настолько далеко, что расстояния между Дублином и Триестом и между Нью-Йорком и Стамбулом кажутся мне такими же короткими, как и человеческая жизнь. Дело в том, что эти расстояния измеряются только километрами, а меня с моим Баку разделяет сам факт его существования, другими словами, я есть, а моего Баку уже нет. У меня всегда было ощущение, что я живу вне своего города, и, когда я садился за эту книгу, мне казалось, что мой дом находится на едва видимой границе между бытием и небытием, своего рода на натянутом канате – и канат этот, разделяющий бытие и небытие, зыбок. Справа он существует, а слева его нет, и, работая над книгой, я все отчетливее чувствовал крен влево.

Так и случилось. Работу над этой книгой я начал в доме за дворцом «Республика», опубликовал ее отрывки, одна газета даже напечатала книгу в сокращенном

варианте, но увидеть это произведение завершённым и опубликованным этому дому было не суждено, шест в руках канатоходца так накренился в левую сторону, что утащил с собой и мой дом. Другими словами, дом мой был снесен.

Всю свою жизнь я прожил в центре Баку, но в отличие от других счастливицков, не в одном доме, мне пришлось поменять три дома, и все мои три дома были снесены. Дом возле так называемого Гырхпилекена¹, где прошли мои детство и юность, был погребен под новостройками за дворцом «Республика». Но страхи, преследовавшие меня в том старом доме, не оставляют меня и здесь. Эти похожие на дивомонстров новостройки преследуют меня и здесь, прямо напротив моих дверей, на противоположной стороне улицы высится новостройка, мои окна, открывающиеся на три стороны улицы, упираются в такие высоты. Какие-то из них уже построены, другие еще строятся. Правда, они, к моему счастью, не прилепились к моему дому, так что солнечные лучи пока еще могут беспрепятственно заглядывать ко мне. Между моим домом и высотками есть небольшое расстояние. Но соседи уже поговаривают, что вскоре и наши дома будут снесены, и, начиная с Центрального универмага и армянской церкви, будет строиться новый квартал с высотками.

Кажется, единственной целью этих великанов является выжить меня из центра города. Я дал себе слово: если и этот мой дом снесут, больше я дом покупать не стану, куплю себе катер, пришвартую его в городском яхт-клубе, там и буду жить и смотреть на Баку со стороны. Так и мечта монстроподобных высоток сбудется, то есть они наконец выживут меня из центра, ну, и мое желание сбудется, потому что хоть и с моря, но смогу наблюдать за моим любимым Баку.

Все это я сказал так, к слову. Но было время, когда такое мне бы и в голову не пришло, мне казалось, мой Баку навсегда останется со мной, будет моим, и я никогда не буду вынужден стоять в сторонке и представлять себе свой город.

Сегодня я далек от Баку, о котором говорю, хотя нас отделяет всего несколько десятилетий. Лет двадцать-двадцать пять назад мой Баку кое-как, но все же еще существовал; пусть он постарел, обессилел, изменил свой вид, но все равно я знал, что это мой Баку; Баку, пахнущий киром, с осколками лимонадных бутылок на обочинах асфальтированных дорог, с нефтяными лужицами на морском побережье, с черными от нефти чайками, с пылью, забивающей рот, нос и глаза, с Хазри², вырывающимся из рук портфели и сносящим папаху с голов... (этот список можно продолжать без конца). Наш Баку.

Но сейчас этого Баку нет, как говорила моя бабушка, кошка унесла. Воодушевленно, без усталости мой Баку денно и ночью красят и белят, сглаживают острые углы, чистят и моют, и в скором времени история моего Баку станет белой и гладкой, как саван, и, забрав таких старых бакинцев, как я, унесет туда, куда уносят все отжившее, на тот свет...

Иногда мне кажется, что у городов есть свой этот и тот мир, свой ад и свой рай; они закладываются, развиваются, растут, затем начинают хиреть, разрушаться, постепенно сходят на нет и умирают. В мире много городов, от которых сейчас остались только руины. С этой точки зрения мой Баку сейчас стоит на пороге того света в глубоких раздумьях о своей жизни, о своих поступках, думает, куда он попадет – в рай или ад, размышляет о том, что сказать Аллаху в оправдание своих грехов...

Кто-то может возразить, что Баку не разрушался, напротив, с каждым днем он растет ввысь и в ширину, становится все более красивым и чистым, благоустрива-

¹ Гырхпилекен (азерб.) – сорок ступенек.

² Хазри – северный ветер.

ется и т.д. Но нет, уважаемые, прошу вас, будьте внимательны, потому что Баку, который вы видите сегодня, это не тот Баку, о котором говорю я, это сын старого Баку. Вообще много общего между судьбами городов и семей, и можно бесконечно проводить параллели и приводить различные факты. А разница, по-моему, только в том, что в человеческих семьях дети не получают имен родителей. Судьба же городов иная, имена детей зачастую повторяют имена родителей или, в крайнем случае, подвергаются незначительным изменениям. В этом смысле города можно сравнить с русскими семьями, у них довольно распространена традиция называть детей в честь родителей, например: Иван Иванович, Петр Петрович и т.д.

И современный Баку, думаю, можно назвать Баку Бакуевич. Баку-сын – это город, который мы все сейчас видим, я же хочу поговорить об отце и бабушке и вообще о предках этого города. Заставило меня сделать это следующее: обычно сын хранит что-то в память об отце: фотографии, какие-то реликвии. Например, мне от моего отца остался альбом с фотографиями, двое костяных четок, коробка с инструментами часовщика и пять тетрадей с философскими рубаи (конечно же, это всего лишь фантазии, написанные после принятия внушительной порции водки «Столичная», в противном случае я бы уж давно их опубликовал), и еще несколько абсолютно не нужных мне вещей, но, тем не менее, я храню их, как зеницу ока, потому что, когда мне хочется поговорить, поделиться своими горестями или радостями, посоветоваться с покойным отцом, эти предметы служат мне проводниками в мир, куда мне вход запрещен, они открывают мистическое окно, и через это окно я вижу своего отца, деда и вообще всех предков.

Таковы нормальные города. Так, Рим в память о своих предках сохранил древнеримский Колизей, Париж – Лувр, Лондон – Биг-Бен, Милан – оперу «Ла-Скала», Москва – храм Василия Блаженного, Нью-Йорк... Нет, Нью-Йорк ничего не сохранил, потому что хранить нечего, если бы было что хранить, как говорил мой отец, они бы давно нам глаза выели; Нью-Йорк незаконнорожденный ребенок. Но Баку-то не незаконнорожденный, у него были достойные предки. Например, отец нынешнего Баку, театральный и киношный, троллейбусный и трамвайный, с памятниками Ленина и Кирова, оставался верным, как бы он ни обновлялся, какие бы поселки и микрорайоны ни проектировал, он размещал их на окраинах города, не трогал и не беспокоил центральные исторические части города, заботился об Ичери шехер¹ и старых кварталах.

На кого стал похож нынешний Баку в своей измене и нигилизме? Решил, что ему ничего от предков не нужно, надо раз и навсегда избавиться от прошлого и устремиться в будущее. И современный Баку, подняв флаг нигилизма, начал разрушать все, что осталось ему в наследство, большую половину зданий в Крепости снес и возвел виллы, в старых кварталах разрушил уютные, пусть старые, но добротные дома и дворики и построил квадратные высотки, на месте старых построек, каждый камень которых был пропитан духом наших предков, теперь стоят квадратные бетонные мутанты.

Может, современный Баку и не виноват в этих нежелательных процессах, может, это вражеские козни? Может, все это происки людей, вознамерившихся сбить с пути наших детей, добропорядочных, смелых, честных мусульман? Может, они внушают Баку, что если ты хочешь стать цивилизованным современным городом, то должен распрощаться со своим прошлым, должен построить это светлое будущее на развалинах своего прошлого. Наверное, так и было, и старый Баку подпал под это

---

¹ Ичери шехер – Бакинская крепость..

влияние и начал претворять в жизнь все их указания, то есть разрушать все, что осталось от предков. Но несчастный внук не понимает, что если он разрушит оставленное ему наследие, то чем он будет отличаться от незаконнорожденных детей: Нью-Йорка или Вашингтона? И как он в будущем сможет доказать законность своего существования?

Пусть эти мои мысли и вторят оппозиционным газетам, но другого выхода у меня нет. Я хочу, чтобы читатель понял истинные причины моего решения написать книгу об истории Баку.

Некоторые могут сказать, предположим, мы понимаем то, что вы говорите об Ичери шехер, но что плохого в том, что в других частях города сносят старые кварталы и возводятся новые современные дома?

Задающиеся таким вопросом, конечно же, ошибаются. Если Ичери шехер является символом нашей многовековой истории, то старые кварталы тоже являются символом столетней давности, это тоже память старого Баку.

Так же, как гуляющие по Ичери шехер чувствуют себя в XVII веке, так пусть и гуляющие по старым кварталам в центре города чувствовали бы себя в XIX веке. Пусть от каждого века, даже от советского периода что-то останется на память от нашей истории...

Но кто нас слушает?.. Современный Баку по уши занят переустройством. Как раненный в единственный глаз див, он разрушает все и вся без разбору. Одним словом, Баку сейчас занят тем, что обсасывает косточки своих предков. Вообще сейчас о еде говорят много, молодежь, наточив зубы, кидается на старичков – новая музыка стремится пожрать старую, новая литература – старую, новые дома – старые и т.д.

На прошлой неделе при виде двадцатизэтажной высоты на месте нашего старого двора мне и в самом деле почудилось, что она съела наш дом и дворик, и мне казалось, что если я войду в двери этой высоты, то попаду сразу в его желудок, и там в каком-то его отделении найду комнату, где бабушка совершала намаз, чердак, где дядя держал голубей, дедовский чан для варки кира, папин тар¹, на котором он иногда играл и, наконец, свой воздушный змей, деревянный автомат и пистолет (конечно же, все это в растерзанном, пережеванном виде, короче говоря, прошедшем путь кишечного расщепления).

И тут во мне все взыграло, захотелось взять свой деревянный автомат, схватиться за свой воздушный змей, подняться вверх и расстрелять эти небоскребы, поглотившие мой Баку, разрушить их до основания и, вытащив из их желудков остатки проглоченного ими моего города, собрать заново мой Баку, оживить, дать ему вторую жизнь.

Я машинально зашагал в сторону высоты, навстречу мне из дверей вышел светлый голубоглазый парень, на кармане куртки которого было написано «Security».

– Ду ю спик англиш? – спросил он.

Я понял, что внутрь он меня не пропустит, поэтому, прокричав ему единственную фразу на английском языке, которую я знал: «Кис май эсс», припустился вниз по улице камнем, выпущенным из рогатки. Несясь по улице, я чувствовал, что постепенно в своем родном городе становлюсь беженцем. Именно так, бакинцы в своем городе становятся беженцами. И самое ужасное было то, что мне нравилось мое положение, точнее, даже если сердце мое противилось этому, на душе было легко, будто с плеч моих свалилась тяжелая ноша. Теперь, кажется, я нашел оправдание

¹ Тар – азербайджанский музыкальный инструмент.

всем своим несчастьям. А оправдание было в том, что во всем виноваты не мы, а они, поглотившие мой город, они сильнее, я больше ничего сделать не могу, даже если захочу, сил не хватит...

Запыхавшись, я остановился, осознал, что причиной нигилизма современного Баку, желая распротиститься со своим прошлым являюсь я сам, моя ненасытная алчность. Нет никакой разницы между чиновниками, продавшими иностранцам за миллионы долларов старинные здания в Ичери шехер и мной, продавшим за пятьдесят тысяч долларов комнату, в которой моя бабушка совершала намаз.

Вся разница между нами – это площадь продаваемой территории и сумма сделки.

Все это может кому-то показаться смешным. Могут спросить: что меня так привлекало в тесных, без всяких условий двориках, почему потеря их так меня мучает? Ведь сейчас ты живешь в хорошей благоустроенной квартире. К твоим услугам и коммунальные услуги, и бесперебойные свет и газ, и крыша не протекает, и соседи не донимают, все хорошо, чего тебе еще?

Думающие так, может, и правы. На самом деле мои нынешние условия не сравнить с теми, в которых я жил раньше, и если я что-то потерял, то восполнил это все в пятикратном размере.

Но меня волнует один вопрос: мои предки десятилетиями жили в этих тесных двориках, где размещались пять-шесть квартир с тесными комнатами и низкими потолками, и все у них было общее, от туалета во дворе до веников и совков, и всегда угощали всех тем, что готовили, и не было ни у кого ни от кого никаких секретов, и дети без стука и спроса заходили в соседскую квартиру, если к кому-то приезжало много гостей, то их размещали у соседей, летом сообща мыли паласы и ковры, и занавески на окнах никогда не задерживали, потому что знали, никто из соседей, проходя мимо окон, головы не поднимет, чтобы заглянуть внутрь, несмотря на все это, никто не чувствовал никакого дискомфорта, ни от тесных комнат, ни от отсутствия коммунальных благ, и никто не лез из кожи вон, чтобы улучшить свои условия, каждый довольствовался тем, что у него есть и был благодарен Аллаху за это. Так и жили, радуясь жизни, и с улыбкой покидали этот мир.

Как же получилось, что условия, в которых спокойно жили наши предки, нам оказались не по вкусу, наши дома нам теперь казались тесными и неудобными, почему нас захватило желание жить в более просторных и удобных квартирах? Или наши предки были отсталыми или не знали путей лучшей жизни?

Все они знали, и знали очень хорошо. Но что же изменилось тогда? Что случилось?

А случилось то, что нам ПОКАЗАЛИ; показали то, чего раньше мы не видели и не знали, пробудили в нас дремлющего шайтана, разогрели аппетит. Оказывается, лучше и удобнее иметь туалет в доме, и не надо в холод и дождь выбегать на улицу. Пощекотали спящую в нас лень, и мы послушно согласились. Теперь мы на глазах у жен и детей заходим в туалет с тонкими стенами, и поправ все правила приличия, оглашаем квартиру неприличными звуками, связанными с естественными физиологическими потребностями, и, сами того не чувствуя, убираем тонкую грань в семейных отношениях, уважение и стыдливость.

Нам объяснили, что из-за того, что кухня находится на застекленной веранде и запахи готовящихся блюд распространяются по всему двору, то приходится всем соседям посылать по тарелке с угощением, никто и знать не будет, что ты готовишь за

железной дверью в глубине квартиры, и необходимость делиться отпадает. Тут уж проснулась спящая в нас скупость, и мы опять покорно согласились, и в этот раз мы потеряли присущие нам щедрость и добросердечность.

Нам сказали, что если вы живете в двориках, то соседи видят всех, кто к вам приходит, все знают, кто к кому и когда пришел и с какой целью. А в зданиях не так, все живут за закрытыми дверями, и ты можешь привести к себе кого угодно и когда угодно, хоть женщину, хоть мужчину, и никто об этом не узнает, никто не будет совать свой нос в твою личную жизнь. Тут подняла голову наша обузданная до этого развращенность, и мы, опустив голову, опять согласились и не заметили, как внутри нас начали рассыпаться нравственные устои.

Затем постепенно мы отказались от своего гостеприимства, дружелюбия и других качеств и превратились в холодные, как бетон, квадратные существа.

Безусловно, найдутся те, кто опротестует мои слова. Скажут, что все зависит от характера человека, скупой везде скупой, бездельник везде бездельник, так же, как и невежа. Влияние условий жизни на характер человека сильно преувеличено.

Я и тут не соглашусь, потому что есть факторы, влияние которых на первый взгляд и не заметишь. Но не брать их в расчет никак нельзя. Я бы хотел привести некоторые такие факторы.

Вначале рассмотрим мистико-сакральные. Ясное дело, что в старину при строительстве наши предки никаких технических средств не использовали. Каждый камень, дерево обрабатывали вручную, вкладывая не только свое мастерство, но и тепло своей души. Таким образом, в построенных домах витала особая мистическая аура, и эта внутренняя биоэнергия создавала условия для сохранения духовной атмосферы предков для потомков. Предполагаю, что такой иррациональный фактор мало кто примет во внимание, но это ничего не меняет.

Второй фактор – общественный. В старые времена людям, жившим в таких двориках, приходилось сдерживать свои отрицательные черты характера, подчиняться общим неписаным правилам и законам, потому что знали, в противном случае им в этих кварталах житья не будет.

Например, если какая-то хозяйка была скупа и готовила что-то вкусное, она все равно была вынуждена угостить соседей, потому что скрыть все это было просто невозможно. Раз, другой, третий, и скупость человека просто испарялась, он становился щедрым.

Или, скажем, кто-то хочет устроить в своем доме притон или подпольный игорный дом, он, пусть нехотя, но откажется от этой затеи, потому что знает, если из его дома будут исходить подозрительные звуки, шум, если к нему начнет ходить много подозрительного народа, то соседи его так проучат, что мало не покажется.

Я могу показаться поборником патриархального образа жизни или коммуны. Свободолюбивые мои сограждане могут возразить, что при этом ограничиваются права людей на личную жизнь, им приходится подчиняться законам общины.

Да, права личности в таких условиях на самом деле ограничены, индивиду не позволено выходить за определенные рамки. Но давайте взглянем на эту проблему с другой точки зрения: разве человек пришел в этот мир только для обретения свободы? Других целей в жизни нет?

И потом, свобода – это не следование за своими необузданными желаниями, ломая все нравственные нормы и правила, как нам пытаются внушить. Настоящая свобода духа – это нечто другое.

На самом деле абсолютной свободы нет. Человеческая воля или подпадает под власть своих желаний, то есть превращается в их раба, или же подчиняет их своей воле и освобождается от власти желаний.

Теперь посмотрим, какой из этих путей ведет к истинной свободе. Недалекие люди, безусловно, выберут первый путь, потому что для них истинная свобода заключается в свободе всех чувственных желаний.

Умные же люди выберут путь подчинения вожделиний истинной духовной свободе.

Кажется, беседа затянулась. У меня не было намерения читать мораль о мудрости и вожделиниях, это дело религиозных служителей.

Просто хотел сказать, что в старых бакинских двориках витал такой дух, что все вынуждены были сдерживать свои желания, а это, в свою очередь, служило освобождению духа от вожделиний и устремления к истинной свободе, и это было очень хорошо.

Кажется, я уж слишком сильно превознес старый Баку, идеализировал. Те, кто не знал его, решат, что старый Баку был раем, а люди, проживающие в нем, – ангелами. И были они все дружелюбными, помогали друг другу во всем... На самом деле в те времена было и много воровства, поножовщины, драк, как мужских, так и женских. По некоторым параметрам современный Баку намного лучше старого. Но в сознании людей тогда существовали барьеры, за которые им и в голову не пришло бы переступить. Теперь же никаких барьеров нет или они стали незначительными (опять я потерял мысль, придется начать сначала).

Опять я увлекся, расхвалил и приукрасил старый Баку. Показал только светлые стороны, умолчал о темной, неприглядной его стороне. В действительности Баку был обычным, ничем не отличавшимся от других городов, и бакинцы были обычными людьми, и хорошими, и плохими. Но все это не имеет отношения к моему Баку, потому что, как мой Баку отличается от современного Баку, так и бакинцы тех лет отличались от современных бакинцев.

Мой Баку принадлежит только мне, так как он живет во мне, в моей душе, в моих жилах, я бы сказал даже, в генах. И самое главное – это то, что мой Баку никогда не разрушится, на месте старых кварталов никогда не поднимутся высотки; по улицам моего Баку всегда будут ездить трамваи и троллейбусы; продавцы мороженого будут катить перед собой тележку с криком «Морож!», «Морож!», обходя дворы и переулки; любители голубей, и молодые, и старые, закатав штанины, будут лазить на крыши и гонять голубей; по вечерам бакинцы, надев свои кепки-«аэродромы», с четками в руках громко будут стучать шашками, играя в нарды; шоферы, вымазанные по локоть в машинном масле и бензине, будут копошиться в моторах государственных машин, припаркованных у своих ворот; старики в высоких папахах, с окладистыми бородами, собравшись под тутовым деревом, будут разбирать газели Низами и Физули; женщины во дворах будут стирать белье, обсуждая индийское кино, показанное вчера по телевизору; дети будут запускать воздушных змеев или, вооружившись деревянными автоматами и пистолетами, играть в войнушку. И эта идиллия, насквозь пропахшая запахом кира, не изменится до скончания века, все останется таким, как есть, никто не состарится, никто не умрет, ничто не разрушится. И я вплоть до получения приглашения от Азраила буду созерцать эту картину, отдающую кирным запахом, буду стирать с нее пыль, мыть ее, когда она запачкается, и, наконец, унесу ее с собой на тот свет. Да, именно так. Потому что мне, как и моему

Баку, нет места в этом мире. Ни моему Баку, ни его истории. А история моего Баку гложет мое сердце.

ПЕРВЫЙ ФРАГМЕНТ

История Баку sneдает нутро. Вернее, не sneдает, а как бы выразиться точнее, откусывает маленькими ломтиками, жует, перекачивает во рту языком, пропитывая слюной, превращая его в сморщенный выжатый кусок, а потом выплевывает. И человеческое нутро звонким шлепком припечатывается к асфальту. А там уж оно, приклеившись к ботинкам какого-нибудь прохожего, отправляется путешествовать. И путешествие это длится до тех пор, пока его оттуда не смоет дождевая вода.

История Баку, как вампир. Вампир высасывает человеческую кровь, а история Баку – человеческую душу. Порой, когда она не может насытиться, берется за плоть, тщательно пережевывая каждый кусочек для облегчения пищеварения.

А еще история Баку напоминает моего деда. На самом деле мой дед и есть история Баку или наоборот – история Баку является моим дедом – особой разницы между ними нет. Когда думаю об истории этого города, перед глазами всегда встает дед: и он обращался с фруктами так же, жевал, высасывая сок, а остатки выплевывал. Может, это просто какие-то ассоциации, не имеющие ничего общего с действительностью, а может, и нет.

Мой дед – воплощение истории Баку, его символ; был он беззубым и носил протез, на который порой ополчались муравьи. В конце концов, ему объяснили, что зубы, то есть протез, нужно хранить в стакане с водой. После того, как он последовал этому совету, его протез перестал быть объектом нападения этих насекомых. Муравьи же не амфибии, чтобы нырять в стакан с водой, так и утонуть недолго.

История Баку тоже стала беззубой. А иначе Баку не стал бы таким несчастным и жалким, а разорвал бы каждого, кто посягает на него, и не нуждался бы в таком ничемном защитнике, как я.

Единственное различие между дедом и Баку в том, что моему старику никогда не нравился кир. Баку же его просто обожал. Во всем мире нет второго такого города, который пылал бы такой беспредельной любовью к кире. Большая часть городов в мире вообще не имеет понятия об этом материале. Не знает, и знать не желает. Очень жаль, потому как есть пословица: «Грех – не незнание, а нежелание знать».

Они (в смысле другие города) в качестве покрытий используют шифер, черепицу, алюминий и еще бог знает, какие материалы. Баку же на всем протяжении своей истории все свои дома, лавки, гаражи, амбары, даже туалеты, покрывал только киром.

Кир – это одно из духовных богатств и сокровищ Баку. Нет, не одно из... Пожалуй, это единственное богатство нашего города. Как материальное, так и духовное. Почему? Потому что кир – это вязкая масса, состоящая из отходов производства бензина и керосина, остающаяся на нефтеперерабатывающих заводах, то есть, из нефти в результате перегонки выделяются бензин, керосин, мазут, после чего остается тяжелая и тягучая, как жвачка, масса. Это и есть кир. Если бы история Баку решила, как современная молодежь, день и ночь жевать резинку, то из его рта исходил бы устойчивый запах кира.

В других странах кир употребляют только при строительстве дорог. Отправляют кир на заводы, где в него добавляют щебень, гравий, еще что-то, необходимое

для получения асфальтовой смеси, и потом покрывают им дороги. Справедливости ради надо сказать, что и у нас были асфальтовые дороги. Но задолго до этого бакинцы стали использовать кир, покрывая им крыши своих домов.

Покрывать дома шифером в Баку нецелесообразно, потому что он не выдерживает натиска бакинского Хазри, порывы которого постепенно ослабляют гвозди, удерживающие этот кровельный материал, и, с грохотом скидывая на землю, ломают. Вокруг Баку нет лесов, чтобы строить деревянные кровли, как в русских избах. В обилии у нас только кир. Это единственное богатство истории Баку и бакинцев. Нет, не нефть, а именно кир – и только кир, потому что и бензин, и керосин, получаемые из нефти, иностранцы увозят в свои страны, чтобы кормить ими свои машины. Бакинцам же остается только кир, которым они и покрывают крыши своих домов, чтобы противостоять дождям и снегу.

Крыши Баку похожи на асфальтовую дорогу, ведущую в ад, но дорога эта представляет собой не сплошное полотно, а нарезана на квадраты.

История Баку – это мозаика из крыш, покрытых киром. По-моему, было бы лучше, если бы из нашей земли выходила не нефть, а кир, по крайней мере, в этом случае мы бы избавились от заморских дельцов.

Любопытно, кому впервые пришла в голову мысль намазать крыши остатками нефтепереработки? Кто был первым кирщиком в Баку? Интересно, знал ли он о том, что сделал одно из величайших открытий? Наверное, знал. Бакинцы – народ рассудительный, всегда знают то, что делают.

История Баку пахнет киром, ...или наоборот, кир пахнет Баку. Особенно летом, особенно в полдень, когда под лучами солнца кир превращается в мягкую жвачку.

Летом в полдень не каждый рискнет подняться на бакинские крыши, потому что подошва туфель тоже сделана из нефтепродуктов, и встреча этих родственных душ заканчивается такими крепкими объятиями, что оторвать их друг от друга практически невозможно, и вам не остается ничего, как только сдаться этой большой родственной любви и сказать «прощай» своей обуви.

Кир – символ истории Баку. А Баку злопамятен и суров, не прощает и жестоко карает всякого, кто посягает на святая святых.

В отличие от полудня, вечерами можно спокойно подняться на крышу, в темноте ваши подошвы не узнают своего кузена, по которому ходят, и не рвутся в его объятия. Поэтому, если кому-то из бакинцев надо по какой-либо причине подняться на крышу, он всегда выжидает сумерек.

И кого только ни повидал бакинский кир на своем веку. И лучше всех он знает Хазри. Мир состоит из четырех стихий: воды, огня, земли и воздуха. Земля одарила Баку нефтью из своих недр, а воздух одарил Хазри. И Хазри, и нефть были созданы в одно время: один – в земле, другой – в воздухе. Кир вынули из земли и бросили в воздух, а заключить воздух внутри земли никто не удосужился. Поэтому кир, несмотря на то, что родился в недрах земли, все-таки стоит на одну ступень выше воздуха.

История Баку – ковер, сотканный из черно-серых тонов. Черные пятна – это крыши, покрытые киром, а серые – пыльные узоры, начертанные Хазри. Пыль, песок и кир – члены единого братства. Кир очень любит одеяла из песка и пыли. Но, к сожалению, одеяло это непрочное и под дождем расходится на ниточки.

Нет, было бы неправильным отождествлять историю Баку с черно-серым ковром. Ведь есть еще и остекленные балконы «итальянских дворишков». Другими сло-

вами, история Баку – черно-серый ковер, перемежающийся остеклением, напоминающим шахматную доску. Только все квадраты на этой доске одного цвета – цвета стекла, то есть белые. И за этими стеклами вы можете видеть руки бакинцев, перебирающие разноцветные четки.

Стекла тоже не любят кир. И причиной их отрицательного отношения к этому суперматериалу является то, что, когда покрывают крыши киром, нет-нет, да и капнет горячая жижа, оставляя черные пятна на их белой коже.

И кир на бакинских крышах, и Хазри, подметающий эти крыши, – живые существности. Они имеют души, и как бы странно это ни звучало, души эти материализовались. Конечно же, я имею в виду голубей. Они являются душой таких крыш, кто знает, может, и душой Хазри тоже...

Нет, не так. Голубь – не душа. Не бывает души с перьями и хвостом. Голуби – дети крыш. Вот так правильнее.

Если приравнять бакинские крыши к мужчинам, тогда голубятни надо приравнять к их любовницам. А голуби, – стало быть, плод любви этих двух влюбленных. Само собой разумеется, что дети эти – незаконнорожденные. Потому что голубятни не могут быть законными женами бакинских крыш, так как в отличие от домов, находящихся под этими крышами, сооружения, находящиеся на этих крышах, не имеют ни купчей, ни технических паспортов с заверенными подписями и печатями. Следовательно, голуби относятся к разряду бастардов.

Так же, как не каждому мужчине выпадает счастье иметь любовницу, так и не каждой бакинской крыше выпадает иметь голубятню. На пять-десять крыш приходится по одному везунчику.

Если кир приходится голубям отцом, тогда Хазри может считаться их дядей. Хазри любит голубей, но любовь эта не взаимна, голуби боятся крутого нрава дядюшки. Как только он появляется, голуби бегут прятаться под крылышки своих мам. Голубятни, как кенгуру, как только появляется опасность, собирают в себя всех своих деток.

Когда Хазри не бывает, голуби поднимаются в небо, то есть, идут к своему дяде. Взлетают, кружатся, летают, играют, порой поднимаются так высоко, что кажутся точками в небе. А когда опускаются, теряются и попадают в чужую голубятню.

Как все порядочные мужчины, Хазри ненавидит любовниц своего брата, то есть голубятни. При каждом удобном случае он совершает нападение на эти хлипкие домики, стараясь скинуть их с крыш. Несчастные пытаются сопротивляться, скрипят и стонут, как проститутки, попавшие под пинки клиента. Хорошо зная нрав Хазри, голубятни стараются устраивать в тех углах крыш, куда ветер заглянуть не может. Это еще больше раздражает Хазри, и он с еще большим ожесточением сыплет песок и всякий мусор, поднятый с земли, на крыши. Такой уж он Хазри – упрямый, злой, капризный, высокомерный, сам бездарен, может, потому и не нравится ему никто, – в общем, таков, как большинство наших писателей.

Несмотря на высокомерие Хазри, роднящее его с некоторыми писателями, все же пользы от него больше, чем от этих бездельников, потому что в отличие от них он очищает и освежает наш город. Он наш экологический инспектор. Впрочем, нет, не инспектор, скорее экологический веник, выметающий мусор и зловоние и приносящий свежий воздух. Но порой новое бывает хуже старого. А это говорит о том, что наш экологический инспектор – взяточник, или же он работает по настроению. Захочется ему – очистит воздух, не захочет – отравит.

Хазри стал для бакинцев оплотом морали и чести. Стоит раззеваться и он соцвет символы нашей чести – папаху у мужчин и чадру у женщин, поэтому еще исстари мужчины наши всегда крепко держались за свои папахи, а женщины плотнее заворачивались в свою чадру. Жаль, что по мере появления и роста высоток влияние Хазри уменьшилось, все расслабились, отпала нужда держаться за свою одежду, и в один прекрасный день выяснилось, что нет уже ни папах, ни чадры.

Есть мнение, что название Хазри пошло от названия Хазара (Каспия). Возможно. Во всяком случае, все в этом мире произошло от чего-то, у всякой сущности есть первоисточник. Конечно же, кроме Бога.

Не могу сказать, как с Богом, но отношения Хазри с Хазаром очень интересны. Хазри похож на папаху Хазара, вернее, не на папаху, а на покрывало. Покрывало, сотканное из пыли, или келагай¹, потому как Хазар – море, похоже на женщину, придерживающуюся очень строгих моральных правил.

Хазар – одно из двух добродетельных, скромных морей в мире; оно девственно закрыто, у него нет выхода в океан и, видимо, никогда не будет. Если, конечно, какое-нибудь землетрясение не уничтожит сушу между ним и Черным морем или какие-нибудь умники не воткнут канал в женскую сущность нашей красавицы. Если вдруг когда-нибудь такое случится, то Хазар потеряет свою девственность и станет, как и другие, «открытым морем».

Не приведи Господь. Что тогда станет с нашей осетриной? И без того она уж и не знает, куда деваться от нашего варварства. Ей ведь кроме своих цепей терять нечего, если Хазар «откроется», она будет первой, кто улизнет от нас.

Хазри щедро посыпает Хазар песком и пылью, а море собирает все это богатство у себя на дне и с каждым годом поднимает свой уровень.

Но не только этим одаривал ветер свое море, время от времени он одаривал его и рыбаками, но море, оставаясь верным чести и добродетели, не принимало этих даров и выкидывало тела несчастных на берег.

А может, Хазару надоели однообразные подарки? Сколько можно получать песок, пыль да почерневших под солнцем рыбаков? Любой на его месте отослал бы такие дары подальше.

Но Хазар является еще и кормильцем, или, как у нас говорят, «опора жизни», потому что земля на Абшероне не очень плодородная, не дает богатых урожаев и вообще наполовину пустынна. Вот бакинцы и устремили свои взоры к Хазару. В самую его середину. И никогда Хазар не обманывал их надежды, никого не отпускал с пустыми руками... вот только Хазри... Как уже было сказано, Хазри частенько трепал Хазар, скидывая с морских волн злосчастных рыбаков в разверстые объятия Судьбы.

Хазри и Хазар – сподручники Судьбы. Наши рыбаки редко доживали до сорока-сорока пяти лет. Рыбак-старик – явление у нас исключительное.

В других странах рыбаки тоже тонут, но не так часто, как в Баку, потому что там у них нет такого беспредельщика, как Хазри.

Не любит Хазри рыбаков. И причины этой нелюбви известны, а может, и неизвестны...

Надо бы упомянуть и Гилавара². Обидится, услышав об этой несправедливости, нахмурится. Но, подумав немного, поймет нас. Есть поговорка: «Смельчак хвалит коня, а дурак жену». Если бы мы обстоятельнее говорили о Гилаваре, Хазри рассердился бы не на шутку. Уж больно он ревнив и очень строг в вопросах морали, как и

¹ Келагай – азербайджанский национальный женский платок из тонкого шелка.

² Гилавар – южный ветер в Баку.

все бакинцы.

От Хазри пахнет Хазаром, а от Хазара пахнет всем, кроме Хазри. Особенно бензином.

Настоящее название бензина, в смысле научное название – нефть, а может, наоборот, настоящее название нефти – бензин. Бог знает, во всяком случае, в лексиконе у бакинцев слова «бензин» не было. Одно время нефть собирали ведрами в абшеронских котлованах и продавали заезжим торговцам. Сами использовали для ламп и факелов, смазывали ее колеса телег.

Сто-сто двадцать лет назад немецкий ученый Рудольф Дизель создал мотор, работающий на бензине, и это определило спрос на бензин. Керосин – это та же нефть, только немного очищенная. Как очищают орехи от скорлупы для продажи по более высокой цене, так и керосин очищают и полученным бензином кормят мотор. И с тех пор обладатели разнообразных моторов да машин бросились колесить по миру в поисках бензина и таким образом добрались до Баку. И увидели, и поняли: это же рай! Здесь даже потеют нефтью. Поставили качалки и начали потихоньку вытягивать нашу нефть.

Огромными шприцами вышки вонзаются в нашу матушку-землю, высасывая ее черную кровь.

Так же, как окружающие начинают отворачиваться от человека, показавшего свое грязное, черное нутро, так и от бакинской земли после выкачивания нефти начали постепенно отворачиваться растения и животные. Вначале исчезли зерновые культуры, и их места заняли качалки. Потом пропали птицы; покинув центр Абшерона, они нашли себе прибежище на прибрежной полосе Хазара. И, наконец, бросив места своих игрищ у берегов Хазара, ушли в глубь моря рыбы. А причиной всему явилось то, что все отходы от нефтепереработки, ничуть не стесняясь, сливали в море, в результате чего вода у побережья покрылась черной жирной пленкой. И море превратилось в несчастного, бесправного негритёнка.

И чем чернее становилась поверхность моря, тем белее и светлее становилась жизнь бакинцев и рыб. Рыбы, привыкшие видеть над головой солнце и луну, вдруг обнаружили, что нефтяники покрыли киром и их крышу, а вскоре и сами превратились в негритят. И, покинув побережье, отправились подальше от берегов, где они вновь могли видеть солнце и луну, и где нефть не грозила лишить их первозданной красоты. Но, наивные, они и не догадывались, что доблестные нефтяники и там не оставят их в покое. Как только побережье было обескровлено, они рьяно двинулись вслед за рыбами и, установив вышки, начали выкачивать нефть, спрятавшуюся от них под водой. Так что крышу и в новом рыбьем убежище покрыли киром. Если бы рыбы предвидели такое развитие событий, то не стали бы менять место жительства, а просто научились питаться нефтью или бы начали практиковаться в полетах.

Леса в бакинской окрестности изумительные, слов нет: состоят они из инжировых деревьев, виноградников и... нефтяных вышек. Как ни странно, но ни бакинский инжир, ни виноград не пахнут нефтью. Жаль... если бы и инжир давал нефть, было бы вообще классно. Мы бы и его собрали и продали иностранцам. И тогда уж точно все наши проблемы были бы окончательно решены.

Раньше нефть возили на арбах, как инжир и виноград, потом кому-то в голову пришла гениальная мысль, что намного сподручнее использовать железные трубы. Так и сделали. От промыслов к заводам, от заводов к портам потянулись трубы. И огромная сеть нефтепроводов старческими морщинами избороздила историческое лицо

Баку.

И с этих пор нефть стала следовать по новому маршруту – из земли она ползла вверх, то есть из промыслов в резервуары, оттуда спешила на нефтеперерабатывающие заводы, оттуда – в порт, и, наконец, погрузившись на баржи, отправлялась в далекие страны.

Конечной точкой этого маршрута были моторы автомобилей различных марок, кораблей, которые, поглотив наш бензин, выпускали его в воздух в виде густого едкого дыма.

В истории Баку есть еще один исполин, равный по силе нефтяным вышкам. И имя этому исполину – тутовое дерево. Тутовое дерево настолько огромное и высокое, что касается головой крыши бакинской истории (не потолка, а именно крыши, у истории Баку потолка нет). Когда мы говорим о туте, мы обычно имеем в виду белый тут, потому что черный его собрат не такой большой (некоторые могут сказать, что наши сосны выше тутовников. Да, согласен, выше, но в истории Баку сосен не было, их потом коммунисты насадили). Белый тут хоть такой же высокий, как и нефтяные вышки, но разница между ними все-таки есть. Вышка просто высокая, точнее, она верзила, а белый тут и высокий, и могучий, и величавый, и гордый. Нефтяные вышки – будущее Баку, а тутовые деревья – прошлое. Первые вышки были поставлены иностранцами, вот они и похожи на своих хозяев, то бишь пустые внутри. А тутовые деревья похожи на наших древних аксакалов.

По мне – тутовые деревья являются символами истории Баку, но так как я уже провозгласил этими символами своего деда и кир, то для туты, увы, места уж и нет в этом ряду. Так... куда же тогда девать тутовое дерево?

Говорят же, что Бог любит троицу, значит, мы можем спокойно объявить всех их символами Баку. Выходит, символ Баку – это мой дед, взбирающийся на тутовое дерево, выросшее на крыше, покрытой киром.

Пусть мой дед станет олицетворением древних аксакалов, кир – богатств нашей земли, а тут – природы.

Отношения туты с Хазри тоже оставляют желать лучшего. Буйный в своем неистовстве Хазри нещадно треплет тут, ломая ветки и срывая ягоды, посыпая его голову песком и пылью.

Хоть тут, проглядывающий среди бакинских крыш, и похож на траву, без спроса прорастающую сквозь асфальт, все же пользы от него неизмеримо больше. Тутовые деревья являлись очагами бакинской культуры, науки, морали и истории. Маленьким детям они заменяли спортивную площадку – они лазали по нему, прыгали и свисали с его веток; под ним устраивались поэтические и музыкальные меджлисы; собирались соседки посудачить о том, о сем, под ним по ночам встречались влюбленные, на нем, ббив гвозди, устраивались вешалки и т.д и т.п.

В бакинских деревнях обычно вокруг тутовника высаживались инжировые деревья, было поверье, что нельзя туту стоять одиноко, заскучает и перестанет плодоносить. А под инжировым деревом детям спать не разрешали. Считалось, что если заснешь под инжировым деревом, то черти тебя замучают, или же дух дерева задушит спящего во сне. Листья инжира похожи на человеческую пятерню. Скорее всего, это суеверие связано именно с этой формой листьев. Кто знает, может, какой-то бакинец в древние времена после принятых ста граммов лег поспать под инжировым деревом, ветер пошелестел листьями над его головой, и несчастному спросонок почудилось, как какое-то чудовище с зелеными руками тянется к нему, желая придушить

его. И после этого начал всем рассказывать, что чудом избежал гибели от нечистой силы, и заповедал никогда не спать под этим деревом.

Результатом этого мистического поверья стало то, что инжировое дерево никто не превращает в вешалку. А может, все дело в том, что у инжира ствол короткий. Если бы он был таким же высоким, как у туты, люди и внимания не обратили бы на все эти глупости, вбили бы горсть крупных гвоздей в его мистическую ауру и развешили бы ненужные в хозяйстве вещи.

Таким вот образом мы и добрались до самой странной и удивительной темы в истории Баку, то есть темы гвоздей. У бакинских мужчин, особенно у пожилых, есть одна несурзная привычка: вбивать гвозди в любую деревянную конструкцию и вешать на них что-то. А так как почти во всех дворах есть тутовые деревья, то большая часть этих гвоздей приходится на эти несчастные создания.

Превратившиеся в живые вешалки тутовые деревья похожи на христианских святых, пронзенных гвоздями и пиками (в детстве картины с изображениями этих святых я видел в альбомах, посвященных эпохе Возрождения, и каждый раз думал, интересно, все эти пики и стрелы просто так воткнуты в тела этих несчастных или вбиты молотком). Слава Богу, никому не приходило в голову в те времена вешать что-нибудь на стрелах в телах этих святых, а может, вешать было нечего.

Но должен сказать вам, если бы лет двадцать или тридцать назад в старых бакинских двориках кого-нибудь из святых распяли и пронзили стрелами, то бакинцы уж точно не упустили бы такого шанса; не обращая никакого внимания на святость распятого, один повесил бы на стреле ванну, другой – покрывало от автомобиля, третий – медный кувшин для туалетных нужд.

Что и говорить, повезло христианам...

Вбить куда-нибудь гвоздь у бакинцев считается деятельностью высшего порядка. Вбивание гвоздей, превращая этим всякий объект в вешалку, считается своеобразным вызовом природе и правительству. Например, вбивая гвоздь в тутовое дерево, он размышляет: ну и что с того, что природа создала его как дерево, а я превращу его в вешалку, значит, я одержал верх над природой, стало быть, я – царь природы, первый после Бога на земле, и нет второго такого, как я.

Второй причиной такой деятельности является теснота. В небольших двориках, где нет возможности построить амбар для ненужных вещей, люди вынуждены вбивать гвозди куда только возможно, чтобы хоть как-то развесить предметы быта.

Представим себе типичный старый бакинский дворик – за толстой дверью скрывается дворик в 40-45 квадратных метров, в котором живут четыре-пять семей. С внутренней стороны двери вбиты гвозди, на которых висят: свернутый в кольца длинный резиновый шланг (его используют при мойке ковров), «самокат», сделанный детьми, и несколько железок непонятного предназначения. Пройдем чуть вперед – в правой части дворика на стене общего деревянного туалета висят афтафа¹, веник, совок и две пластмассовые ванночки. Посередине двора растет тутовое дерево. На его стволе, превращенном в вешалку, расположились велосипедное колесо, топор, пила, швабра и другие нужные в хозяйстве вещи. На широких косяках квартирных дверей на тех же гвоздях висят в капроновых сетках картошка, лук.

Со стороны история Баку и сама кажется большой вешалкой. На гвоздях истории Баку висело столько всего, что боюсь, не выдержит и рухнет история под этой тяжестью. Что тогда станет с нами, с бакинцами? После того, как все у нас будет ото-

¹Кувшин для гигиенических нужд.

брано, мы и места себе не найдем, чтобы повеситься. Придется вешаться на своих охах и стенаниях. Но выдержат ли они нас – тоже вопрос.

Но самая большая достопримечательность Баку – Девичья башня. До сих пор остается вопросом, как история Баку смогла сохранить такую громадину, и как она не умудрилась рухнуть. Но хорошо, что не рухнула, а то уж точно погребла бы всех жителей под собой, оставив от них мокрое место.

Для бакинцев ничего особо выдающегося под названием Девичья башня не существует. Кубинка есть, Чемберекенд есть¹, Ахундская баня есть, а вот Девичьей башни нет. Странно, все экскурсанты в истории Баку в первую очередь устремляются именно к Девичьей башне, заходят внутрь, касаются руками ее древних стен, взбираются на верхнюю площадку. А бакинцы, даже пробегая мимо, не поднимают головы, чтобы хоть мельком окинуть ее взором. Бакинцы издревле были людьми, глядящими себе под ноги, вообще не любили смотреть на небо, а что если вдруг шапки слетят, и тогда будут попраны их честь и достоинство. Сраму не оберешься.

Девичья башня потому не существует для бакинцев, что до сих пор не известны ни ее функция, ни история строительства, ни странный внешний вид. А бакинцы, будучи людьми рациональными, не понимая сути какой-либо вещи, естественным образом отвергают ее физическое существование.

И никто не знает, почему эта башня называется Девичьей. Одни говорят, что когда-то, в давние времена оттуда девушка сбросилась вниз, другие – что огнепоклонники использовали ее для захоронения усопших, короче, у каждого своя версия. А у меня лично тоже есть своя версия: по-моему, она называется Девичьей потому, что до сих пор находится под завесой тайны, другими словами, ее тайна хранит ее девственную чистоту. И если когда-нибудь кто-то раскроет эту тайну и лишит ее девственности, тогда мы поменяем ее название и станем называть «Женская башня».

Девичья башня и Хазар – близкие подруги, они с полуслова понимают друг друга, потому как обе девственницы.

Когда-то они были очень близки. Все дни проводили в объятиях друг друга. Но позже люди стали ревностно относиться к романтическим отношениям двух влюбленных и решили их разлучить, втиснув между Девичьей башней и Хазаром набережный бульвар.

Бульвар – губа Баку, или губы. Нет, что-то не то получается, бульвар ведь один, стало быть, у Баку одна единственная губа, и этой губой является бульвар. И губа эта очень широкая. С самолета кажется, что город приник к морю и жадно пьет соленую морскую воду (видимо, перепутал соленую воду с шолларской² водой). По-моему, иноземцы воспользовались именно этой ситуацией; пока город утолял свою жажду, они оседлали его. Причем оседлали так основательно, что мы до сих пор не можем избавиться от этих наездников, да и хотим ли мы этого на самом деле? Вот мы и вынуждены ждать, может, по доброй воле уберутся отсюда. Но меня пугает другое. А вдруг эти иностранцы, сходя(сойдя) с нашей шеи, уступят свои места новым кровопийцам? Иными словами, мы одних вампиров сменим на других.

Но это уже тема второго фрагмента. Пока что в Баку идет дождь, смывая пыль с верхних кварталов в море. Пришедший с водой с водой и уйдет, а пришедшего с дождем смоем в море...

¹ Кубинка, Чемберекенд – старые районы Баку.

² Шоллар – источник на севере Азербайджана, откуда в начале XX века меценат Зейналабдин Тагиев провёл водопровод в Баку.

ВТОРОЙ ФРАГМЕНТ

Первый фрагмент мы закончили размышлениями об иностранцах, вернее не закончили, а как-то прервали, увлеклись другими важными темами, мысли остались незаконченными, как брошенные детдомовские дети. Вот и получился у него вид какой-то плешивый. Короче, вернемся к иностранцам. Безусловно, если бы не бакинская нефть, иноземцы в бакинской истории и не появились бы. Справедливости ради надо сказать, что и до появления Её Величества Нефти иностранцы тоже посещали наши края. Но именно, что только посещали. Но после нефтяного бума они пришли и уже никуда не ушли, впились в нас своими клешнями, не оторвать.

Раньше, то есть до нефтяного бума, единственной достопримечательностью, оставленной иностранцами в Азербайджане, был Храм огнепоклонников – Аташгах. Да упокоит Господь души древних индийских купцов, путешествовавших через Азербайджан, которые построили это святилище для поклонения своему Богу. Теперь нам хоть есть что показать заезжим туристам.

Нетрудно представить изумление и восхищение первых иноземцев, посетивших Баку в стародавние времена. Эти несчастные, живя в холодных краях, были вынуждены рубить деревья, пилить дрова, чтобы как-то согреть себя и свои жилища, приготовить скудный обед для пропитания. А в Баку стоит только чихнуть, как из земли выходят газ и нефть, и на тебе, пожалуйста, тепло, и все это не стоит практически ни малейшего труда. Попробуй, хватит ли у тебя смелости обойти с факелом в руке окрестности Баку. Нет, конечно же, факел взять можно, в конце концов, дело это нехитрое, это же не защита чести и достоинства, но вскоре ты увидишь, как вспыхивает газ, выходящий из трещин, покрывающих всю землю, и если только эта неуправляемая стихия захочет, она может поглотить все вокруг, включая и самого зазнавшегося факелоносца. Несомненно, всех прибывающих сюда гостей влечет зависть к этому богатству; одна часть приходит от зависти, а другая, – пожив здесь, заражается этой завистью. И всему причиной – газ.

Одним словом, Баку был с газом до тех пор, пока иностранцы не выкачали его. В те годы Баку был высокомерен. Глядя снизу вверх, иностранцы казались ему не больше пыли и песка, которыми Хазри обильно одаривал Хазар. Именно тогда бакинцы жили так, как и подобает людям. Сами добывали свою нефть и пользовались ее плодами. Принимали солнечные ванны в нефтяных озерцах, ели инжир, виноград и пили родниковую шолларскую воду... Опять меня не туда понесло, во времена, о которых я говорю, шолларской воды и в помине не было.

Да, я веду речь о временах, когда в Баку пили воду только из колодцев. А эти окаянные колодцы издевались над бакинцами. По настроению давали или воду, или нефть. В основном, конечно же, давали нефть. И тогда замученные жаждой бакинцы, проклиная на чем свет стоит эту черную жижу, забрасывали камнем и песком ставшие ненужными колодцы и шли копать новые. Несчастливая бакинская земля, вечно ее, как пасынка, шпыняли и ругали. Вначале ругали за нефть, мол, вместо воды дает черную жижу. Потом, когда она стала давать воду, ругали за то, что нет нефти. Мол, столько денег тратим, бурим скважины, а вместо нефти – одна соленая грязная вода.

И горемычная земля наша удивленно взирала на людей, не зная, как им угодить, что им давать – воду или нефть?

Вообще надо сказать, что есть в бакинской земле какая-то загадка, каждый, кто сюда приходит, сразу меняется, наглеет, становится неблагодарным.

В те времена Баку состоял только из Ичери шехер. За пределами крепостных стен никто не решался строиться. То и дело наши северные соседи, погрузившись на свои лодки, спускались по морю от крепости Махача, т.е. Махачкалы, и, высадившись на берегах Абшерона, грабили все, что попадало под руку, увозили инжир и виноград в горы и устраивали в высокогорных аулах гулянки с зажигательной лезгинкой, с поеданием нашего винограда, инжира. Короче, кайфовали. И по мере поедания наших фруктов, являющихся носителями нашего национального и культурного колорита, постепенно менялись наши соседи, и их «лезгинка» постепенно стала похожей на бакинскую мейхану, тогда они вновь садились в свои лодки и, приплыв к нам, вызывали наших исполнителей мейханы на состязание по остроумию.

Набеги, совершаемые нашими северными соседями, причинили много вреда, говорят даже, что напротив острова Пираллахи, там, где сегодня стоит маяк, был портовый город Абшерон (в том месте, где остров Пираллахи соединяется с полуостровом, образовалась бухта, куда практически не заглядывает ветер). Но, увы, разбойники полностью разрушили этот город, перебили его жителей, а те, кто избежал гибели, ушли и спрятались в деревне Зира. Если бы жители этого города не поленились и обнесли его каменной стеной, то не остались бы беззащитными перед набегами чужеземцев. Среди разбойников, повадившихся на Абшерон, было одно имя, известное всем. Атаман Степан Разин хоть и не танцевал «лезгинку», но тоже на своих лодках совершал набеги на историю Баку. Осчастливил нас, мужик, понимаешь ли. Правда, никто не удосужился объяснить нам, в чем состояло это счастье. А то бы мы задумались, какое же это счастье, если этот герой приплыл сюда только для того, чтобы грабить, убивать, уничтожать все на своем пути, а мы еще и поселок в честь него заложили и гору, где он раскидывал свои шатры, назвали Разинской....

В те времена, когда Баку вмещался только в границы Ичери шехер, население было разделено на две части. Я не говорю о богатых и бедных, я говорю о тощих и толстых. Тощие обычно жили в пределах крепости, а толстые строили свои особняки далеко от крепостных стен. На первый взгляд это может показаться странным. Если взглянуть глубже, ничего особенного тут нет. Такое разделение было связано с тем, что и с суши, и с моря крепость всегда была удобным объектом для нападения...

Кажется, мы опять потеряли нить повествования, все смешалось в кучу. Придется попробовать начать все сначала. Внутри крепости все дома построены впритык друг к другу для того, чтобы враги, войдя в него, оказались в замешательстве. Узкие улочки не давали чужеземным войскам вводить в бой большие части своей армии, так что пока передние ряды бились, задние вынуждены были спокойно ждать, когда перебьют передовой отряд, и только затем вступали в бой. Так и случалось, что бакинцам малыми силами удавалось отстоять город от превосходящих вражеских сил.

Но, строя узкие улицы в своем городе, бакинцы забыли одну важную деталь: а именно – честь и достоинство. Не учли того, что добропорядочная женщина на такой улице может встретиться с мужчиной, и как тогда разойтись тут, без того, чтобы не обтереться друг об друга? Особенно, если мужчина толстый. Только после окончания строительства бакинцы поняли ошибку и схватились за головы. Но поздно – город был построен и обнесен высокими стенами. Перестраивать город – очень дорого, а бакинцы были бедны, кредиты в то время никто не выдавал, потому что в те счастливые времена еще никто не знал особой ценности нефти и способа ее применения, и в глазах заезжих торговцев она была ничем, кроме как черной жирной жижей.

Городские старейшины, или, скажем точнее, старейшины города задумались о

том, как же решить эту проблему, много ли, мало ли думали и пришли к решению: полных женщин за ворота своих домов не выпускать, чтобы, встретившись на узких улицах с мужчинами и прикоснувшись к ним, не взыграли у них чувства и не впали бы они в грех прелюбодеяния. А этого мусульманские законы не позволяли, а бакинцы, будучи людьми верующими и строго придерживающимися шариата, тоже никак допустить не могли. Вот и запретили полным женщинам выходить на улицу.

Так и жили некоторое время, и на первый взгляд казалось, что порядок был восстановлен. Но потом появился еще один камень преткновения (я не имею в виду булыжники, которыми вымощены улочки Ичери шехер). Оказалось, что запретом полным женщинам выходить на улицу проблема не решается. Ведь и полные мужчины, пытаясь разойтись на узких улочках, тоже вынуждены прижиматься друг к другу, и это тоже может всколыхнуть у них нехорошие чувства. Вообще, когда два живых существа трутся друг о друга, ничем хорошим это закончиться не может. Испытав это на себе и оставшись недовольными результатом, старейшины города опять задумались и пришли к решению: всех полных бакинцев выселить за пределы крепости. Они измерили ширину крепостных улиц и пришли к выводу, что только люди, имеющие вес не больше шести пудов, могут спокойно разойтись на этих улочках, не касаясь друг друга (конечно, если у них нет особого желания сделать это, в противном случае никаким законом это запретить будет невозможно. Такие всегда найдут место, где потереться, не на улице, так в караван-сараях, и не только потереться, а пойдут уж до конца... Не приведи Господь). Короче, приняли решение не впускать в крепость людей, чей вес превышает шесть пудов. Конечно, за исключением особых случаев, потому что во время войны, нападения, урагана и других форс-мажорных ситуаций уже не имеет никакого значения, кто об кого обтирается. Одним словом, город превращается в бедлам. Принятие такого решения дало новый толчок развитию Баку, толстые бакинцы вынуждены были строиться за пределами крепости, за счет чего город стал расти.

Так же, как Ичери шехер является пуповиной Баку, так и пуповиной Ичери шехер является... нет, не Девичья башня, нетактично говорить о том, чем она является для Баку, так вот, пуповиной Ичери шехер является Ханский дворец.

Хотя, надо признаться, у меня есть сомнения по поводу того, что он действительно являлся резиденцией Ширванских ханов. Почему? Да потому, что в книгах по истории написано, что Ширванское ханство было очень богатым. Будто Ширванское ханство каждый год экспортировало ширванский шелк, шамахинские ковры и еще кучу всего, и в связи с тем, что торговые пути с севера на юг проходили именно отсюда, то купцы платили высокую пошлину за проход своих караванов. Естественно, что все эти доходы пополняли карманы или кошелек Ширванских ханов, вернее, стекались в ханскую казну. Да, именно казну, так будет точнее. Значит, Ширваншахи не были людьми бедными. Но, говоря о Дворце Ширваншахов (язык не поворачивается назвать его Дворцом), лично я думаю совершенно о другом. Глядя на комплекс, занимающий не подобающую для дворца маленькую территорию, жилые покои, состоящие из нескольких комнат, маленький дворик, полутораметровую диванхана, и пару склепов, мне кажется или книги по истории врут о богатстве Ширваншахов, или Ширваншахи были очень скупыми. Сейчас любой начальник жэка в крепости имеет виллу раза в три-четыре больше всей территории Дворца Ширваншахов. И все с евроремонтом. Я уж не говорю о главах исполнительной власти, начальниках полиции, о министрах и т.д., рядом с этими людьми Ширваншахи выглядят такими же бедными,

как редакторы оппозиционных газет. Но, может быть, Ширваншахи не были ни богатыми, ни бедными и ни скупыми. Просто как истинные мусульмане жили духовной жизнью, не были жадными до золота и серебра. Если бы они походили на наших современников, то, невзирая на тощих и толстых, выселили бы всех, кто живет в крепости, и превратили ее в свою резиденцию, а на стенах каменной ограды висели бы их огромные портреты, под которыми большими буквами было бы написано: «Народ любит ШШ» (ШШ – значит Ширванского Шаха). И заставляли бы людей, подходя к портретам, читать благодарственную молитву (тут я, кажется, совсем перегнул, в те времена у мусульман не разрешалось изображать людей).

Да, Ширваншахи могли так поступить, но не поступили, потому что, как я уже сказал, были настоящими правоверными мусульманами.

Некоторые ученые выдвигают гипотезу, что комплекс, который представляют нам как Дворец Ширваншахов, на самом деле дом Сейида Яхья Бакуви, а настоящий дворец Ширваншахов находится в море. Не вводите в заблуждение, это не значит, что Дворец был построен под водой, а падишахи были амфибиями. Нет, конечно, дворец находился на месте нынешней бухты, а со временем уровень воды в Хазаре поднялся и затопил его.

В те времена вокруг Баку были и леса, и горы. Если верить легендам, возвышенности на Абшероне – Пираллахи, Зира, Шах дили¹ – были сплошь покрыты лесами. Если смотреть с вертолета, абшеронский полуостров на самом деле похож на неведомое существо (а может, и на голову Ширваншаха), а тонкая земляная полоска, идущая от деревни Зира в глубь моря, – на его язык.

Кто-то может возразить, если так, то в таком случае и остров Пираллахи похож на рога этого существа (или Ширваншаха), а если так, то почему этот остров не назван Шахбуйнузу²? Вполне резонный вопрос на первый взгляд, было бы правильно назвать остров Пираллахи Шахбуйнузу. Но это вопрос щепетильный. Люди могут подумать, что жена шаха изменяла ему, и он был рогоносцем. А это было бы несправедливо. В те времена честь женщин блюлась строго. Поэтому, чтобы не бросать тень на Ширваншаха, было решено не называть остров Шахбуйнузу.

Что же касается рогов и вообще всякого бодания, то в истории Баку всегда было много желающих пободаться с ним. И первым среди них был Имамеддин Насими. Несомненно, вы поняли, что речь идет о пантеистической секте хуруфитов. В XIV веке Баку превратился в оплот хуруфизма. Баку в те времена считался отдаленным провинциальным городком, и несогласные с падишахами по тем или иным вопросам (то есть тогдашние оппозиционеры), находили себе прибежище именно здесь.

Бежавшие от Хромого Теймура (Тамерлан) хуруфитские дервиши заплонили Баку до такой степени, что имели влияние не только на местных горожан, но даже на проезжих гостей. Говорят, что те, кто смиренно входил в город со словами: «Аллаху акбар», через пару дней ходили по улицам с гавалом³ в руках и с криками: «Анэл хагг» («Я есть Бог»), отпускали усы и бороду и становились хуруфитами. Говоря хужожественным языком, входящий в городские ворота человек выходил из них уже богом. Баку превратился в конвейер по производству богов, а Фазлуллах Наими и Имамеддин Насими стали «авторитетами». Власти лишились всякого влияния, всем заправляли хуруфиты. Городской голова и судья «авторитетов» боялись и не трогали их. Думали, обидим их, они ополчат на нас своих многочисленных богов, а те,

¹ Шах дили, (азерб.) – дословно: язык шаха

² Шахбуйнузу, (азерб.) – дословно: рог шаха.

³ Гавал – азербайджанский ударный музыкальный инструмент. бубен

хотя и носят только деревянные мечи в знак миролюбия, но обозлятся, наточат их, вспорют нам... в общем. Какое-то время ситуация оставалась патовой. В один прекрасный день слух о «беспределе», творимом хуруфитами, дошел, говоря словами Насими, до «Диви-эзэм», т.е. до главного дива – Хромого Теймура.

Теймура насторожило и обеспокоило появление на его «территории» «чужих авторитетов», он собрал «общак» богословов и сообщил им о сложившейся ситуации, на общей сходке было решено неожиданной атакой «накрыть» и уничтожить гнездо кафи́ров-безбожников. Если честно, то Эмира Теймура отнюдь не беспокоило то, что население Баку совращается и сходит с истинного пути. Какое ему было дело до правоверности бакинцев и того, куда они попадут после смерти – в ад или в рай. Тут дело было в другом. Теймур испугался: если они поставили на поток производство аллахов, то кто знает, может, завтра Фазлуллаху и Насими вздумается сделать кое-какие изменения в своем конвейере, и он поставит на поток производство тейму́ров. Если так, то что будет со мной? Если эти новоявленные теймуры заполонят весь исламский мир, как я смогу доказать, что истинный, настоящий Эмир Теймур – это я?

Все эти горькие размышления заставили его издать указ: пока Фазлуллах не решил переломать щиколотки своим божкам для того, чтобы сделать из них хромы́х тейму́ров, необходимо как можно скорее очистить этот город от хуруфитов.

Так и сделали, Эмир Теймур потребовал от Ширваншаха Ибрагима выдачи Фазлуллаха и казнил его в Нахчыване, затем последовал разгром хуруфитов в Баку. Кто знает, может, это и к лучшему, в противном случае Баку превратился бы в Олимп – жилище богов, а Ханский дворец во дворец Зевса-Фазлуллаха. Как хорошо, что благодаря Эмиру Теймуру бакинцы избавились от хуруфитов, так что Баку, исчерпав свои возможности как жилище богов, снова превратился в город простых смертных.

Но стены истории Баку недолго оставались в покое. Примерно через сто лет после хуруфитов в Баку прискакал бодаться Шах Исмаил. Вернее, он не бодался, потому что в отличие от западных падишахов он не был рогоносцем, он бросал копья, стрелял из луков и даже из ружей.

История появления Шаха Исмаила у крепостных стен Баку стара, как мир. Как-то получилось, что именно Ширваншахи в свое время отослали в мир иной его предков. Вернее, причина там была другая, просто Ширваншахи легонько подтолкнули его предков к смене миров, и те отправились в рай.

Может, и неправильно было винить во всем этом только Ширваншахов. Например, сидя в своем дворце, Ширваншах Халилуллах узнал, что Шейх Джунейд во главе с суфийской армией пришел завоевать Ширван. Халилуллах подумал и решил, что эти суфии ничем не отличаются от хуруфитов, мазаны одним миром. Завоюют Ширван, тоже начнут производить богов, и вновь ввергнется Ширван в богохульство. Рассудив таким образом, он собрал войско, двинул его на Шейха Джунейда и разбил суфиев, а их главу казнил, то есть, как мы сказали выше, помог ему сменить миры.

Лет через десять-пятнадцать сын Шейха Джунейда Шейх Гейдар тоже заразился этой идеей, собрав под своим начальством мюридов, он переходит реку Араз и направляется на север, в Ширван. Очередной Ширваншах Шейх Фаррух Ясар тоже, как и его отец, решил пресечь разогревшийся аппетит отпрыска Джунейда и, дав бой вблизи Дербента, перебил всех мюридов, а Шейха Гейдара казнил, после чего, отрянув руки и смыв с себя кровь, спокойно вздохнул и вернулся в свой дворец.

Но, бедный Фаррух Ясар, рано ты радовался. Разве не знал ты, что род сей не пресекается? Еще не раз суфии будут нападать на Ширван, и тебя... но говорить все за-

ранее Фарруху Ясару неправильно, а вдруг он подготовится к будущим событиям, и тогда история уже пойдет другим путем, а так быть не должно, Аллаху это не угодно.

Так вот, пока что мы остановились на том, что Ширваншах Фаррух Ясар с чувством выполненного долга вернулся в свой дворец. Первое время он отдыхал и праздновал победу, в общем, наслаждался жизнью. А через десять лет ему сообщили, что сын шейха Гейдара малолетний Исмаил по примеру отца и деда, собрав под своим началом войско в пять-десять тысяч людей, тоже двинулся на Ширван. Ширваншах Фаррух Ясар вначале не поверил своим ушам, не может быть такого. Ведь и дед его, и отец нашли свою гибель здесь, а теперь и этого юношу рок ведет в Ширван.

Но делать было нечего, Ширваншах со своим войском вышел навстречу Исмаилу, но на этот раз удача улыбнулась не Ширваншахам, а сефевидам.

Шах Исмаил отрубил голову Фарруху Ясару и из его черепа сделал сувенирную шкатулку для денег. Глядя в раздумье на свою большую гызылбашскую чалму¹, двенадцать раз подумав, он пришел к мысли, что надо бы ему взять и Баку – второй по величине город Ширвана.

Вначале он не решался двинуть свои войска на Бадикубе, тогдашнее название Баку, потому что ему говорили, что город этот расположен в дурном месте, не иначе как над преисподней, и из земли то и дело вырываются всполохи огня. Шах Исмаил рассудил следующим образом: огонь имеет такой же красный цвет, как и полосы на наших чалмах, а вдруг, увидев друг друга, эти два цвета захотят объединиться, тогда мне точно конец, сгину почем зря. И что тогда будет? Кто построит государство Сефевидов, кто напишет огромное количество газелей, кто выиграет битву у крепости Мерв у хана Шейбани, кто проиграет султану Салиму битву при Чалдыране?

Озабоченный такими мыслями, юный шах решил не идти на Бадикубе, а послать туда своих военачальников – Хадим-бека Хулафа и хана Мухаммеда Устачлы, сам же решил остаться в Шамахе и отдохнуть от бранных трудов, заняться писанием газелей о Лейли и Меджнуне. Хадим-бек Хулафа и Мухаммед-хан Устачлы, приблизившись к Бадикубе, в самом деле решили, что находятся на пороге преисподней. Перепугались не на шутку. Пришлось несколько раз произнести молитву салават, прочитать другие молитвы, чтобы побороть страх.

И как же тут не испугаться?! Перед гызылбашами, привыкшими видеть только зеленые поля, рощи, леса, реки и родники, вдруг предстала голая степь, где из земли вырывалось пламя, грязевые вулканы и самое страшное – люди, черные, похожие на исчадия ада, собирающие в ямах нефть (наверное, их уже тогда можно было назвать нефтяниками). Что они могли подумать? Если бы я был на их месте, то решил, что точно попал в ад, и сейчас меня начнут поджаривать, а что?! – черти есть, кипящие казаны с киром есть, нефть есть. Все атрибуты налицо. А каким еще быть аду-то?

Вначале все гызылбаши, как один, хотели убежать из этого страшного места и спрятаться. Но страх перед шахом Исмаилом взял верх, и они, кое-как собравшись духом, подошли к городским стенам. И поняли, что не так страшен черт, как его малюют, просто надо быть осторожным и смотреть под ноги, чтобы ненароком из-под пят не полоснуло тебя пламенем.

Бакинцы, увидев у своих стен непрошенных гостей, закрыли ворота и спокойно стали готовиться к обороне. А причиной их спокойствия был тот факт, что Баку был портовым городом, сколько бы их ни осаждали с суши, голод и жажда городу не грозили, по морю корабли доставляли им все необходимое, так что Хазар их и кормил,

¹ Чалму гызылбашей украшали двенадцать красных полос.

и поил. А у сефевидов военно-морского флота пока что не было.

Гызылбаши несколько раз пытались штурмом взлезть на городские стены, но безрезультатно. Бакинцев в этом случае выручала опять же нефть. Сделав мешки из шкур морских тюленей, вылавливаемых в Хазаре, они заполняли их нефтью и, вставив фитиль, бросали их на краснополосые головы гызылбашей.

Впервые столкнувшись с подобной военной тактикой, гызылбаши растерялись и даже испугались (уже в который раз за эту кампанию, бедняги). Вначале им показалось, что даже морские животные пришли на помощь бакинцам. Решили, что морские тюлени вышли на берег, взобрались на крепостные стены и бросаются оттуда вниз на штурмующих город врагов. Потом удивились еще больше, потому что тюлени, бросаясь вниз, взрывались, и из их тел вырывалось испепеляющее пламя.

Долго думали-рядили, как такое может быть, но так ничего и не поняли, действия тюленей-камикадзе казались им каким-то волшебством, решили, что все это проделки хуруфита кафира Фазлуллаха. Наконец, решили послать сообщение шаху Исмаилу, мол, да продлится жизнь шаха, бакинцы напустили на нашу армию огненных тюленей, исшедших из ада, и все мы тут горим, и если шах в скором времени не придет нам на выручку, эти тюлени окончательно расплавят наши краснополосые гызылбышские головы и заполнят свою казну золотыми слитками.

Шах Исмаил, прочтя это донесение, долго думал, советовался и в конце решил, что другого выхода нет, придется самому отправляться в Бадикубе. Так и сделал.

Подойдя к городу, он увидел, что страх нагнал на его армию панику, и постарался успокоить ее. Сказал им примерно следующее: мы шииты, а жители Бадикубе – неверные сунниты, нет сомнений, что и вся имеющаяся у них живность тоже сунниты. Тюлени, бросающиеся с крепостных стен и сжигающие все вокруг, – это знамение Аллаха, и Аллах хочет сказать нам: «Гызылбаши, не бойтесь кафиров, что бы они ни бросали в вас, прикоснувшись к вам, будут сгорать, не причиняя вам вреда».

Один из военачальников робко возразил, мол, эти тюлени, падая, сжигают и наших солдат.

На что шах ответил, что на все воля Аллаха, те, кого сжигает пламя, на самом деле не всей душой приняли шиизм, и нутро у них осталось суннитским. Всех, кто не примет шиизм всей душой, суннитские тюлени сожгут и отправят в преисподнюю.

Конечно же, поверили словам шаха, только этот военачальник все никак не мог успокоиться: «Было бы неплохо, если бы Аллах сжег и те стрелы и пики, которые летят в нас со стен Баку».

Но и на это шах нашелся, что ответить: «Стрелы те сделаны из железа, привезенного из шиитских районов, поэтому Аллах не считает нужным сжигать их».

Было решено послать парламентаров к бакинцам и предложить им сдаться.

В то время в Баку правил сын Фарруха Ясара Гази-бек, но так как он находился в Шамахе, где был занят сбором войска, вместо него правительницей осталась его жена, и, как говорят, была она человеком властным. Даже Гази-бек ее побаивался. И была у этой женщины одна причуда: мужчин, которые ей по какой-то причине не нравились, она скидывала с крепостных стен вниз. Этой участи подверглись и парламентары шаха Исмаила, которые тоже ее чем-то огорчили.

Городской кадий¹ попытался выразить протест, сказав, что негоже обращаться с парламентарями подобным образом. Да и не понравится это шаху Исмаилу (мы все говорим шаху Исмаилу, но Исмаил тогда еще не был шахом, церемония инаугурации

¹ Кадий – главный городской судья.

еще не была проведена, он был просто Исмаилом ибн Гейдаром).

Трусость кадия взбесила благоверную Гази-бека, она обвинила его в малодушии, сепаратизме, сказала, что не подобает ему, трепещущему перед тринадцатилетним ребенком, быть судьей, и приказала сбросить его со стен крепости вместе с парламентарями шаха Исмаила.

Приказ был выполнен.

Гызылбаши вначале решили, что сверху опять падают морские тюлени, но тела не взорвались, не начали гореть, а просто шмякнулись о землю и остались недвижимы. Подошли и увидели, что вместе с их парламентарями бакинцы сбросили еще какого-то пожилого человека.

Узнав об этом, тринадцатилетний Исмаил был взбешен и тут же послал свои войска на штурм, им удалось взорвать часть крепостной стены, и штурмующие ворвались в крепость. Так пал Баку.

В этой истории самым интересным для меня является приказ жены Гази-бека, имя которой поглотила Лета, сбросить старого кадия с крепостной стены. Интересно, о чем он думал, стоя на крепостной стене и глядя, как его, уважаемого акакала, связанного по рукам и ногам, палачи подводят к краю стены и пинком сбрасывают вниз.

Честно говоря, мои попытки понять его мысли вначале не увенчались успехом. Как ни старался, в голову ничего не приходило. Решил выяснить, откуда именно сбрасывали несчастного гази. Так и сделал. Пошел вдоль крепостной стены и каким-то наитием вдруг понял, что самое удобное место для сбрасывания людей со стены – это стена, выходящая на нынешний парк им.Вахида.

Я вошел в крепость через ворота за станцией метро «Ичери шехер», пошел вниз вдоль крепостной стены и влез на стену у бани Ага Микаила. Осмотрелся вокруг, выглянул за стену и понял, что, кажется, не ошибся. Баня, стоящая в десяти-пятнадцати метрах, только подтвердила мою догадку. Наверное, в те времена приговоренных к смерти приводили в баню, мыли, стригли, проводили все необходимые обряды, то есть очищали людей и телесно, и духовно, подготавливали людей к путешествию в загробный мир, потом поднимали на крепостную стену напротив бани и, наконец, прямо мокрого сбрасывали вниз.

Я постоял на стене, еще раз осмотрел все вокруг, закрыл глаза и попытался углубиться в прошлое на пятьсот лет, вернее, на пятьсот четыре года, представить себя на месте бедного кадия. Но... жаль, что пока не придумали способа закрывать слух, так же, как мы закрываем глаза, и только я взобрался в свою машину времени, взял разгон на пятьсот четыре года назад, сигналы проезжающих внизу автомобилей, звонки близлежащих домов, «симфония» мобильных телефонов прохожих начали вклиниваться в мои мысли, мешаясь под колесами и тормозя мое авто. Минут через пять я понял, что все эти звуки просто свели на нет мое путешествие. Я со злостью спрыгнул вниз, мысленно пнул в сердцах развалившуюся машину и открыл глаза. Какое-то время стоял в растерянности, а потом глаза мои упали на вывеску дома поэзии «Вахид». Я всмотрелся, внутри явно было какое-то собрание, смуглая полная женщина, держа в руках листок бумаги, что-то читала, остальные (а 80% их были женщины) внимательно ее слушали. Я понял, что это вечер поэзии.

Вдруг мысли мои прояснились, будто с них сошел туман. Я почувствовал себя в тысяча пятисотом году, и до меня четко дошли мысли старого гази, стоявшего тут, на крепостной стене в ожидании смерти, на мониторе моего разума высветилось одно слово – «Феминизация».

Если по приказу какой-то женщины (ну и что с того, что эта женщина была невесткой Ширваншаха, все равно женщина) уважаемого акакала, ученого сбрасывают вниз, как дохлую собаку, значит, этому городу в самом деле пришел конец. И самое ужасное то, что никто даже не пытался спасти его от гнева шахини, именно с этого момента началось поражение бакинцев. Это стало началом конца, результатом которого и является современный Баку; именно тогда по величественному дворцу Баку был нанесен удар киркой. И этот дворец по частям, этаж за этажом разрушался и уже на наших глазах был стерт с лица земли.

Правда, какое-то время люди пытались, засучив рукава, восстановить этот дворец, подняли упавшие камни, водрузили их на место, но все это ни что иное, как Сизифов труд. Для того чтобы очистить завирусованный компьютер, его надо полностью отформатировать. Ни один «антивирус» не может справиться с этими вирусами. А всем известно, при форматировании память компьютера стирается.

Да, компьютер под названием «История Баку» в данный момент полностью форматируется, и после окончания этого процесса нам его вернут и скажут: «Вот, принимайте ваш город». И если мы попытаемся поискать что-нибудь в его памяти, то не найдем ничего, кроме сорока-пятидесяти алгоритмов...

ТРЕТИЙ ФРАГМЕНТ

Я родился в одном из старейших кварталов Баку, в левой части так называемого «Гырхпилекена» (если смотреть снизу) – мне бы не хотелось, чтобы вы думали, что я родился еще где-то, нет, я родился только один раз (лучше бы и не рождался, как говорят бакинцы), и если бы пришлось еще раз такому случиться, я бы вновь хотел родиться именно здесь: в засаженных, черных, кирпичных бакинских двориках, но, кажется, я опять отвлекся, и все смешалось в кучу. Если уж совсем честно, я родился не там. В отличие от деревень, в городах не принято было рожать дома, и я, согласно советским законам, родился в роддоме имени Крупской, а затем со всеми почестями меня уже привезли в наш дворик возле Гырхпилекена. Так что мое рождение в истинном смысле этого слова, то есть, мое осознание себя и окружающего мира произошло именно в этом дворике, так что далее слово «рождение» я буду использовать в этом значении (кажется, у читателя уже закружилась голова).

Ко времени моего рождения, мой младший дядя по отцу уже три-четыре сидел в тюрьме, а тетя с бабушкой питались только черным хлебом и сыром.

Особого вреда организму от такой диеты нет (за исключением больших гастритом), хотя... но причиной их диеты было отнюдь не желание избавиться от лишнего веса. (В те времена наши женщины еще не впали в болезненное желание стать «супермоделями», и по их мнению, первым условием красоты была не схожесть со шваброй или узниками концлагерей, а порядочность, скромность, стыдливость. Поэтому в те времена наши женщины были и полнее, и порядочнее.)

Причиной же, по которой мои биби¹ и бабушка лишили себя всех кулинарных изысков было то, что мой младший дядя находился в заключении.

– Клянусь святыми, не могу есть ничего, как только что-то вкусное возьму в рот, так перед глазами становится мой несчастный брат, жующий черный мокрый хлеб, сразу аппетит пропадает, кусок в горло не идет.

¹ Биби – (азерб.) – тетя со стороны отца.

Наши современницы, зараженные феминизмом, наверное, отнеслись бы с на-смешкой к этому, посчитали бы это плодом большой фантазии неграмотных забытых женщин. Но в Баку испокон веков было так, хорошо это или плохо, поговорим позже.

Надо признать, что в те далекие годы и я не понимал такого поведения биби и бабушки. Даже смеялся над ними в душе.

И я был не одинок в этом, отец и дед пытались вразумить их, объяснить бесполезность этой странной диеты – дед с присущим ему бакинским юмором, а отец с присущей его партбилету циничностью.

– Молодец ты, дочь Гасанаги, – говорил, ухмыляясь, дед, поглаживая усы жирными после съеденного плова пальцами, – если честно, и у меня кусок в горло не идет, – и украдкой поглядывал при этом на большую вычищенную тарелку из-под плова. – Кровинка перебивается там черным хлебом. Бедный ребенок. Но есть еще одна проблема, если я не буду есть, то ослабну и не будет сил зарабатывать для вас деньги. Тогда всем нам останется только уповать на коммунистов (говоря о коммунистах, дед имел в виду моего отца). А на него, ты сама знаешь, надеяться нельзя. – Глубоко вздохнув, дед, будто что-то вспомнив, задумчиво качал головой, а затем продолжал: – Жена, эта кровинка в тюрьме ест черный хлеб, а тут ты с дочкой ничего кроме черного хлеба и сыра, не едите. Молодцы, я одобряю. Но уж если вы решили пойти по его стопам, то во всем подражайте ему.

– Что ты предлагаешь, и мне сесть в тюрьму? – спросила бабушка.

– Нет, я не о том. Ребята из квартала каждую неделю отправляют для твоего сыночка коробку с анашой. А он сидит там себе и попыхивает от скуки. Вот я и предлагаю, раз уж вы едите то, что он ест, может, и анашу курить начнете. Куплю вам травки и попыхивайте вместе с дочкой с утра до вечера. Но делайте это так, чтобы я не поддался этой заразе.

– Я согласна, пусть я буду есть черный хлеб, а эту гадость кури ты, – отвечала со смехом бабушка.

Они оба смеялись, а затем бабушка вспоминала сына и снова впадала в уныние. Но не плакала. Бабушка никогда не плакала. В нашем роду вообще особо плаксивых людей не было, кроме меня. Наверное, и я, когда вырасту, брошу это дело. Даже когда моего дядю осудили на десять лет, сморщившиеся, ставшие маленькими бабушкины глаза оставались сухими. Даже когда дед сказал: «Дочь Гасанаги (бабушка и дедушка никогда друг друга по имени не называли), ну, поплачь, полегчает», бабушка вздохнув, ответила: «Вдруг кто-то увидит меня плачущей, пойдут, скажут ребенку (в смысле, моему дяде) испереживается, будет думать, что причинил нам страдания. Пусть уж он о нас не волнуется». А затем шептала: «Да будет проклят этот армянский бездельник, из-за него сыночек мой попал в каземат. Сукин сын, спит себе спокойно в теплой могиле, а кровинка моя в сыром каземате гниет».

Этот армянин, который, по мнению бабушки, спал в теплой могиле, был виновником того, что ко времени моего рождения дядя уже три года как сидел в тюрьме и еще семь лет предстояло ему там находиться. То есть, мой дядя зарезал этого армянина, отчего тот и ушел, по мнению бабушки, в теплую могилу, а мой дядя, юноша двадцати одного года, только вернувшийся из армии, теперь должен был просидеть десять лет в шестой колонии.

Тогда в Баку было много армян, и никто с ними не враждовал, все дружили, никаких конфликтов на национальной почве не происходило. Но порой бывали такие случаи, когда резко вскрывалась разница нашего менталитета. Одно из таких про-

исшествий случилось с моим дядей во времена, когда в Баку только появился автомобиль «Жигули 01».

А случай был вот какой. По вечерам на углу нашего квартала собирались пацаны, стояли, разговаривали, и как-то мимо такой компании проехали красные «Жигули». И армянин, живший по соседству, с нескрываемой завистью глядя вслед машине, сказал: «Ара, за такую машину можно и жену продать, и мать с сестрой».

Не успел несчастный закончить свою фразу, как почувствовал, что кто-то щечочет его живот. Даже послышался смехок. И тут он осознал, что никто его не щечочет, это лезвие ножа с вырезанной эбонитовой змеей на рукоятке, который мой дядя всегда носил с собой, уперлось ему в живот. Не имеющий понятия о чести, глупец поднял глаза и увидел ухмыляющееся лицо дяди.

А может, все было и не так. Но я представлял именно так. Дядя рассказывал отцу, что как только он услышал слова этого ограша¹, и сам не понял, как зарезал его.

А может, дядя почувствовал себя оскорбленным потому, что сестра того армянина была невесткой близкого друга деда, а может, и по другой причине, но факт остается фактом – с тех самых пор, как говорила моя бабушка, этот армянин спал в теплой могиле, а мой дядя вынужден был проводить свои дни в холодной камере на грязном матрасе. После ареста дяди дед каждый месяц посылал вдове армянина 200 рублей (по нынешним временам 200-300 долларов), чтобы она, оставшись с двумя сиротами, не нуждалась. Несмотря на то, что эти двести рублей были ощутимы для нашего бюджета, дед никогда не жалел о них, и не было случая, когда бы он посылал эти деньги скрепя сердце, с неохотой. Он относился к этой выплате как к обязательному государственному налогу и никогда не жаловался на бабушку, которая и внушила ему эту мысль.

Так безропотно, перебиваясь черным хлебом и сыром, они ждали сына из тюрьмы. И этот странный обычай – одна из особенностей бакинцев.

Вот уже в который раз случались такие истории в нашем роду. Например, из разговоров дома я слышал, что отца моей бабушки убил дядя моего деда.

– ...мы тогда девочками были, примерно тринадцати лет. Мы мыли паласы во дворе, – бабушка часто рассказывала мне эту историю, – ...вдруг вижу, соседка Нисаханым, запыхавшись, вбежала во двор и кинулась в комнату моей матери, и в ту же минуту из комнаты раздались крики и вопли. Вначале нам ничего не говорили. Уже к вечеру мы узнали, недалеко от Чемберкендского кладбища мой отец Гасанага и старший дядя твоего деда Агаверди повздорили, и Агаверди достал нож и ударил моего отца в сердце. Отец скончался на месте. В тот же вечер твой покойный прадед Гыбле² Гулам пришел к нам вместе с самыми уважаемыми аксакалами Баку просить прощения, заплатили за пролитую кровь и в конце, положив руки на Коран, поклялись больше не враждовать. А дядю твоего деда Агаверди в тот же день милиция арестовала, сослала его в Сибирь, и потом уж никто о нем, несчастном, ни о живом, ни о мертвом не слышал, так и пропал, бедный (больше всего меня поражало то, что бабушка жалела человека, убившего ее отца, называла его «несчастливым, бедным»). После похорон Гасанаги твой прадед Гыбле Гулам взял на себя все расходы по содержанию нашей семьи. У своей семьи кусок отбирал, посылал нам – начиная от риса, масла, муки, когда выпадала возможность, мясо, курицу – мы даже в голодные годы не сильно нуждались. Мама каждый четверг читала ясин³ и для отца, и для

¹ Ограш – сводник; иносказ. «человек без чести».

² Гыбле – уважительное обращение.

³ Ясин – заупокойная молитва.

Гыбле Гулама. А когда мы выросли, Гыбле не позволил нам выйти замуж за чужих парней. Мы были сиротами, кто знает, в чьи бы руки попали, как бы там с нами об-ращались. Гыбле Гулам мою старшую сестру выдал замуж за сына своего друга, а меня взял за своего сына, то есть твоего деда.

– Бабушка, ты говоришь, что твоя мама читала ясин и для своего мужа, и за всех усопших в роду деда, – спросил я. – А что, эта молитва не доходила и до того, кто убил его?

– Мама читала ясин по покойникам своей свахи, а когда читала для Агаверди (брата твоего деда), думала, что хотя этот человек и убийца моего мужа, но все же приходится братом нашему кормильцу, – перебирая рис, отвечала бабушка. – До самой смерти каждый раз, поднимаясь из-за стола, она воздевала руки к небу и говорила: «Господи, продли дни Гыбле Гулама и храни его семью от всех бед».

– Бабушка, а нельзя было бы, чтобы Агаверди не убивал вашего отца, и он сам бы вас вырастил, – не унимался я.

– Нельзя было, – твердо отвечала бабушка, как будто она сама когда-то была женщиной и в Даглы мехелле или в темных улочках Ичери шехер зарезала человек пять-шесть, – нельзя было. На все воля Божья. Если суждено было в тот день моему отцу умереть, то не на Чемберекендском кладбище, так на Хамшари палане¹, не Агаверди, так другой человек вышел бы ему навстречу, не важно. От судьбы не уйдешь.

– Ба... можно я еще спрошу, – кажется, я начал надоедать ей своими детскими вопросами. Но что делать, тогда все эти вопросы мне казались очень серьезными, потому что и бабушка отвечала на них очень серьезно. – Ба, вчера в мышеловку, которую отец поставил в подвале, попала мышь, и я подумал, бедная, кто же теперь будет кормить ее деток? А дедушкин дядя, когда убивал твоего отца, не подумал о том, что его дети останутся сиротами? Или же твой отец, когда начинал драку с Агаверди, не думал о вас?

– Нет, не думал, – голос бабушки стал еще тверже. – Если мужчина в трудную минуту вспомнит о семье, в его сердце закрадется страх, он сломается и перестанет быть мужчиной, лишится всякого уважения. Ты еще ребенок, не поймешь такие вещи. Вот вырастешь, окончишь школу, положишь в карман нож и выйдешь в квартал – тогда все поймешь. Что же касается пропитания, в те времена бакинцы были другими. Когда мужчина кидался на нож или подставлял грудь под пулю, он не думал о том, что после его смерти его семья будет голодать. Был спокоен, потому что знал, заботу о его семье возьмут на себя близкие его убийцы, а если у убийцы никого нет, то семья будут помогать родственники и соседи. На самом деле так и было. В те времена семьи тех, кто сидел в тюрьме, жили лучше других. Родственники и соседи приносили им то, что готовили у себя дома на обед, если что-то покупали себе, то обязательно покупали и им, старались, чтобы дети не чувствовали себя сиротами или изгоями в обществе, а шли с высоко поднятой головой.

– Ба, а когда отец твой умер, твоя мама не скучала по нему? – дурацкий вопрос, на самом деле я хотел спросить, любила ли твоя мама твоего отца? Но открыто спросить об этом стеснялся.

– Не скучала. Порядочная женщина не скучает по мужу. Ни по своему, ни по чужому. Стыдно это. Умная женщина, провожая мужа, сына или брата куда-нибудь, должна думать о том, что, может, в последний раз видит их. Вдруг подерется с кем-нибудь и его убьют, или он сам кого-нибудь убьет и попадет в тюрьму, или под ма-

¹Хамшари палан – улица в Баку, где собирались разнорабочие.

шину попадет. Женщина должна быть готова к таким вещам, – бабушка на минуту задумалась, будто что-то вспоминая. Рисинки в ее пальцах тоже замерли, будто тоже ожидая, что она скажет. – Покойная мать говорила, что всегда знала, что он не умрет своей смертью. Горделивый был, никому ничего не спускал, и чуть что, сразу взрывался, – тяжело вздохнув, бабушка подняла голову. – Да и вообще, если в каком-то роду, деревне, городе мужчины перешли пятидесятилетний возраст, считай, они потеряли свою мужскую честь, они тряпки.

– Если бы моего отца убили, я бы никогда не простил, хоть в Баку, хоть где, нашел бы этого убийцу и убил бы, или, или... – в голову больше ничего не приходило.

– Молодец, – бабушка улыбнулась... – ведь ты тоже мужчина, пусть пока маленький. Вот даст Бог, вырастешь... – вдруг она запнулась, покачала головой, – ...но Баку постепенно портится, пока ты вырастешь, даже намек на мужскую честь не останется, и ты станешь матышка¹. – Потом начинала усердно тянуть меня за уши, чтобы не накликать на меня такой позор. – Не приведи Господь. – И, уверив себя, что отогнала от меня эту напасть, продолжала: – да нет, в нашем роду никогда не было матышек, и тебя с Божьей помощью это бесстыдство минует...

Бабушка часто вела такие беседы. И когда она уставала от моих нескончаемых вопросов, доставала кусок черного хлеба, клала на него сыр и начинала тихонько жевать, и на мой немой вопрос всем своим видом отвечала, что дядя твой в тюрьме, Бог знает, что он там ест и ест ли вообще что-то. Как я могу проглотить кусок, если ребенок мой в тюрьме голодный? Твой дед и отец смеются надо мной, может, и ты в душе смеешься надо мной. Но когда я ем этот сухой черный хлеб, мне кажется, что я сейчас рядом со своим сыночком в тюрьме и вместе с ним несу крест тюремной жизни. Мне кажется, что от черного хлеба пахнет моим сыночком. Я обет дала, пусть он вернется живым, здоровым из тюрьмы, я зарезу барана и раздам сиротам и нищим. А после этого можно и плов поесть, и курицу, и кюфтэ-бозбаш².

– Ба, а все женщины, у кого родные сидят в тюрьме, поступают так же, как ты? – этот вопрос в самом деле интересовал меня, я был еще маленький и мало куда выходил, поэтому обычаи и традиции Баку были для меня загадкой, все, что я видел – это был наш двор и семьи соседей и родственников.

– Многие так делают, – отвечала бабушка. – Правда, есть и такие, которые поступают так не от души, а только ради традиции, выставляют себя перед соседями, родственниками, мол, вот я не ем и не пью, потому что муж или сын в тюрьме. Хотят показать, будто они так проявляют свою любовь к ближним. А когда никого рядом нет, наедаются, как свиньи.

– Ба, может, и ты тайком ешь? – пошутил я, подражая деду.

– Ах ты, негодник, и ты вздумал подшучивать надо мной? – рассердилась бабушка. – А ну, иди отсюда, бездельник, шалопай, только тебя еще не хватало на мою голову...

Но я не вставал, начинал смеяться, а спустя пару минут и бабушка присоединялась ко мне, затем вставала и включала свет, потому что мы так увлекались беседой, что и не замечали, как наступал вечер. Глядя на сумерки за окном, она начинала засучивать рукава, что-то бубня себе под нос, я понимал, что пришло время ужина, и бабушка собирается проводить омовение. Я тихонько выходил из комнаты, поднимался на крышу, садился рядом со старой голубятней, которую еще в детстве построил мой дядя, и смотрел на Баку.

¹ Матышка – в Азербайджане унизительное прозвище легковесных, пустых людей.

² Блюдо национальной кухни.

Хотя после ареста дяди дед и подарил всех голубей одному из голубятников в квартале, после бесед с бабушкой, сидя и глядя отсюда на город, из опустевшей три-четыре года назад голубятни мне слышалось воркование этих птиц. Это странное воркование, доносившееся из прошлого, и панорама вечернего Баку, раскрывающаяся с крыши нашего дома, находившегося на знаменитой в городе Советской улице, уводили меня в совершенно другой мир, истории, рассказанные бабушкой, оживали перед глазами, я видел ее отца, окровавленный нож дяди деда, бродил где-то с дядей, который на тот момент находился в тюрьме. Так я мог часами сидеть у старой пустой голубятни, словно каким-то наитием чувствовал, что очень скоро, лет через пять, десять, от старого Баку не останется и следа. Поэтому старался запомнить как можно больше. Насколько это мне удалось – Бог знает. Скажу, мои рассказы о семье еще не закончены, потому что, рассказывая о своей семье, я, по сути, рассказываю об истории Баку, а, вспоминая об истории Баку, волей-неволей вспоминается прошлое нашей семьи. А в прошлом было много интересного...

Когда перед моими глазами встает прошлое моей семьи, мне кажется, что бакинские семьи пяти-шестидесятилетней давности были похожи друг на друга, как листья одного дерева – бабушка очень серьезная, дед – мудрый и в то же время немного беспечный, сыновья: один – с образованием, партийный, другой – беспутный, повеса, дочь – тихая, покорная.

Думая об этом, я вспоминаю о литературных течениях, о которых очень много сейчас говорят, и пытаюсь разделить членов своей семьи, согласно этой градации. Заранее скажу, что результаты получаются отличные – бабушка с крашеными хной волосами и четками – классический образ; дед с высокой папахой и золотыми зубами – романтический образ; отец – коммунист в костюме и галстуке, – модернистский образ; тетя с косами до щиколоток, не выпускающая из рук книг Алибалы Гаджизаде, – неореалистический образ, а жуликоватый прощелыга дядя – постмодернист.

Что же касается мамы, она была тут чужой, и хотя всегда подчеркивала свою непохожесть, все же свекровь и золовку принимала.

На примере моей семьи можно было проследить, как в одной семье уживались вместе прошлое и настоящее, консерватизм и новаторство, высокие моральные устои и беспечный, разгульный образ жизни, вера и атеизм. Кто-то может меня обвинить в том, что я опять идеализирую бакинцев. Но тут я хотел бы сказать несколько слов об «идеальной семье» и «идеальном обществе». Почему-то все думают, что идеальная картина совместного проживания – это всепоглощающая любовь друг к другу, никаких конфликтов, все доходы распределяются поровну, никто никого не обижает, все одинаково думают и одинаково говорят и т.д. Одним словом, как говорят богословы, «ангельский мир». Идеологи, философы, желающие навязать нам эту идею, хотели уверить нас, что если мы последуем за ними, то построим идеальное общество. Лично я считаю, что это не «идеальное общество», а глупость. «Идеальное общество», «форма идеального общежития». На самом деле внешние свойства должны отражать внутреннюю суть. Если какие-то морально-духовные качества остаются за пределами этой формы, значит, они приговариваются к уничтожению. Жаль, что многие этого не понимают, и причиной является то, что все считают себя умными, порядочными, воспитанными, благородными, и в том, что жизнь на планете все более ухудшается, виноваты другие люди, сошедшие с истинного пути, в их отказе от моральных правил и норм. Одним словом, принцип «виноваты все, кроме меня» сформулировал у идеологов мысль, если все будут делать то, что мы им советуем, то мир

исправится. Если бы они смогли посмотреть на ситуацию со стороны, то поняли, что именно они сами и являются самыми испорченными и бесполезными людьми, и в первую очередь исправлять, очищать нужно их самих, другими словами, они сами нуждаются в том, чтобы стать людьми. Собственно по этой причине все попытки построить «идеальное общество» терпели крах, потому что люди, проповедовавшие чистоту, праведность, целомудрие, сами были далеки от этих нравственных ценностей, и их последователи начинали прозревать, видя, что вчерашние лидеры, плюнув на высокие идеи, занимаются расхищением и набиванием карманов и желудков... Кажется, я опять потерял нить мысли, начал говорить о бакинских семьях, а забрел бог весть куда. Не беда. Потерять нить мысли – не самая большая ошибка, главное, чтобы кончик мысли не терялся, а вот совесть, честь, достоинство терять никак нельзя. Потому как конец мысли хоть и трудно, но найти и ухватить можно, а честь и достоинство, если пропадут, то уж безвозвратно, как ни кричи, как ни ищи, а их уж не вернуть...

Вернемся к истории моей семьи. Говоря об «идеальном обществе», созданном людьми, подпавшими под различные влияния своего времени и живущими под одной крышей, я вовсе не утверждаю, что в нашей семье не было конфликтов, разногласий, и жизнь была гладкой и идеальной. Нет, конечно же. Если бы я сказал, что в то время бакинские семьи не имели никаких отрицательных черт, люди были подобны ангелам, в первую очередь сами бакинцы посмеялись бы надо мной. Невозможно приврать что-то к событиям, которые случились на глазах у всех.

И в нашей семье были разногласия, небольшие конфликты, но они никогда не выходили за определенные рамки, потому что члены семьи не считали себя безупречными, все понимали, что люди несовершенны, все имеют свои достоинства и недостатки. Но в семье все принимали друг друга такими, какие они есть, и это не мешало им любить друг друга. И причиной тому было то, как я сказал выше, что никто не считал себя совершенным, никто не думал, что он лучше остальных.

Так как семья наша походила на другие бакинские семьи, то и конфликты, можно сказать, были у всех аналогичные. Прошлое и будущее, идеализм и материализм, оптимизм и пессимизм то и дело провоцировали стычки. Больше всего в моей памяти сохранились споры, связанные с добровольным голоданием бабушки и тети.

– Что мать, что дочь, будто в XV веке живут, – все время говорил мой отец-коммунист, – глаза откройте, посмотрите, где живете, хоть иногда включайте радио, телевизор. Люди в космос летают, на Луне дворцы строят, а вы все пытаетесь навязать нам дедовские традиции...

Когда отец совсем уж распалялся, бабушка молча смотрела на него, посмеивалась, что совсем выводило его из себя.

– Что, неправду я говорю? Какая польза от твоей голодовки этому дармоеду в тюрьме? Он сейчас в тюрьме лучше нас живет, каждый месяц я отношу ему по сто рублей, столько же ребята из квартала посылают ему. И потом он в тюрьме стремящийся¹, его уважают, чего еще тебе надо?

– Ну какое тебе дело до нас, что мы едим, чего не едим, – вздыхала бабушка.

– Как это какое мне дело? Не сегодня, завтра, и ты, и твоя дочь язву себе заработаете, кто тогда вас будет лечить? Или твой любимый сыночек из тюрьмы прибежит и начнет вам врача искать?..

Конечно же, пользы от этих слов никогда не было; бабушка и тетя продолжали

---

¹Исковерканное стремящийся, стремяга – человек, активно принимающий участие в черной жизни зоны.

есть черный хлеб, а отец, как истинный коммунист, неустанно боролся с ними. И не только с этим обычаем. Отец и слышать ничего не хотел о ежегодном трауре по мусульманским святым мехерремликке, посте – орудже, фитре, зякяте – ежегодных религиозных пожертвованиях в пользу бедных.

– Мы в поте лица своего трудимся, чтобы они были сыты и одеты, чтобы не нуждались ни в чем, а они... – говорил отец, указывая на мать, сестру, а порой и на мою мать, – втайне от нас носят деньги по пирам – святым местам и мечетям, милостыню раздают. То заупокойную молитву заказывают, то Коран читать, – затем недовольно смотрел на деда и срывался на нем, – а ты попустительствуешь им, я один вынужден бороться с ними и только настраиваю их против себя.

– Не вникай в женские дела, все равно сделают то, что хотят, – ворчал дед, слегка краснея, но отец не обращал на это внимания, потому что не знал причины, по которой его щеки заливала краска. А я знал. Знал, что каждый месяц дед посылал деньги в нардаранский пир, в Бузовны в мечеть «Алиайагы», заказывал заупокойные молитвы и чтение Корана для своих усопших, но все это он делал так, чтобы его сын-коммунист не узнал про это, в противном случае он со своими атеистическими выступлениями доставал бы и его.

Когда отец начинал ворчать, бабушка спокойно сидела и перебирала четки, а тетя, молча прижавшись к ней, не смела поднять глаза.

– Когда ты надел этот красный ошейник (она имела в виду пионерский галстук), я знала, что ты плохо кончишь, – говорила она, когда отец уже выходил из комнаты. – Младший брат оказался умнее тебя.

Вначале мне казалось странным, что бабушка ставит своего младшего сына, разгильдяя и задиру, у которого не было образования, выше моего отца-коммуниста, но потом, поразмыслив, я решил, что она в чем-то права. Отец мой неплохо учился в школе. Но поступить в институт у него не получилось, он устроился работать на нефтяной промысел, стал активистом местной партийной ячейки, пламенно выступал на собраниях, на демонстрациях носил самое большое знамя, внимательно слушал все выступления руководителей страны по телевизору. И самое главное – беспощадно боролся со всеми традициями и обычаями, считая их отголосками феодализма. Одним словом, вел жизнь настоящего коммуниста.

Дядя же мой с тринадцати-четырнадцати лет бросил школу (хотя директор школы был старым другом деда, и потому его имя переходило каждый год в новый класс), связался с ребятами из автопрофилактория, который находился в нашем квартале, все дни проводил с ними, и в результате к шестнадцати годам знал автомобильные моторы, как свои пять пальцев, мог разбирать и собирать их с закрытыми глазами, и пока мой отец толкал пламенные речи на комсомольских собраниях в школе, его младший брат умудрялся зарабатывать приличные деньги и, естественно, часть их отдавал матери.

Когда я думал о том, что говорила бабушка, я приходил к выводу, что, возможно, десятилетнее хождение отца в школу было делом бесполезным. Все равно продолжить учебу ему не удалось, да и особо сильного желания у него на это не было. А при таком раскладе было бы лучше, если бы он, как его младший брат, в тринадцать-четырнадцать лет обучился какой-нибудь профессии. Если мы взглянем на такие обычаи отсталого Востока, как ранний брак и детский труд, то мы придем к совершенно парадоксальным выводам. Общеизвестно, что только тридцать-сорок процентов школьников, окончивших среднюю школу, поступают в высшие учебные

заведения, остальные «среднячки» и «слабые» ученики оседают на фабриках и заводах. Если дела обстоят таким образом, то какой смысл заставлять их ходить в школу? Как говаривала моя бабушка, было бы лучше им с девяти-двенадцати лет обучаться какой-либо профессии, учиться зарабатывать деньги, к пятнадцати годам жениться, чтобы во время полового созревания не провожали жадными глазами чужих дочерей, не волочились за всеми, чтобы знали, что дома их ждет законная жена.

Возвращаясь к своей семье, должен сказать, что, как бы отец ни ругался с бабушкой, он никогда не переходил грани и сохранял должное уважение. В дни Ашуры¹ не включал музыку, не смотрел телевизор, во время уразы не пил, когда бабушка проводила намаз, выгонял меня из комнаты, чтобы я не щекотал ее, когда она клала земные поклоны. Хотя бабушка и была для меня во многом примером, это не значит, что у нее не было недостатков. Совершенны только Бог и святые угодники. Безусловно, у нее было много недостатков, и большая их часть проявилась тогда, когда в нашем дворе появились первые квартиранты из района...

Да, за десять лет до моего появления на свет в нашем дворе появились деревенские квартиранты.

ЧЕТВЕРТЫЙ ФРАГМЕНТ

Вот так мы и добрались, как говорят русские, до щепетильного вопроса – отношения бакинцев с выходцами из районов, то есть небакинцами.

Многие могут сказать, что традиционный для бакинцев вопрос «откуда ты родом?» нетактичен. Ни один народ не жил в той географической точке, в которой он сформировался, постоянно происходили какие-то миграции, ассимиляции, затем новые миграции, женились, разводились, другими словами, наша планета – это котел, в которой варятся и беспрестанно смешиваются народы. Я с этим согласен и не отрицаю, что бакинцы в этом смысле не являются исключением, так что к термину «бакинцы» надо подходить с определенной долей иронии. Именно по этой причине, прежде чем перейти к истории взаимоотношений бакинцев с небакинцами, было бы неплохо бегло окинуть взором саму историю происхождения бакинцев.

Когда я говорю о происхождении, я имею в виду первые поселения, и в этом смысле я могу смело утверждать, что бакинцы произошли не от обезьян, это сто процентов. Если кто-то в это не верит, я могу поклясться Аллахом и добавить, как настоящий мужчина: «Клянусь тобой».

Хотя европейцы, не верующие ни в Аллаха, ни в мужское слово, ни словам «клянусь тобой», приводят множество доводов и сомнительных доказательств в пользу этой гипотезы. Но мы, мусульмане, как творение Аллаха, конечно же, принять эту гипотезу не можем, потому как по официальной божественной версии человек произошел именно от человека, то есть, вначале Бог создал Адама, затем взял и изгнал его из рая в этот мир и таким образом дал старт человеческой цивилизации. И как создания Аллаха, мы никогда не задаемся вопросами, не интересуемся, если все человечество зародилось от Адама, тогда каким образом появились расы, или же каким образом люди попали на многочисленные далекие острова, затерянные в океане и т.д. Да, мы не интересуемся, да и не собираемся интересоваться. И потом, чем больше вопросов, тем больше головная боль на этом свете, да и на том свете они приводят только к котлам с кипящим киром. В общем, мы произошли от Адама, а не

¹ День поминовения святых Гасана и Гусейна, сыновей Али и внуков пророка Мохаммеда..

от обезьян, как люди на Западе.

Но тут появляется еще один вопрос; каждый род хорошо знает своих предков, и если современные европейцы уверены в том, что они произошли от обезьян, значит, в этом хоть малая доля истины, но есть. Кто знает, может, и вправду от них и произошли? Во всяком случае, навязываемые всем западным миром в течение последних ста лет «мощное движение», «мощное развитие», «ускоренный темп жизни» хоть и косвенно, но все же подтверждают эту гипотезу. Ясное дело, по сравнению с людьми, обезьяны более подвижны, более ловки, и европейцы, не зная продыху, все ускоряют темп жизни, будто пытаются дойти до уровня совершенства своих предков, то есть, как говорят наши поэты, «вернуться к самим себе».

Самое интересное то, что и мы сейчас пытаемся интегрироваться в западную цивилизацию, превратиться в ее составную часть, идут горячие диспуты, предпринимаются определенные шаги к достижению этой цели. Мы, как и они, пытаемся стремительно развиваться, продвигаться вперед, жить в более стремительном ритме и, наконец, стремительно умирать. По-моему, все эти попытки обречены на провал, потому что, как ни старайся, а потомкам Адама не сравняться в скорости с потомками обезьян. И как бы мы ни старались, ни выходили на телевизионные экраны, ни жеманились, ни прыгали как обезьяны на свадьбах, ни жили бы всю жизнь, как приматы, водимые только своими желаниями, – бесполезно, мы никогда не станем европейцами, потому что, повторю еще раз, мы произошли не от обезьян.

А теперь вернемся к основной линии нашего сюжета. Так, мы выяснили, что бакинцы произошли не от обезьян.

Тогда откуда же появились бакинцы? Свалились с неба? Или выросли из земли? Вышли из моря? Нет, с морем я уж совсем перегнул. В таком случае бакинцы были бы похожи на рыб, а это не так. Бакинцы хоть и любят побаловать себя рыбой, но на них совсем не похожи, то есть не скользкие.

Бакинцы произошли от сотворенного Аллахом Адама, хотя в определенной доле в своем существовании они обязаны морю, точнее, Хазару.

Многие считают, что самое древнее имя Баку – Бадикубе. А образованные люди знают, что топоним «Бадикубе» (город ветров) появился после исламизации Азербайджана. Но что было тут до арабского завоевания? Разве не было этого города, не жили тут люди? Был, конечно, и город, были и люди – и город был крепким орешком, окруженный высокими стенами. Сколько падишахов, военачальников обломали свои зубы, пытаясь штурмом взять этот орешек. Не сосчитать. В XVIII веке корабли, посланные сюда русской императрицей Екатериной, пушечными ядрами сделали брешь в этой твердыне, но окончательно разрушить ее так и не смогли. Дома в крепости, лишённые своей защиты, стали плесневеть, разрушаться и гнить, но большая часть зданий и крепостной стены все же дожила до наших дней. И слава Богу. И сейчас, глядя на крепостные стены, бакинцы переполняются чувством гордости, вот, мол, были же времена, когда и мы имели такую твердыню. В общем, затянулось мое отступление.

Когда начинаешь говорить о быте бакинцев, то волей-неволей возникает вопрос: кто появился вначале – Баку или бакинцы? Но так как ответ на этот вопрос так же темен, как вопрос о яйце и курице, то нам придется перепрыгнуть через него и пойти дальше, – будем считать, что вначале появились бакинцы, и, как мы уже отметили, в определенной степени в своем появлении они обязаны морю.

Морю и, конечно, нефти. Тьфу ты, никак не избавиться от этой нефти. В бакинской истории человека везде преследует запах нефти, в какой бы ее уголок вы ни

заглянули, обязательно вляпаетесь в нее. Просто черный липучий кошмар. В аду, наверное, и то получше будет. Я вообще думаю, что Баку по своему местоположению ближе всего находится к преисподней.

Так вот, своим появлением бакинцы обязаны морю и нефти. Почему? Сейчас объясню. Так как окрестности Баку не пригодны ни для земледелия, ни для скотоводства, люди тут стали обосновываться сравнительно поздно, когда уже зародилось мореходство и огнепоклонничество.

Те, кто хоть раз в жизни смотрел на карту, знают, что Абшеронский полуостров находится на самой середине Хазара, и купеческие корабли, плывущие из России в Иран или из Ирана в Россию, облюбовали эту естественную бухту как место отдыха и спасения от штормов. Спустя какое-то время деловые люди тех времен решили, что с географической точки зрения это очень выгодное место для строительства порта, и если обустроиться тут, то можно заработать хорошие деньги, так и появился тут порт. Дальновидные люди стали строить доки для ремонта кораблей, караван-сарай для отдыха моряков, затем они поразмыслили и решили, что нет никакой нужды самим путешествовать в Иран или Россию за товаром, можно, просто сидя у себя дома, заниматься торговлей с проплывающими мимо судами. Так начинает расти количество караван-сараяев, базаров, амбаров, и маленький поселок превращается в большую ярмарку. Купцы с севера и с юга, не путешествуя дальше, здесь производили обмен своими товарами и возвращались к себе домой, что значительно облегчило им жизнь. Баку в те времена был, как современный Дубай, торговым центром.

В основании Баку и бакинцев большую роль сыграло море, теперь же поговорим о нефти. Мы уже отметили, что в те времена территория Баку напоминала уголок ада, почти на каждом шагу взмывали в небо нефтяные фонтаны, шипел газ, и все это то и дело вспыхивало огнем от малейшей искры. На всей территории, начиная от Бибиэйбата и кончая Сураханы, главой исполнительной власти были Огонь и Пламя – купцы-огнепоклонники, прибывающие сюда из Ирана и Индии, очарованные этой полыхающей землей, оставались тут навсегда, думая, что судьба вознаградила их, и они нашли землю, где живет Бог света Ахурамазда. Огнепоклонники, потеряв от счастья голову, переполняемые любовью к Богу и страстно желая слиться в пламени с Ахурамаздой посредством самого, как они считали, священного способа, с песнями Раджа Капура бросались в огонь, бушующий в окрестностях Баку, тела сгорали, а их души отправлялись в рай (конечно же, не в наш мусульманский, а в свой, потому что самоубийцам в нашем раю места нет. Аллах таких грешников отправляет в ад). Наш горящий и пылающий ад для огнепоклонников явился настоящим раем; сколько душе угодно кипящих казанов с киром, денно и ночью горящие костры – что еще нужно верующему, который поклоняется огню, как богу?

Так, благодаря купцам, весть о горячей и пылающей земле распространилась по всем огнепоклонническим странам (хотя залежи нефти были и в других местах, но в Баку она была в буквальном смысле под ногами, так что мы можем смело утверждать, что в те времена не было территории с такими естественными источниками огня), и со всех сторон, особенно из юго-восточной Азии, огнепоклонники потекли в землю, которую они считали жилищем Ахурамазды. Часть паломников возвращалась обратно в свои страны, а часть обосновывалась тут, строила храмы, становилась жрецами, служителями в этих храмах, и когда приходило время, прыгали в храмовый огонь. Так что основную часть первых бакинцев составили именно они.

Так в те времена Баку стал не только, как Дубай, торговым центром, но и по-

степенно превращался и в центр огнепоклонничества. Дубай и Мекка объединились в одном городе. И это дало очень интересные результаты – город превратился в экономический и духовный центр Ближнего Востока, так что в характере бакинцев трудно проследить объединение духовных ценностей и купеческих интересов.

Хотя мы сделали небольшой экскурс в историю, мы не должны забывать, что Баку тогда еще не был Баку, то есть имени у него не было. Нет, прости меня, Господи, имя было, просто назывался не так, как сейчас, было несколько названий.

Самое первое название Баку было «Багаван». В рукописях путешественников того времени этот городок упоминается как «Атеши-Багаван» или «Багуан».

Огонь, являющийся детищем нефти и газа, привлекающий сюда огнепоклонников, укрепился в его названии прежде, чем нефть завладела городской жизнью. Интересна и история названия «Багаван». В первую очередь надо сказать, что этот Багаван не имеет никакого отношения к слову «барабан», потому что это слово имеет славянские корни, а во время основания Баку и появления бакинцев, славянских племен здесь не было. Топоним «Багаван» состоит из двух частей – из корня «Баг», или «Бага» и аффикса «Ван». «Баг» в переводе с древнего пехлевийского языка означает «Бог» (не учти же мы, знаем, что и упомянутые славяне именно так называют Всевышнего), а на санскрите «бхага» используется для обозначения солнца или огня (достаточно вспомнить распространенную нынче в Баку книгу «Бхагавад-Гита»). Если мы поменяем в слове «Бхагавад» последнюю букву на «н», то получим древнее название Баку (таким образом, становится понятной бесконечная любовь бакинцев к индийскому фильму «Зита и Гита»).

Аффикс «ван» имеет значение местности, то есть, место, где живет Бог или священный огонь. Этот аффикс нам хорошо знаком, потому что многие наши города имеют его в своем названии. Например, Ширван, Нахчыван, Иреван, Миндживан, Диван и т.д. С этой же точки зрения, наверное, надо подходить и к слову «Диван». Ди-ван – «ди» – «дин» – религия, получается место, где зарождалась (находится) религия. Известно, что спина опирается на спинку дивана, тогда получается, что в древних языках спина, скорее всего, называлась «ди».

Если мы примем во внимание, что первые поселенцы Баку были огнепоклонниками, выходцами из различных регионов Азии, и в основном из Индии, для которых эта полыхающая земля была жилищем их бога, то они и назвали это место «Багаван», так что ничего удивительного в этом не будет.

Но все это не означает того, что бакинцы полностью состояли из индусов и индийские йоги являются нашими предками. Если бы это было так, то и мы, как йоги, лежали бы под землей по пять-шесть дней не дыша и, самое главное, могли бы летать. Нет, всего этого бакинцы не умеют, за исключением, конечно, полетов. Летать мы любили, это по-мужски признать надо честно. А что нам оставалось делать посреди всего этого огня и нефти. Нет ни рощи, ни лесочка, ни полянки, чтобы подышать свежим воздухом, ни поохотиться, ни пострелять джейранов, косуль и прямо там, в лесу, сделать шашлык и насладиться всем этим, надышаться, очистить свои легкие от нефтяной копоти. Даже если выйти на охоту, в округе Баку никого, кроме плешивых лисиц, и не увидишь, да те, бедняги, от нефти стали такого цвета, что ничем не отличались от старых потертых воротников пальто жен старых коммунистов. Поэтому мы, бакинцы, единственный выход очищения, выведения въевшейся в тело копоти видели только в полетах. Я с юных лет помню, что полеты были для нас традицией. По ночам в верхнем квартале собирались все желающие полетать. Вы-

потрошив из папирос «Казбек» табак, наполняли их зельем, название которого не хочу упоминать, затягивались, выпуская круги дыма, закрывали глаза и, покачиваясь, взлетали, превратившись в белое облако, проникали в сны к любимым девушкам или, превратившись в звезды, сияли над их головами... Так нам удавалось пусть на пять-шесть часов проветрить свои головы от запаха и копоти нефти...

Например, лично я в таких полетах ясно ощущал, что в жилах моих прадедов есть хотя бы малая толика крови йогов. В такие моменты эти гены активизировались и взмывали меня в небеса, я летел, широко раскрыв крылья, пролетал над Индией, Китаем, в мгновение ока оказывался в Арабистане, но за Стамбул не залетал, боялся, что европейцы своими современными ракетами собьют меня, и наш народ лишится такого великого «летуна», как я. Но больше всего я любил летать над Хазаром, мне очень нравились морские птицы, пахнущие рыбой, я подружился с ними, особенно хорошо складывались отношения с чайками. Во время своих полетов я даже написал газели с редифом «чайка». Жаль, что мне никогда не удавалось поговорить с моими длинноклювыми друзьями досыта. В самый разгар беседы на горизонте появлялись две сияющие звезды, которые, увеличиваясь, медленно плыли ко мне, и пока я пытался понять, за что мне оказана такая честь, до меня доходили крики ребят: «Участковый идет, разбегайтесь!». И пока я бежал в неизвестном направлении, до моего сознания доходило, что звезды, плывущие ко мне из неизвестной дали, сияют на погонах нашего участкового, майора советской милиции Мирзоева, которые он носил с гордостью. Отсюда напрашивался вывод, что среди соседей у участкового были свои «суки», а так с чего бы он, как англичанин, учуявший нефть, безошибочно находил нас в нашем тихом укромном местечке. По мере того, как вся эта история из раза в раз повторялась, у меня начинало складываться устойчивое чувство ненависти ко всем пятиконечным звездам. Неважно, где они были изображены – на нашем флаге ли, на гербе ли, на денежных знаках, которые мы носили в кармане, при их виде ненависть закипала во мне, они чинили препятствия моему общению с моими верными друзьями чайками, и концом этого неприятия и ненависти стало то, что я вместе с чайками вышел с протестом на площадь, мы протестовали, кричали, требовали и, наконец, свергли советскую власть. Так мы избавились от пятиконечной звезды, но, к сожалению, вместе с ними исчезли и чайки, и мне по определенным причинам тоже пришлось отучаться от полетов и кайфа.

Вернемся к названию нашего города и быта бакинцев. Стало быть, мы выяснили, что первым названием Баку было Багаван. Что же касается бакинцев, то их можно распределить по нижеследующим группам: тридцать процентов – местное население Ширвана, тридцать процентов – огнепоклонники, прибывшие на кораблях с юга, тридцать процентов – пришедшие через Дербент северные племена, сменившие кочевой образ на оседлый. Остаются десять процентов. И эти десять процентов составляли мои любимые чайки. Может, было бы правильным причислить чаек к первым поселенцам Баку, потому что они тут жили еще до людей, и на самом деле именно они являются аборигенами этих мест, ловили в море рыбу, загорали на его берегах, омывали в нефти свои лапы, одним словом, наслаждались жизнью.

Затем пришли люди и присвоили себе звание бакинцев. И кончилось тем, что как белые американцы уничтожили местные племена индейцев, так и люди положили конец царству чаек, чтобы впредь никто не сомневался в том, кто является настоящими бакинцами. Цивилизация чаек, существовавшая до людей, была уничтожена. То малое количество чаек, которым удалось выжить, уже ни на что не

было способно, кроме как развлекать детей на Приморском бульваре, находя себе пропитание в издающих зловоние канализации прибрежных водах.

После усиления Арабского халифата и исламизации Ближнего Востока название Баку и его этническая составляющая изменились. В регион переселилось определенное количество арабоязычного населения, и канцелярские работники того времени для своего удобства стали называть его на арабский лад.

В поэтических сборниках и ранних арабских источниках историки аль-Масуди, аль-Истехри, ат-Табари называют Баку Бакух, Бакуй, Бакуя, Бадкух, Бадикубе и т.д.

Хотя первые варианты и были арабизированные, но прижился последний вариант – персоязычный. А самое интересное то, что название нашего города Багаван в арабско-персидской транскрипции тоже отражало его суть. То есть, если Багаван означало святилище огня, то Бадикубе означало город ветров. «Бад» – в переводе с фарси означает «ветер», а «куб», является корнем слова «кубиден» (бьющий, коло-тящий). Оба названия помогают раскрыть специфические особенности города.

Если мы уподобим Баку большому, развесистому дереву, то его многочислен-ные названия, наверное, можно соотнести с его листьями. Они, как листва на де-ревьях, при смене времен меняли свое название, старые названия желтели, опадали, ветер времени разметал их, а затем появлялись новые названия, затем и они вет-шали, и этот процесс бесконечен и постоянно обновляется, названия обновляются, а Баку остается. Но это не беда, пусть листья обновляются, главное, чтобы дерево оставалось крепким.

Связь Баку с Индией обуславливается тремя факторами. Первый – это индий-ские огнепоклонники, прибывшие сюда и посчитавшие нашу горящую нефть богом, и оставшиеся тут служить своему богу, второй фактор – это появившиеся сравни-тельно недавно, примерно двести лет назад, индийские кришнаиты, третий – схо-жесть моей бабушки с Буддой.

О первом факторе мы поговорили, о втором факторе поговорим, когда речь пойдет об архитектуре Баку. Остается третий фактор, то есть схожесть моей бабушки с Буддой.

Несколько лет назад в попавшей мне в руки книге я увидел портрет Будды. От-личный был портрет – сам в абсолютном покое сидит в центре, а вся вселенная, луна, солнце, люди, горы, камни, одним словом, весь мир вертится вокруг него.

Мне сразу вспомнилась бабушка, и я представил себе мультфильм – бабушка в центре нашего двора, устроив себе небольшую возвышенность, читает Коран, а вся наша семья, включая всех обитателей нашего двора, на цыпочках ходит вокруг нее. И все в отличие от бабушки заняты делами: дедушка чистит свою папаху, отец гово-рит о светлом будущем коммунизма, дядя, держа во рту папиросу «Казбек», на крыше гоняет голубей, мама вяжет носки, а тетя заплетает косу.

Интересной деталью этого фильма является то, что все, несмотря на то, что каждый занят своим делом, краешком глаза наблюдают за бабушкой, будто боятся ее гневного взгляда, опасаются ее.

Нет, никто не боялся бабушки, не приведи Господь, она же не Азраил, чтобы бояться ее. Вообще, единственным существом во всем мире, который боялся мою ба-бушку, был дворовый кот, бабушка ненавидела его с той минуты, как он там по-явился.

– Бессовестный сукин сын (это обращение к коту), при виде крыс и мышей, от страха не знает, в какую щель спрятаться, а когда нас видит, ходит, выпятив грудь,

будто он тигр Рустам-Зала¹.

Хотя в истории нет достоверных сведений о том, были ли у Рустам-Зала тигры, но наш кот при виде мышей и особенно крыс просто менялся в лице, или, точнее в морде, он становился похож на нынешних министров на совещании у президента, и это, конечно, же не нравилось бабушке. Глядя на съездившегося кота, она с укором говорила: «Вот мать его за день шутя пару крыс ловила, от страха перед ней не то чтобы крысы, даже милиционеры боялись заходить во двор. Боялись, что она из своей засады прыгнет им прямо на лицо. Жалко, бедняжка попала под машину. А эта бездарь, уж и не знаю, в кого пошел». Хотя в словах бабушки и была доля правды, но я нашего кота очень хорошо понимал. Под влиянием мистической бакинской ауры крысы вырастали до таких размеров, что я сам до десяти-двенадцати лет до смерти их боялся, а этот бедняга вообще был маленьким и худым.

Так вот что я хотел сказать, никто в нашей семье бабушки не боялся. Просто она для всех нас играла роль определенной призмы, и все поступки, действия, проходя сквозь эту призму, раскрывали свою сущность, и ничего невозможно было утаить от нее. Зачастую все члены семьи не обращали внимания на нее, пропускали ее слова мимо ушей (и в первую очередь мой отец-коммунист), но в глубине души понимали, что она права. Все ее слова воспринимались как сентенции отсталой, живущей только в своем маленьком мире женщины, будто хотели сказать, да, может, ты и права, но в этом мире так жить нельзя, у этого времени свои законы, и ты должна быть такой же, как и мы, в противном случае доля твоя будет не самой лучшей.

Эти небольшие стычки в нашей семье сформировали у меня мысли об относительности миропорядка и его справедливости. Слушая отца, я думал, да, он прав. Потом шел к бабушке, она в свою очередь говорила противоположное тому, что говорил отец, я слушал ее и тоже думал, да, и она права. Дед же занимал положение миротворца между этими двумя противоборствующими сторонами, и я приходил к выводу, что дед мудрее всех. В самом конце спора приходил мой беспутный дядя-шалопай и выдавал такую очевидно несуразную точку зрения, что мы все впадали в оторопь, оказывалось, что все, что было сказано, ни что иное, как пустая ореховая скорлупа, а самым умным был дядя, который с усердием разбирал автомобильные моторы, чтобы как можно скорее получить свои деньги и купить зелье для наполнения выпотрошенных папирос «Казбека».

На самом деле мое отвращение к «истине» как философской категории началось именно тогда, в моем воображении она виделась как проститутка, которая пытается угодить всем причудам своего потенциального клиента. Просто в каждой ситуации место мужчины занимало человеческое сознание.

Из-за аморфности «истины» в мире появлялись философы, философские направления, течения, разветвления, и каждый из них спешил объявить «многоликую истину» своим оруженосцем.

Но есть только одна-единственная недоступная и непостижимая истина, против которой человеческое сознание бессильно, и это – «вечная Божественная истина». И причина этой недостижимости и непостижимости кроется в том, что люди могут созерцать «Божественную Истину» только с одной стороны, с одного ракурса. То есть по сравнению с другими истинами люди не могут вертеть ею, как им заблагорассудится, ни махать ею как флагом, ни оправдывать ею свои поступки, а самое главное – мы не можем опровергнуть Ее истинность.

¹ Рустам-Зал – пехлеван, герой произведения Фирдовси «Шах-намэ».

Именно с точки зрения «вечной Божественной истины» умных людей можно разделить на части. Одни утверждают, что «Божественная истина» ничем не отличается от других истин, что она относительна, и если бы она была доступна, и ее можно было разглядеть со всех ракурсов, то нетрудно было бы найти у нее кучу недостатков, и стало бы совершенно ясно, что она совсем не «неизменная» и вовсе не «божественная», потому что в мире нет вечной истины и не может быть. Все в мире относительно. Но так в основном мыслят европейцы.

Вторая половина умных людей утверждает обратное. Все истины являются крупинками Божественной истины, и поэтому они относительны. А Божественная истина составляет единство всех этих истин, и потому она вечна и неизменна. Даже если бы было возможно достичь ее, рассмотреть со всех сторон, то каждая при каждом ракурсе останется неизменной. Такой взгляд присущ восточным народам.

В юности я ходил на дискотеки, где под потолком крутились пластмассовые диски с приклеенными на них осколками зеркала, и по мере того, как они крутились, осколки отражали полученный свет, разрывая и разбрасывая его вокруг тысячами маленьких зайчиков, а мы, растворяясь в этом романтическом дожде, наслаждались бликами, играющими на лицах наших девушек.

Говоря образно, «вечную Божественную истину» можно сравнить с этим зеркальным кругом, а блики, отбрасываемые им, – с человеческой, относительной истиной.

Наше несчастье в том, что мы свою, личную, относительную истину принимаем за единственно совершенную истину и по этой причине не способны воспринимать истину других людей, но все это ни что иное, как заблуждение. Нам в голову никогда не приходило то, что мы не непогрешимы, и вся наша правда – всего лишь маленький отблеск Божественной истины.

Думаю, сказанное выше является подтверждением тезиса «Все в мире грешны, но в мире ни у кого нет греха».

И в нашей семье у каждого была своя правда, но разница была в том, что иногда все понимали, что бабушкина правда была наиболее близка к АБСОЛЮТНОЙ ИСТИНЕ. Это положение можно отнести и к вопросу конфликта между бакинцами и небакинцами. Обе стороны правыми считали себя, а неправыми – оппонентов, на самом же деле обе стороны были одинаково и правы, и не правы.

Чтобы понять суть этих конфликтов, необходимо рассмотреть этнический состав бакинцев в XX веке.

Этнический состав Баку, как и во всех больших городах, непрерывно подвергался изменениям, из разных регионов приезжали люди, кто – за заработками, кто – за образованием, кто – из желания быть поближе к нефти. И по прошествии времени, подпадая под специфическую ауру города, они ассимилировали с местным населением, становились бакинцами. История не сообщает каких-либо фактов столкновения между местными и пришлыми, но какие-то мелкие стычки, наверняка, бывали. Но это естественно. Например, представители элиты, живущие в крепости, свысока смотрели на пришлых, которые строили себе дома за крепостными стенами (во внешнем городе), и называли их «голодранцами из внешнего города».

После установления советской власти поток мигрантов в Баку, можно сказать, прекратился. Крестьяне были прикреплены к земле, насильственно загнаны в колхозы и лишены возможности свободно покидать места своего жительства, все дома перешли в ведение государства, и у большей части советских людей было отнято

право на выбор места жительства. Люди не могли продать или купить себе дом или квартиру. Если кто-то хотел переехать из одной деревни в другую или переехать в другой город, то приходилось столько ходить по государственным инстанциям, брать разрешения у различного рода чиновников, что желание переезда умирало прежде, чем люди заканчивали этот бесконечный поход по кабинетам.

Таким образом, в последующие сорок лет, начиная с двадцатых годов, население города, можно сказать, не менялось. В те годы жителей Баку можно было разделить на несколько групп. Первая: самые древние обитатели города – жители крепости «Белоштанники». Вторая: жители абшеронских деревень. Третья: рабочие, стекавшиеся в город во время нефтяного бума из всех концов страны и Южного Азербайджана. Четвертая: осевшие в Баку представители различных национальностей: русские, евреи, армяне и т.д.

Как я уже отметил, в 20-60-е годы миграции в Баку практически не было, все осевшие в городе мигранты обосновались тут еще до революции и стали бакинцами.

Но надо отдать должное, никто от своих предков не отказывался, все помнили, кто откуда родом и как попал в город, всегда говорили: мой дед переехал в Баку из Маштаги, или Ардебиля, или, например, был сослан из Астрахани, и честно признавали, что настоящими бакинцами являются только жители крепости, «белоштанники», что придавало значительности и уважения исчезающему поколению (надо было тогда внести «белоштанников» в Красную книгу, может, тогда представители этой когорты сохранились хотя бы в небольшом количестве).

За это время отсутствия массовой миграции Баку скомпоновался, люди привыкли к своему новому образу жизни и думали, что так будет всегда. Те же кварталы, те же лица, те же соседи, вплоть до скончания века, будут жить бок о бок с соседями, которых хорошо знают, к которым привыкли, и этот замкнутый круг никогда не разорвется.

Когда в Баку стали приезжать выходцы из сельских районов, в истории Баку образовалась огромная пропасть между городским и приезжим населением. И пропасть эту «заткнули» словом «чушка», подожгли фитиль, и история Баку взорвалась, и взорвалась так, что никто и никогда за долгую историю Баку такого взрыва не видел.

Но я что-то не то сказал, этот первый взрыв был не таким сильным, потому что это был такой динамит, который взрывался по частям. Поэтому первый взрыв был еще не таким сильным и разрушительным, то есть ему не удалось с первого раза взорвать историю Баку, но и незамеченным он не остался. Как лобовое стекло «Жигулей», в которое угодил камешек, история Баку потрескалась, но целостность свою еще сохранила. И тогда никто кроме Бога не знал, как долго протянется это «еще», ни бакинцы, ни не бакинцы.

Одно время, когда мне было лет пять-шесть, я долго искал истоки появления этого динамита. И больше всех с этим вопросом я приставал к деду, спрашивал, откуда взялось это слово «чушка», что оно означает, имеет ли оно какое-то отношение к слову «чашка» и т.д. А причиной моего приставания к деду было то, что, когда я при отце произносил это слово, неизменно получал по шее, и он выговаривал мне, что делить людей по этому основанию недостойно советского пионера. Бабушка на мои вопросы четкого ответа не давала и уводила разговор в сторону, что же касается дяди, то это вообще улет, черт дернул меня однажды спросить у него: «Дядя, а что такое «чушка»? Дядя вытащил папиросу изо рта и принялся так ругать этих людей, что через пару минут я просто заткнул уши и ретировался, потому что в школе нам

говорили, что если при вас кто-то ругается, вы должны заткнуть уши и уйти оттуда.

Вот поэтому-то я всегда адресовал свои вопросы деду, подспудно понимая, что ответ на этот вопрос он точно знал, но объяснять мне ему было лень.

И как-то, когда у него было хорошее настроение (кажется, в тот день он, наконец, нашел и купил себе отличную папаху), он, сидя на скамеечке у ворот нашего двора, принялся мне рассказывать то, что знал. Во-первых, сказал он, запомни, что слово «чушка» придумали не настоящие бакинцы, потому что это слово русское, а старые бакинцы до сих пор не понимают русского языка, вот, например, твой дядя на русском, кроме «йоб твою мать» – ничего не знает. Русские называют поросят чушками. Лет пятьдесят-шестьдесят назад, когда я мальчиком работал на нефтяных промыслах, много русских приезжали заработать тут себе кусок хлеба. А они просто обожают свинину. Как только они заводились домом и маленьким двором, сразу заводили свиней. Селились они в основном на Разина. Эти поросята, чушки, как они их называли, все время копошились в грязи и мусоре. Вот тогда-то впервые бакинцы и услышали это слово. Русские очень любили выпить. Как только выходили из промыслов, грязные, черные, в мазуте, сразу бежали в столовые и пили там вплоть до позднего вечера, а затем, шатаясь и опираясь друг на друга, шли домой, громко распевая русские песни. Те, кто мог, добирались кое-как до дома, а пьяные в стельку просто валялись на грязных улицах. И бакинцы, глядя на них, говорили, что эти «сарышки»¹, когда напьются, похожи на своих чушек, любящих копошиться в грязи.

Так я понял, что эпитет «чушка» впервые зародился в Баку в конце XIX века и относился к русским переселенцам. Значит, это мы выяснили.

А теперь перейдем к дальнейшей судьбе этого слова, обладающего динамитной начинкой.

В конце пятидесятых годов советская власть позволила крестьянам свободно покидать свои деревни для получения образования или в поисках работы в городе, и началась массовая миграция в города.

Но как получилось, что эпитет, относящийся вначале к алкашам, вдруг переметнулся и прилип к нашим соотечественникам, прибывшим из провинции? Кто первый назвал их чушками? Бакинцы? Нет, мы уже сказали, что бакинцы никогда не были в ладах с русским языком. Тогда кто? Конечно же, русскоязычное население Баку (мы уже отметили, что в эту группу входили представители различных национальностей Советского Союза и азербайджанцы, получившие образование в России).

Эта группа считала себя наиболее европеизированной и смотрела на выходцев из провинций Азербайджана свысока, считала их отсталыми, а это, ясное дело, никому из них не нравилось. Что же касается коренных бакинцев, то в глазах представителей «прогрессивной» в собственных глазах группы, мы были во сто крат хуже недавно прибывших в город крестьян, но открыто нам в лицо бросить это слово не могли, а если кто-то и смел такое сказать, то сразу получал ответ: «не нравится, езжай свой Россия». Это наш город, как хотим, так и живем.

Но выходцы из районов, чувствующие себя в городе и без того неуютно, не могли дать такого ответа, и как бы ни коробило их это слово, вынуждены были глотать его.

Такое разделение, возможно, было частью имперской политики «разделяй и властвуй», чтобы удобнее было управлять подвластным народом.

Лично я хорошо помню, как вплоть до восьмидесятых годов, когда наши ребята

¹ Сарышка (азерб.) – светловолосые, так азербайджанцы называли людей славянской внешности.

из верхних кварталов в кепках и с четками в руках гуляли по городу, молодежь, и особенно девушки, смотрели на них свысока и насмехались: «Фу, чушка».

Ничего себе, мало того, что пришлые нас обозвали именем скотины, на которую сами и были похожи, так еще и наши безмозглые соотечественники, добившись мало-мальских успехов, начинали вторить им, смотреть на своих же свысока, считали зазорным говорить на родном языке и называли выходцев из районов «чушками».

Все сказанное известно всем, об этом много писалось, много говорилось, так что смысла повторять все это нет.

Мне обидно, что районские видели причину таких обид в нас, коренных бакинцах, и в их сердцах зародилась такая ненависть к нам, что до сих пор это дает о себе знать. Но все это не говорит о том, что конфликтов между бакинцами и районскими не было. Были, и я хочу изучить корень этих конфликтов, понять их причину. А для этого необходимо опять сделать экскурс в историю нашей семьи.

ПЯТЫЙ ФРАГМЕНТ

Первые контакты нашей семьи с выходцами из районов произошли в начале шестидесятых годов. Я все это хорошо помню, хотя меня тогда еще на свете не было. Однажды в холодный февральский день вся наша семья собралась возле бабушки и решала вопрос о сдаче пустующей комнаты во дворе.

Идея пустить во двор квартирантов принадлежала отцу. В нашем дворе были две пустующие комнаты, в одной раньше жил мой прадед, после его смерти она пустовала, и мой дядя превратил ее в личный амбар, где хранил свои слесарные инструменты и дефицитные запчасти к автомобилям. Другая комната с длинной застекленной верандой принадлежала брату моего прадеда Агаверди, но я уже рассказывал, что он был сослан в Сибирь, и бабушка там держала кур. Именно эту комнату отец и хотел сдать квартирантам, и именно своему другу, парню по имени Мирсафтар, с которым он работал на одном промысле. Парень приехал из района и уже несколько лет работал бурильщиком вместе с отцом, квартиру ему государство еще не выдало, и он жил в общежитии. Мирсафтар был женат, и в семейном общежитии жизнь была не сладкая. Вот отец и решил освободить комнату Агаверди от кур и вселить туда своего друга. Хотя в общем дворе и были свои трудности, но сравнить их с общежитием все же нельзя было, здесь была хоть и маленькая, но своя кухня, свой холодильник, газовая плита. Только туалет и баня были общими.

Мирсафтар очень обрадовался предложению друга, но отец предупредил, что вначале нужно спросить разрешения у родителей. Отец, мол, возражать не станет, но у мамы характер тяжелый, и не очень просто будет добиться ее благословения.

Отец был прав. В нашей семье никто не был против того, чтобы кто-то вселился в наш двор, всем этого хотелось, хотя внешне этого своего желанья никак не выражали. Отец старался улучшить жилищные условия своего друга, его совесть коммуниста никак не могла смириться с тем, что в то время, как его друг живет в ужасных условиях общежития, куры преспокойно расположились в такой большой комнате (конечно, если бы куры были так же, как Мирсафтар, коммунистами, отец бы не согласился лишиться их жилплощади, но животных в Коммунистическую партию не принимали, и ясное дело, что как советскому гражданину для него были важнее жилищные условия коммунистов, пусть даже не являющихся бакинцами, нежели бес-

партийных кур). Дед не был против того, чтобы Мирсафтар переехал в наш двор, он собирался на пенсию, знал, что времени теперь у него будет много, и он искал себе компанию, с кем можно посидеть, поговорить, не спеша вспомнить прошлое Баку, о людях того времени и т.д. Известно, что пришлые всегда интересуются историей города, стараются побольше узнать о его прошлом, чтобы как можно быстрее интегрироваться, стать своими и не выделяться на общем фоне. Дед все это знал и рассматривал Мирсафтара как потенциального кандидата на роль слушателя своих баек. Забегая вперед, скажу, что Мирсафтар полностью оправдал его ожидания, он с удовольствием слушал деда, который рассказывал то, что давно уже из местных никто не хотел слушать, поскольку все это уже набило им оскомину, Мирсафтар же никогда не перебивал деда и иногда делал мелкие замечания о том, как те или иные обычаи и традиции существуют в видоизмененном варианте в их районе, что делало их беседы еще более интересными. Я в детстве часто сиживал рядом с ними во время этих бесед.

Что же касается моего дяди, он тоже был не прочь, чтобы у нас появились квартиранты, так как искал кого-нибудь, над кем можно приколоться, знал, что квартиранты будут вынуждены терпеть все его приколы и шутки (правда, все эти шутки никогда не выходили за рамки приличия, я тоже в детстве часто прикалывался к квартирантам и называл Мирсафтара Мирдефтер¹). С этой точки зрения интересы деда и дяди совпадали.

Что касается мамы и тети, они никогда в такие вопросы не вмешивались, как порядочные женщины, воспринимали каждое решение старших как Божий наказ и никогда не высказывали своего мнения по каким-либо вопросам.

Оставалось только согласие бабушки, а это было нелегким делом. Вообще, метаморфозы, произошедшие с бабушкой с появлением вопроса о квартирантах, оказались неожиданными для всех членов семьи. Бабушка, которую все знали, как милую, сердечную, мудрую женщину, неожиданно превратилась в упрямое и агрессивное существо. Будто внутри у нее нажали какую-то кнопку, и она резко изменилась (в ее программе произошел сбой). Конечно же, ни в мире, ни в человеческой психологии ничего не происходит беспричинно, и я, много лет спустя, изучив все за и против, понял эту метаморфозу.

Для себя я именно так объяснил эти изменения. Бабушка только раз в жизни, когда ей было лет десять-двенадцать, выезжала за пределы Абшерона, всю же жизнь она провела в Баку, привыкла к устоявшемуся укладу жизни, к людям, традициям и обычаям, и, как у людей, живущих в маленьком замкнутом кругу, у нее сформировалось мнение, что весь мир, вся Вселенная состоит только из Баку и близлежащих к нему деревень. И круг общения у нее был всегда одним и тем же: соседи, родственники и те, кого она видела на похоронах и свадьбах.

На самом деле изменения в Баку начались после завоевания Азербайджана Россией, и проходили они очень быстро, но надо отметить, ни на местное население Баку и бакинских деревень особого влияния оказать они так и не смогли, и до шестидесятых годов XX века люди жили по своим законам, соблюдая свои традиции и обычаи, изменения, затронувшие все части города, их не коснулись и прошли мимо жителей и в особенности пожилых обитателей этих старых кварталов. И моя бабушка была типичной представительницей пожилых бакинцев, и мысль впустить в свою жизнь посторонних, и не то чтобы впустить, а разместить их под своим носом, за

---

¹ Мирдефтер – дефтер (азерб.) – тетрадь.

стенкой, казалась ей чем-то страшным. А страхи эти были связаны с тем, что она, как я уже говорил, только один раз выезжала за пределы Баку и впечатления от деревенских жителей были не очень хорошими (об этом мы слышали от нее самой), и для нее было неважно, что она тогда была ребенком, и ее впечатления были получены сквозь призму десятилетней девочки – для бабушки все выходцы из районов ассоциировались с ее детскими впечатлениями, все районские одинаковы, и по-другому просто быть не может. Ко всему сказанному добавим, что к тому времени в Баку хлынул большой поток провинциалов, и в тех редких случаях, когда она сталкивалась с ними, пока еще не привыкшими к городскому образу жизни и поведению, это сильно раздражало консервативную бабушку. В общем, не так трудно понять психологическое состояние старушки.

Причину ее агрессивности, по-моему, можно было бы объяснить фактором страха. Не только у моей бабушки, но и у всех бакинцев были такие страхи, но многие в отличие от нее понимали, что процесс этот, при котором в результате миграций разрушались старый образ жизни и культурная аура и зарождался новый уклад, естественен, мир не может оставаться таким, каким он был создан. Бабушка же, то ли в силу своего возраста, то ли оттого, что всю жизнь провела в своем маленьком мирке, жила в страхе, что появившиеся в городе мигранты извратят все, к чему она привыкла, разрушат обычаи и традиции, попрут совесть и честь, и старый Баку просто исчезнет. Поэтому в ней заговорил инстинкт самосохранения, и она всеми силами старалась предотвратить появление в нашем дворе выходцев из деревень.

– Неблагодарные, забыли, как ели свежие куриные яйца, – ворчала бабушка, пытаюсь хоть как-то защитить лишенных крова кур.

– Можно подумать, яйца – дефицитный продукт, – отзывался отец, – магазины забиты ими, покупай, сколько хочешь, и ешь.

От этих слов бабушка взрывалась так, будто кто-то осмелился сравнить ее драгоценности с дешевыми побрякушками.

– Спасибо, – кипятилась она. – Ты сравниваешь инкубаторские с белесыми желтками яйца с янтарными желтками моих курочек? Накормили тебя яйцами с печатью на свою голову, вот ты и осмеливаешься перечить мне.

Бабушка была права, в те годы на птицефермах на яйца ставили маленькую печать – знак качества. Но все знали, что все благие намерения советской власти в конце концов оборачивались против народа. Например, когда люди видели цветную печать на яйцах, то сразу понимали, что это инкубаторские яйца, и желтки в них практически ничем не отличаются от белков, и на вкус они как капроновые чулки.

– Ну, дочь Гасанаги, ты уж не преувеличивай значение этих яиц, – говорил дед миролюбиво, пытаюсь разрядить обстановку. – Можно подумать, если бы этих твоих захудалых кур не было, то мы бы с голоду померли. Слава Богу, я пока работаю, да и дети уже выросли, сами зарабатывают. Живем неплохо. Освободи от кур комнату, пусть этот несчастный переедет туда со своей семьей, избавится от казенного жилья. Он тихий парень, он же бывал у нас, ты его видела, знаешь. Да и потом, он друг сына. Если бы он не был хорошим человеком, сын бы не просил за него.

– Этот, что ли? – бабушка с удивлением, сдерживая раздражение, показывает на отца. – Ты что, хочешь, чтобы я верила его словам? Ему ничего не стоит завтра привести еще и поганого русского, а мы корми и пои его, что-что, он комсомолец или пионер какой-то, разве можно ему доверять?

– Нет, ну что ты сравниваешь наших с русскими или армянами? Ну и что с того,

что он не бакинец? – Дед долгое время работал проводником на железной дороге, объездил все районы и потому хорошо знал, что все мы одинаковы, и не важно, кто где живет. Различия, да и то только в традициях и обычаях, может, и были, но незначительные.

– Не хочу, – сопротивлялась бабушка. – Не нужны мне их ежемесячные тридцать рублей. Не хочу их даров и подарков. Я к своим курам привыкла. И потом, что это вдруг эта деревенщина стала вам так дорога? Он что, вам родня?

– Друг он мне, – голос отца стал мягче, – ну, мам, представь себе, что у твоей старой подруги, – говоря это, отец улыбнулся, – моллы Месмеханым сгорел дом, или еще что-нибудь случилось, и она осталась без крыши над головой. Ты бы отказала ей в крове из-за этих кур? Ну, и я так же. Он мой друг, я вижу, как он мучается в этом общежитии, хочу ему немного помочь.

– Слушай, – бабушка нахмурилась. – Ты что приравнял Месмеханым к этому пройдохе? Она женщина верующая, молится, постится, Коран не сходит с ее рук. Если молла Месмеханым останется на улице, я ее в комнату с курами не поселю, я ей свою комнату отдам, а сама переселюсь к курам, – а затем тихо ворчала себе под нос: – что он говорит, негодяй. Ты посмотри, кого с кем сравнил, – затем она, опять что-то вспомнив, продолжает: – Да если бы не молитвы Месмеханым, неизвестно, где бы мы все были. Каждый месяц я даю ей деньги, чтобы она молилась за вас, Коран читала. И что, это ваше спасибо мне?

Эти слова задели отца за больное место.

– Ну, конечно. Все, что мы с таким трудом зарабатываем, ты переплавляешь молле Месмеханым, а она – своему бездельнику сыну.

Бабушка печально вздыхает, вспоминая о бездарном сыне своей «подруги».

– Ну что делать, крест у нее такой. Иметь единственного сына, да и тот бездарь, наркоман. Не знаю, Богу виднее.

– Это ее дело, пусть сама разбирается. Нечего было в свое время ходить по поминкам и молитвы читать, лучше бы занималась воспитанием сына, – отец возвращает беседу в прежнее русло. – Ну что, освобождаешь комнату?

– Нет, я не разрешаю селить у себя во дворе чужого человека, да еще районского.

– Чего ты боишься, женщина? – вступил в разговор мой дядя, который до сих пор молча перебирал сделанные им новые костяные четки. – Пусть переедет. Если он хороший парень, лишняя пара рук во дворе всегда пригодится. Если же нет, я его проучу, как следует, и пинка дам, так что опять вылетит в свой район.

Наступила тишина, нарушаемая только постукиванием четок.

Бабушка повела разговор в другом направлении.

– Я верующая, намаз совершаю, пост держу. Для меня важно, чтобы двор был чистым. А кто их знает, что они из себя представляют, а если они не чистоплотные?!

– Ты что, намаз посреди двора делаешь? – удивился отец. – Если хочешь, мы в твою комнату отдельно и воду проведем, чтобы ты и омовение перед намазом там делала. Нужно-то, всего три метра трубы. Я попрошу ребят с нефтепромысла, принесут.

В конце концов бабушка не выдержала, поняла, что они от нее не отстанут, и высказала последний аргумент, который придержала на крайний случай..

– Что вы прицепились ко мне? Заставляете меня говорить то, чего я не хочу. Брезгую я их, понятно? Нечистоплотные они. В туалет не ходят.

Так, кажется, это оказалось неожиданностью для всех находящихся в комнате. Все начали с удивлением переглядываться. Что это со старушкой, что она говорит, что значит, в туалет не ходят? Что они, не люди?

Первым опомнился и выразил свой протест дед:

– Что ты говоришь, дочь Гасанаги, я, когда проводником работал, всю республику объездил. – Он на минуту замолкает, будто что-то вспоминая. – Но того, что ты говоришь, не видел.

– Как ты можешь увидеть то, чего нет? В их дворах туалетов нет. Я свидетель, – бабушка озвучила эпизод из одной-единственной поездки в район, случившейся в детстве. – Мы только доехали туда. Я, стыдясь, сказала Гасанаге, что хочу в туалет. Отец тихонько спросил у хозяина, мол, где у вас туалет, ребенок хочет выйти по нужде. А хозяин махнул в сторону огромного двора и сказал, да вон там полно деревьев, пусть сядет под одним из них. Отец сказал, что мы к такому непривычны. А хозяин в ответ, ничего, привыкнет, потому что у нас нет обычая строить туалеты. Я вынуждена была терпеть. Те три дня там были просто мукой.

– А как они сами ходили в туалет? – спросил дядя, которому рассказ показался интересным.

– Да и сами они садились, где придется. Видела я, как взрослые женщины, расправив вокруг себя длинные юбки, сидят под деревом, и плевать им на всех.

– Послушай, – дядя перевел разговор в шутку, – раз они свои юбки расправили, значит, ничего не было видно. Чего им стесняться-то?!

– Не говори глупости, – перебила его бабушка. – А воспитание, стыд? Если у них женщина может спокойно при всех кормить ребенка грудью, о чем вообще можно говорить? Нет, я во двор чужих людей не пушу.

– Мама, мама, – вмешался отец, которому надоела бесполезная болтовня. – Ты пятьдесят лет назад, в детстве, ездила в деревню и все думаешь, что до сих пор там ничего не изменилось, и что все люди одинаковы.

– А что, не так? – сердито ворчит бабушка.

– Конечно, не так. В те годы деревни еще жили по николаевским законам, а сейчас советская власть создала все условия, везде чисто, везде порядок.

– Чистоплотность должна быть в крови, – парирует бабушка.

Опять наступает тяжелая тишина. Отец в этот раз думает, с какой стороны нанести удар по мировоззрению бабушки, дядя думает, чем еще можно отбелить новые четки, дед вообще ни о чем не думает, сидит, уютно устроившись на полу, и поглаживает свои усы. А хорошо известно, если наши мужчины начинают поглаживать свои бороды и усы, то больше ни о чем в этот момент думать не могут, то есть в мозгах начинается небольшой тормоз, так как, по их мнению, борода и усы являются такими мистическими частями тела, что если ты занялся ими, то все остальное из головы надо выкинуть, остаешься только ты и растительность на лице (именно по этой причине они проявляют особую заботу о них. Например, я помню, что когда дед выходил из бани, он всегда завязывал свой рот тонким полотенцем, чтобы усы не торпшились). Может, причиной того, что наши предки допустили в некоторые сферы нашей жизни европейцев, явилось именно то, что они целыми днями сидели и поглаживали свои бороды и усы, вместо того, чтобы как-то сопротивляться...

Вдруг дядя отложил четки и в упор взглянул в глаза бабушки. Все почувствовали, что он, кажется, придумал, как уговорить ее, и отец потом удивится, как это получилось, что такая мысль пришла в голову не ему, а этому повесе.

– Мам, ты же говорила, что в Коране написано, что если один верующий вернет отступника на путь Божий, то он будет восславлен перед Богом. Так вот, и этот парень, и его жена не имеют ни малейшего понятия о Боге, вот и заслужишь у Бога награду, научишь его жену чистоплотности, вере, обрядам и традициям, намазу, посту, Келмейи-шикайет¹, – дядя оговорился, но останавливаться не стал, – расскажешь им про имамов. А она пойдет и расскажет мужу, и они станут такими, как ты хочешь. Ты же видишь, и имя у него Мирсафтар, он является потомком Пророка. Но если ты не хочешь обучать их, значит, ты ослушиваешься Аллаха, значит, ты посту- паешь, как кафир.

Вот так, это был удар ниже пояса, по тому, как она начинает усиленно пере- бирать четки, по слетевшему с ее губ «Не приведи Господь», чувствуется, что ее по- веса-сын припер ее к стенке, и крыть ей уже нечем.

Какое-то время она молчала, но найти, что сказать в ответ, так и не смогла.

– А что вы сделаете с курами?

– Не выкинем же их на улицу. Порежем и съедим, – улыбается дядя, – или со- зови пять-десять женщин во главе с моллой Месмеханым и дай поминальный обед в память умерших родичей.

В тот день к определенному решению бабушка так прийти и не смогла, только утром, собрав всех домочадцев, она объявила свой окончательный вердикт, не под- лежащий обсуждению.

– Комнату вашему другу я сдам, но на застекленной веранде все равно буду держать кур...

По тому, как было объявлено это решение, по ее позе, по решительно сдвину- тым бровям все понимают, что даже если ее близкая «подруга» Месмеханым, или даже сам Аллах спустится с небес и попросит ее, она своего решения менять не ста- нет. Куры неприкосновенны, и все тут. С большим одолжением она объявила, что комнату в 15 кв.м и половину застекленной веранды в 20 кв.м она отдаст, но в углу веранды нужно соорудить маленькое помещение для ее кур. Ну что делать, им будет тесновато. Потерпят.

Первым на абсурдность бабушкиного решения осмелился отозваться отец:

– Как это, комнату сдашь, а на веранде будешь кур держать? А что, эти не- счастливые будут жить рядом с куриным пометом?

– Обойдутся, в районах и без того все люди живут вместе со своей скотиной. Вот Месмеханым в прошлом году ездила на поминки в деревню и сама своими гла- зами видела, что в одном конце дома они сами живут, а на другом – скотину держат. И что? Ты хочешь сказать, что их скотина дороже моих кур?

– Слушай, эта молла Месмеханым... – отец с трудом сдерживает готовые со- рваться слова, вытаскивает из кармана пачку «Космоса» и хочет закурить, но пони- мает, что у него во рту равнодушная ко всему происходящему уже вовсю дымит еще недокуренная сигарета. Вытащенная из пачки сигарета с приданным ей ускорением вылетает в окно, отец, открыв рот, хочет что-то сказать, но тут младший брат с на- двинутой на глаза кепкой подошел и что-то шепнул ему. Отец улыбается, лицо его светлеет, но он старается не показывать виду. Бабушка, почувствовав подвох, пони- мает, что если младший сын вмешался, то обязательно скажет что-то уж совсем не- суразное, что окончательно собьет ее с толку. Заподозрив неладное от шушуканья сыновей, она что-то хотела спросить, но поняла, что эти двое ей ничего не скажут,

¹ Дядя по ошибке называет символ веры – «Келмейи шаадет» символом жалобы – «Келмейи шикайет».

и решает быть просто начеку.

– Ладно, – исчезновение в голосе отца недовольных ноток увеличивает ее подозрение. – Я попрошу ребят, и в эту субботу мы закроем сеткой веранду, так что можешь поселить там своих кур, затем вычистим комнату, чтобы этот несчастный въехал.

Сомкнутые брови бабушки извергают искры.

– А почему вы убираете? Пусть сами все и уберут. Не помрут, небось. Мы им в батраки не нанимались.

Отец опять начинает нервничать, но дядя вновь ему что-то шепчет на ухо, но в этот раз пусть с трудом, но мне удалось расслышать его слова.

– Не обращай внимания. В субботу годовщина ее дяди, так что ее дома не будет. Пусть идет, а мы спокойно поработаем.

Отец опять успокаивается, но по виду бабушки становится ясно, что бабушке не по себе от того, что ее любимец, младший сын, в такой сложной и ответственной ситуации в какой-то мере оказывается предателем. Но признать это открыто ей не позволяет гордость. Собрав подол длинной юбки со словами «Помоги Господи» она встает, берет принадлежности для намаза, чем дает понять, что разговор окончен.

В субботу, когда бабушка ушла на поминки, отец, дядя и ребята с квартала построили и обнесли сеткой маленький участок в углу веранды, соорудив таким образом курятник, и перенесли кур с их апартаментов, где они ежедневно бойко носились, снабжая нас яйцами, в их новый дом.

Дядя говорит, что «заточение» сыграет отрицательную роль в их яйценоскости, так что у бабушки будет лишний повод для ворчания и недовольства. Но ничего, в крайнем случае, можно, стерев печати, подложить им магазинные яйца.

На следующий день отец пошел к своему другу в общежитие и предложил сегодня же собрать нехитрые пожитки и переехать к нам во двор.

Утром, когда бабушка вернулась, Мирсафтар уже заносил свои вещи в комнату, в которой раньше жили любимые бабушкины куры.

Увидев бабушку, закрывающуюся чадрой, Мирсафтар вежливо поздоровался, она, желая сразу дать понять, что недовольна присутствием посторонних в ее дворе, хотела ответить сухо, но присущее всем бакинцам гостеприимство и уважение не позволили ей сделать это, и она, только губами сказав «здравствуйте», машинально добавила:

– Добро пожаловать, сын мой. Да будем мы дружны по-соседски, – сказав это, она стала ворчать себе под нос: – Ну вот, теперь они будут думать, что я просто мечтала о таком соседстве.

Этих слов, конечно, никто не слышал, и она, открыв двери своей комнаты, уже собирается исчезнуть за ней, но решает исправить свою ошибку, и, оглянувшись, окидывает Мирсафтара оценивающим, строгим и недоброжелательным взглядом, но показать свое отношение новоиспеченному квартиранту опять не удалось, потому что тот был увлечен починкой ножки своего единственного стула, который они повредили при перевозке. Бабушка еще больше расстроилась, оттого, что ее рассерженный взгляд не достиг того, кому был предназначен, и все свое отношение к происходящему была вынуждена выместить на несчастной двери, которую она с грохотом захлопнула за собой.

Ну что с ней сделаешь? Кто обратит внимание на твоё хлопанье дверьми? Самое большее решат, что это ветер хлопнул ею. Если тебе есть что сказать, то по-

зови и выскажи все в лицо. Спроси: почему ты, негодник, сбил с истинного пути моего ребенка? Не хочу я, чтобы вы тут жили. Убирайтесь туда, откуда приехали.

Но нет, бабушка никогда так не скажет. Во-первых, потому, что это выходит за рамки приличия, во-вторых, глядя со стороны, посторонние могут решить, что в этой семье право голоса в решении вопросов стоит не за мужчинами и правят тут женщины. В отличие от современных женщин, бабушка никогда и ни за что не могла позволить такого.

После того, как квартиранты внесли все свои пожитки в комнату, бабушка, переодевшись, вышла во двор, насыпала в миску зерна и равнодушно прошла мимо курящего возле своей комнаты квартиранта на веранду кормить своих кур. Этим она хотела сказать, что, несмотря на то, что ты теперь тут квартируешь, я в любое время могу заходить сюда и проводить своих кур.

Ни Мирсафтар, ни стоящий рядом с ним тяжело дышащий отец не обратили на бабушку никакого внимания, мол, пожалуйста, вот ты, вот куры, ходи, когда хочешь, приходи к ним, корми, пои, если захочешь, можешь даже переночевать с ними.

У бабушки создается мнение, что наконец отец образумился и перестал перепорить и спорить с взрослыми. Она даже обрадовалась в душе.

Выходя от кур, бабушка, словно что-то вспомнив, оборачивается к Мирсафтару, смотрит на него испытующим взглядом, затем указывает на конец двора:

– Туалет там.

– Знаю, он показал мне, – он кивает в сторону отца. – И туалет, и баня.

Бабушка сделала три шага в сторону, но внутреннее беспокойство заставило ее обернуться и повторить:

– Вон там, возле лестницы.

О чем она думала, когда говорила это? Может, о том, что новый сосед поленился проделать путь в десять метров и использует для отправления естественных нужд тутовое дерево, растущее посередине двора? А может, боялась, что и отец попадет под его влияние и эти два друга испортят жизнь этого семидесятилетнего тутта и положат конец его спокойному существованию

Да, после того как Мирсафтар и двое его маленьких детей поселились в нашем дворе, больше всего бабушка тревожилась за это тутовое дерево. Каждый раз, проходя мимо старого тутовника, она смотрела на него, как на приговоренное к смерти несчастное существо, и испытывала душевные муки из-за того, что не может помочь и вырвать его из лап неминуемой гибели.

Но как она не смогла смириться с гибелью своих кур, так и с гибелью этого дерева, которое она помнила с тех пор, как, выйдя замуж, переехала сюда, смириться не могла, поэтому она заставила дядю обнести его железной сеткой. Дядя никак не мог понять, зачем ей это нужно, но бабушка настаивала:

– Им доверять нельзя. А вдруг ночью, когда мы ляжем спать, они осквернят его.

– Зачем им осквернять тутовое дерево, если во дворе есть туалет? – удивлялся дядя.

– Ты не знаешь, они ненавидят туалеты. Им нравится ходить под дерево, – бабушка с таким умным видом давала ответы, что дядя поневоле верил, даже жалел старое дерево и, в конце концов, исполнил пожелание бабушки.

Но даже после этого бабушка не успокоилась. За ночь пять-шесть раз она вскакивала с постели, одевалась, выходила во двор и в свете единственной лампочки,

освещающей двор, проверяла, не намочила ли земля под деревом, даже щупала землю и пыталась принюхаться. Одним словом, вся ее жизнь превратилась в сплошное беспокойство.

Но увы, пока все силы ее были направлены на защиту старого тутовника, ее поджидал удар совсем с другой стороны. Через неделю после переезда Мирсафтара у нас во дворе случился переполох из-за того, что одна из бабушкиных курочек сдохла.

Именно тогда случилось нечто странное. Моя тетя, никогда ни в каких семейных дискуссиях не участвовавшая, целыми днями неразлучная с любимой книгой «Пропавшая невеста», никогда не выдававшая своего существования ни словом, ни жестом, я бы даже сказал, ни дыханием, вдруг усевшись на полу и вытянув странным образом ноги, начала выть над телом покинувшей наш мир курочки.

– Вахсей, что теперь будет, как мы скажем маме о этом, она не выдержит этого, эту крапчатую курочку она любила, как своего отца.

Тетя, не зная о сговоре братьев, о том, что в кармане у дяди лежали желтые таблетки, ставшие причиной скоропостижной смерти крапчатой курочки, естественно, видела причину происшедшего в Мирсафтаре и приходила в ужас при мысли о скором возвращении матери, которая уехала к родственникам на семейное празднество, и перед ее глазами вставала картина скандала и истерики, которую мать, несомненно, закатила бы.

– Она нас всех убьет, – причитала она, будто говорила не о матери, а о деду Гасанаге, который всегда ходил с ножом. – На кусочки нас разрежет, и в первую очередь вот его, – указывала она на Мирсафтара, который в растерянности стоял в углу, виновато понурив голову. – Пока не поздно, пусть съезжают отсюда, сию минуту, пока мать не вернулась.

При виде такой истерики отец и дядя немного растерялись, переглянулись с удивлением, и после некоторого молчания дядя повернулся к сестре, выкинув вперед руку, сердито спросил:

– Слушай, тебя кто адвокатом назначил, что ты говоришь от имени матери? Иди, читай свою «Пропавшую невесту».

Совсем непохожее на тетю упрямство обескуражило братьев еще больше.

– Разве время сейчас говорить о книгах? Ты мне скажи, что это случилось с курочкой? Не просто так же она умерла. Откуда знаешь, может, через день-два все они подохнут. Бог знает, что они, – она опять указывает на Мирсафтара, – подсыпали и отравили их.

Во время этого нескончаемого тетиного монолога Мирсафтар виновато смотрел на дядю, будто хотел сказать, говорил же я тебе, все это раскроется, не надо было давать этим несчастным курам эти таблетки.

А тетя никак не могла успокоиться, и ее последние слова, сказанные навзрыд, совсем вывели дядю из равновесия.

– ...Ну, конечно, сегодня они наших кур отравили, а завтра до нас доберутся. Придут и станут хозяевами нашего отчего крова.

– Слушай, ты уже совсем заговариваться стала. Давай, убирайся наверх, услышу еще твой голос, пригвозжу за уши к стенке.

Властные нотки в голосе дяди заставили тетю замолчать, и взглянув еще раз на труп курочки, она тяжело вздохнула, наверное, вспомнила, как покойная при жизни смеялась, играла, или, увидев жестокость брата, подумала о несправедливо-

сти этого мира, короче, что бы она там ни думала, со словами: «Вот увидите, Бог вас накажет» поднялась и направилась к лестнице и, перепрыгивая через ступеньки, скрылась в верхней комнате.

Отец и дядя какое-то время с удивлением переглядывались, глядя на лежащий на полу трупик. Может, в самом деле, это было ошибкой, может, в самом деле, конец этой аферы добром не закончится. Если восемнадцатилетняя сестра, которую все знали тихоней, так бурно отреагировала на смерть курочки, то что будет, когда вернется мать?

Мирсафтар почувствовал что-то неладное в этих взглядах, в горле у него пересохло, он попытался сглотнуть слюну, это ему удалось только с третьего раза.

– Может, сестра права? Возьму детей и уеду обратно в общежитие, – шепотом выдавил он.

– Поздно уже, – покачал головой отец.

В это время во двор с покупками вошла жена Мирсафтара Гюлябятин с детьми – восьмилетним сыном и пятилетней дочерью (дядя с первого дня называл ее Кялбятин¹, и объяснял это тем, что именно так звучит это имя на бакинском диалекте) и увидела под тутовым деревом мрачных мужчин, затем опустила глаза на куриный трупик, лежащий перед ними, и поняла, что стряслось. Покачав головой, она опустила свою поклажу на землю и тяжело вздохнула.

– Я же вам сказала, что нельзя такие глупости делать. Она пожилой человек, как можно такие шутки с ней шутить? И что вы теперь ей скажете? Что она сама померла? Бог знает, какие черные мысли у нее зародятся.

– Ну вот, одну умную спровадили, другая пришла. Куда только деваться от этих женщин? – проворчал дядя, глядя на жену Мирсафтара с деланной улыбкой. – Тебя это не касается, сестра Кялбятин, иди в дом и завари нам хороший чай, с травами, какой у вас в деревне заваривают, чтоб запах был на весь двор. Когда мать придет, мы сами найдем, что ей сказать.

Гюлябятин взяла свои сумки и вошла в дом, и из комнаты донесся ее голос:

– Нехорошо вы поступили. Теперь старушка подумает, что это мы что-то подсыпали курам. Мы только переехали, а она теперь будет враждовать с нами.

«И без того она ненавидит вас. Так что хуже не будет». Эти слова, пронесшиеся в голове, дядя не озвучил, он начал придумывать оправдание, которое могло бы удовлетворить бабушку, и оправдание это должно быть таким весомым, что она должна сразу все принять на веру и ни капли сомнения у нее возникнуть не должно...

– Ах вы, негодники, мало вам места для игр? Тысячу раз вам говорил, чтобы вы не лазали на крышу в туфлях, кир трескается.

Это слышен голос деда, кажется, опять соседские ребятишки поднялись на нашу крышу. А дед это просто бесит. Из-за двух-трех шалопаев, любящих лазать по крышам, кировое покрытие трескалось, и зимой наша крыша постоянно протекала, что доставляло нам массу неудобств.

– ...Ну погодите, попадете вы мне в руки...

От его крика все во дворе вздрагивают. Значит, бабушка с дедушкой возвращаются. По расчетам их ждали к вечеру, но так или иначе, через минуту они войдут во двор, и бабушка увидит труп своей любимицы, опоры семьи, как она ее называла, которая каждый день несла пару яиц, каждое с кулак и...

Представление о том, что будет дальше, зависело только от силы воображения

¹ Гюлябятин – вся в цветах. Кялбятин – плоскогубцы (азерб.).

ожидающих ее мужчин.

Никто четко не представлял исход задуманного ими дела. Отец, когда решил известить кур, не думал о том, что скажет бабушке, и только сейчас, в последнюю минуту понимает, что сказать ему, в общем-то, нечего. Им овладело беспокойство, он зримо представил молнии, извергаемые сдвинутыми бабушкиными бровями, которые, уже сейчас, пронзая время и пространство, испепеляли его тело, и беспокойство это волной расходилось от него, передаваясь всем обитателям двора.

У Мирсафтара от волнения начался зуд, он даже взмок, ему казалось, что, как только бабушка увидит труп своей любимицы, она плюнет ему в лицо, да, да, именно ему, а не своим сыновьям, а может, еще скажет что-то такое, от которого ему лучше уже сейчас провалиться сквозь землю.

Услышав голос деда, тетя открыла окно и выглянула во двор, увидев, что тело несчастной курицы все еще лежит посреди двора, она, кусая губы, в страхе закрыла окно, задернула занавески, но потом любопытство все-таки взяло верх, и она, отодвинув край занавески, уставилась на ворота, будто сейчас в них войдет огнедышащий дракон.

Жена Мирсафтара, не зная, куда деть себя от волнения, помыв одно из купленных на базаре яблок, сунула дочери, чтобы занять ее, а иначе голос плачущего ребенка совсем вывел бы из себя старуху.

Казалось, даже тутовое дерево посреди двора съежилось, и в шелесте листьев его слышались тревожные нотки.

Спокойствие сохранял только дядя. Держа в зубах сигарету, он большим пальцем ноги, выступающим из носка сандалии, шарил в перьях птицы, будто искал там золото. А может, он в чем-то был уверен, но на чем основывалась эта уверенность, он, кажется, и сам толком не понимал.

Весь двор проживал последние секунды затишья перед бурей. Тяжелые шаги все больше приближаются, тук-тук-тук... Тяжелый звук неплотно прилегающего канализационного люка, находящегося слева от ворот, возвестил о том, что сейчас во двор войдут люди. Три, два, один, мотор...

Естественно, вначале вошел во двор впереди идущий дед. Жарко, дед опускает на землю авоську с двумя огромными зыринскими арбузами – дар родственников. Избавившись от этого груза, он снимает свою папаху и платком вытирает пот, прислоняется к стене, чтобы передохнуть, и только после этого окидывает взглядом двор и теряется под тревожными взглядами домочадцев, от его внимания не ускользает и ужас, который он поймал во взгляде единственного глаза дочери, прячущейся за занавеской в верхней комнате.

На какую-то долю секунды деда охватывает страх, он решил, что стряслась непоправимая беда, или младший сын кого-то зарезал ножом, или, не дай Бог, дочь позволила себе какое-то неприличие, или... вдруг он замечает курочку, лежащую в несуразной позе у двери Мирсафтара, и все становится понятным. Как человеку, попидавшему мир, ему сразу становится понятной причина такого встревоженного вида обитателей двора...

Канализационный люк еще раз грохнул, и через две секунды появилась бабушка, усталая, с опущенной головой, по привычке она снимает с головы белый платок и аккуратно складывает его, видны ее волосы, которые от постоянного употребления хны приобрели медно-каштановый цвет.

В это мгновение куры, обустроившиеся в углу веранды Мирсафтара, будто ожи-

давшие прихода бабушки, начали громко кудахтать, словно старались открыть своей хозяйке какую-то страшную тайну или ожидали от нее защиты и поддержки.

Услышав предательское кудахтанье, Мирсафтар еще больше съежился и стал каким-то маленьким, предполагаемый плевков на лице приобрел свойства кислоты и стал жечь кожу...

Наконец на звук кудахтанья бабушка подняла голову, естественно, взгляд ее упал на распластавшуюся мертвую курицу и...

Пятисекундная пауза... бабушкин мозг пытается понять то, что видят глаза, а может, ей кажется, что это дурной сон, видение...

...И снова дед доказывает, что его накопленная годами мудрость срабатывает быстрее мозгов современной молодежи.

– Ты смотри, – с сожалением помахивая кистью руки, говорит дед. – Кажется, опять крысы повадились в наш двор. – Сказав это, он устремил свой взор на крапчатую курочку: – Жалко, такая хорошая курочка была, Аллах знает, какая крыса задушила ее...

Да, крыса, конечно же...

Отец и дядя облегченно вздыхают и удивляются, как это такая правдоподобная версия им самим не пришла в голову. Ведь на самом деле, год назад крысы задушили несколько бабушкиных курочек, и никого не интересовал тот факт, что крапчатая курочка была в три раза больше прошлогодних, задушенных крысами, и на горле у этой несчастной не было никаких следов удушья, и потом, как это получается, что крысы, которых вывели год назад, появились у нас именно тогда, когда к нам переехал Мирсафтар. Но все это было неважно, главное, нашлось оправдание для отца и дяди, приговоривших крапчатую несушку, да и всех остальных кур к смерти. Крысы, да, да, конечно, именно крысы.

Старушка поверит, обязательно поверит.

Чтобы проверить это, полные надежд взгляды отца и Мирсафтара впились в лицо бабушки, тронутое морщинами, пытаясь вычислить ее реакцию.

– Значит, должна была быть потеря. Так тому и быть, – спокойно сказала бабушка, оторвав взгляд от трупа курицы. – Ничего, не беда, главное, чтобы мы все были живы и здоровы. – Сказав это, она направилась в свою комнату, уже у порога она обернулась и сказала еще одну фразу: – Я уже сказала молле Месмеханым, чтобы она прикупила мне еще двадцать-тридцать цыплят, – и закрыла за собой дверь.

От этих слов радостное лицо отца опять сникло. Эти слова означали одно: мол, если вы пытаетесь извести этих кур, я куплю новых, и на этой веранде всегда, до скончания века буду держать кур, и делайте, что хотите, будет так, как я хочу.

Все, находящиеся во дворе, на этот раз почему-то посмотрели на дядю, и у всех в глазах был молчаливый вопрос: если она все равно собирается держать там кур, то зачем нужно было приносить в жертву эту несчастную несушку?

Дядя все понимает, но самообладания не теряет, улыбаясь, он успокаивает всех, мол, не волнуйтесь, она просто так говорит, не собирается она покупать кур.

Тут я хочу сделать стоп-кадр и сосредоточить внимание на моем дяде. Хотя для многих во дворе хладнокровие, которое он сохранял во все время этой куриной возни, оставалось загадкой, я точно знал, что причиной этому является то, что он, в отличие от своих брата и сестры, знал характер своей матери, что и продемонстрировал всем. Хоть абсолютной уверенности у него не было, он знал, что бабушка не станет поднимать во дворе скандал из-за нескольких кур и бесчестить этим себя и

свою семью. Вот поэтому, пока другие члены семьи мучились и переживали, он сохранял спокойствие.

Но, видимо, спокойствие, с которым она приняла кончину крапчатой, было обманчивым, потому что, когда дядя поднял несущку за ноги, чтобы выбросить в мусорный ящик, она высунулась из окна и сказала:

– Жалко, не выбрасывайте ее. Она мясистая. Отдайте его жене, – конечно же, она имела в виду жену Мирсафтар, – пусть приготовит для вас чыгыртму¹, три брата, под водочку и съедите.

При последних словах Мирсафтар в очередной раз вздрагивает (этот несчастный за последний час столько раз вздрагивал, что его жене пришлось насильно вести его на чылдаг²), он никак не мог понять, бабушка говорит «три брата» с издевкой, или же она и его принимает за сына.

Но дяде вначале приходится не по душе это предложение.

– Да выброшу я ее, – протестует он. – Что мы, мертвечину будем есть, что ли?

– А почему нет? – бабушка скрывает ехидную улыбку. – Вы же с удовольствием кушаете дохлых, с лапками и головой, не до конца ошипанных цыплят, продаваемых в магазинах. Твой брат-кямсомолец просто обожает такую курятину. А чем моя курочка хуже магазинных?

Слово «кямсомолец» коробит отца, и в первую очередь потому, что уже больше десяти лет назад он перешел из отряда «комсомольцев» в отряд партийцев-коммунистов, но бабушке то ли было сложно выговорить слово «коммунист», то ли она нарочно называла отца «кямсомольцем».

– И вправду, – дядя поднял брови, как Ньютон, на которого упало яблоко. – Может, сварим и съедим ее. Ну и что с того, что она умерла?

(Я бы хотел дать некоторую справку для малолетних читателей. В отличие от сегодняшних дней, во время советской власти в магазинах на самом деле продавали кур, основной вес которых состоял из лапок и головы. В народе говорили, что этих синих, худых, словно вышедших из концлагеря курочек, умерщвляют током, ошпаривают, кое-как очищают от перьев и прямо с лапками и головой посылают в магазины. Наверное, это делалось для того, чтобы стоимость голов и лап, предназначенных на выброс, тоже изымалась из кармана покупателей. Но как бы то ни было, трудящиеся, не имеющие возможности купить нормальную курицу на базаре, удовлетворялись этими синими куриными трупиками. Лично я в детстве часто ел их. Справедливости ради могу сказать, что в готовых блюдах их вкус ничем не отличался от упитанных деревенских кур. Но бабушка, как человек верующий, совершающий намаз и держащий пост, никогда не ела магазинных кур, так как считала их нечистыми, чтобы мясо можно было употребить в пищу, надо животных резать и чистить по определенным законам, и уж точно нельзя было направлять в магазины с головой и лапками. Так что, когда бабушка говорила о мертвых куриных тушках, она имела в виду именно это.)

– Ну да, – повторила бабушка, – приготовьте и поешьте, ну и к ней, если хотите, парочку синих птиц из магазина прихватите, чтобы она не скучала на сковороде.

Дядя вопросительно посмотрел на отца и Мирсафтар и обрадовался, заметив на их лицах согласие. У них уже текут слюнки, перед их мысленным взором стоят крапчатая и другие, пока еще живые куры, поджаренные на сковороде.

¹ Чыгыртма – блюдо азербайджанской кухни, приготовленное из курицы с добавлением яиц.

² Чылдаг – процедура, когда знахарки снимают с людей испуг.

Дядя возвращается назад и протягивает курицу Мирсафтару, но тут бабушка уничтожает созданную ею самой в воображении мужчин идиллическую картину.

– Куда пошел?! Нельзя ее есть. Ее же крыса задушила. Заразу можете подхватить.

Дядя теряет, не зная, отдать курицу Мирсафтару или выбросить в мусорный ящик. Какое-то время он замирает на месте, через некоторое время он понимает, что старушка загнала их в угол. На самом деле, дяде было жалко выбрасывать курицу, но если они ее съедят, то тем самым дадут понять, что она стала жертвой не крысы.

Дядя осознает, что этими словами она перечеркивает не только возможность превратить эту курицу в жаркое, но и возможность превратить и остальных во вкусные блюда. Бабушка прекрасно это понимает и будто мстит за смерть своей любимицы, насладившись растерянным видом сыновей и их друга, довольная, она возвращается в свою комнату...

Так эта куриная история неожиданным образом благополучно разрешилась. Но я ошибаюсь. Это был еще не конец, в результате дядиной деятельности в течение месяца все куры, жившие на веранде, одна за другой покинули этот мир, и, конечно же, виноваты в том были крысы.

Дядя оказался прав, бабушка отказалась от мысли завести новых цыплят, «мини»-курятник на веранде был разобран, и все помещение было отдано во власть Мирсафтару.

Тут некоторые читатели (конечно же, если кто-то читает эту вещь) скажут: ты же говорил о бакинцах и небакинцах, но в вашем дворе ничего интересного не произошло, только бабушка высказала свое недовольство, да и она, столкнувшись с сопротивлением своих сыновей, пошла на уступки. А где же конфликт? Разве бывает произведение без конфликта?

Правильно, без конфликта нет произведения. Но что мне делать, если в нашей семье эти конфликты не вызывали особого взрыва, потому что, как я уже говорил, поселившиеся в нашем дворе были людьми не чужими, это – друг отца, который и раньше навещался к нам в гости, и наши смотрели на него уже как на родственника.

Но, к сожалению, редко случались истории, о которых я рассказал. Хотя было очень много столкновений между бакинцами и небакинцами, и причину этого я видел в очень простой вещи, а именно в разнице между городом и деревней. Деревенские не хотели понять, что в городе невозможно жить по деревенским обычаям, здесь все устроено по-другому, а городские никак не хотели понять, что те ошибки, которые совершали районские, не говорили об их невоспитанности или неуважении к окружающим, просто нужно было время для адаптации.

Да, к сожалению, ни бакинцы, ни небакинцы не хотели признавать этого, и в душе как тех, так и этих зарождалось неприятие, а порой и ненависть к противоположной стороне.

А с другой стороны, может, это нормальный процесс, и нет тут ничего необычного. Потому что злость и ненависть являются сильнейшими из данных нам Аллахом чувств, и, по-моему, именно эти два чувства питают пассионарность этноса. Злость и ненависть человека к кому- или чему-либо являются обычным делом, должна же биохимическая энергия в крови (другими словами – адреналин) тем или иным путем проявиться. А объектом злости и ненависти становятся в зависимости от историко-общественных условий, то есть они относительно. Предположим, Баку двести-триста

лет не подвергался миграциям. Разве в таком случае бакинцы не нашли бы для себя какой-нибудь объект для ненависти или злобы? Если какое-то закрытое общество не находит выхода своим негативным чувствам, оно направляет его против своих соплеменников, что, собственно говоря, и было. Это отчетливо видно на примере бакинских деревень. В отличие от Баку, абшеронские деревни вплоть до эпохи независимости оставались в стороне от наплыва иногородних и жили своим отдельным мирком. Поэтому все негодование, раздражение, ненависть были направлены на своих же соседей, например, машагинцы не ладили с нардаранцами, зиринцы недолюбливали тюрганцев и т.д. Даже внутри одной деревни один род враждовал с другим родом.

Точно так же складывалась ситуация и в провинциях, и когда начался наплыв людей в Баку, все эти чувства просто поменяли направление. Бакинцы выискивали какую-либо черту характера у новоприбывших и раздували ее до невероятных размеров, а деревенские платили бакинцам тем же, всячески оправдывая свое неприятие друг друга.

Результатом таких контактов становится то, что или пришлые растворяются в новой среде, или растворяют эту среду внутри себя. Конечный результат зависит от силы пассионарности той или иной группы, то есть, происходит естественный отбор, победители завоевывают право на жизнь, проигравшие теряют все. В какой-то степени это можно назвать борьбой за жизнь. Разница только в том, что умирают не люди, а стереотипы, комплексы и нормы, носителями которых они являются.

Именно с этой точки зрения надо рассматривать конфликты между бакинцами и небакинцами, и могу сказать, что вначале бакинцы эту борьбу проигрывали, потому что за последние сто лет с ростом города пассионарность бакинцев заметно снизилась и в умах людей четко проявлялись признаки застоя. Столица активно развивалась: расширялся ассортимент коммунальных услуг, увеличивалось количество объектов среднего и высшего образования, создавались новые рабочие места, активизировалась культурная жизнь и т.д. Улучшение условий жизни способствовало тому, что у горожан отпала нужда в ежедневной борьбе за выживание. Все это убило в бакинцах жажду борьбы, они обленились, а прибывающий поток людей, полных энергии, быстрее ассимилировался.

А теперь рассмотрим психологию провинциалов. Сразу надо отметить, что и тут не обошлось без естественного отбора, то есть из районов прибывали в город не пассивные и ленивые (пассивные предпочитали довольствоваться уже сложившимся образом жизни, нежели приезжать в столицу и начинать все с нуля), а люди энергичные, обладающие высокой пассионарностью, борцы, они были полны решимости утвердиться в новой жизни. Трудолюбие и терпение – это качества, присущие мигрантам шестидесятых годов прошлого века, и если бы не эти их черты, то им бы не удалось, прибыв в Баку в заплатанных штанах, с трудом поступив в вузы, днями года, сталкиваясь с многочисленными трудностями, без своего угла, лет через пятьдесят пустить корни в городе, завоевать себе общественное положение и уважение.

Я бы хотел раскрыть и причины конфликтов среди вышеперечисленных групп. Известно, что люди с трудом переносят чье-либо превосходство в чем-нибудь, это их раздражает, они ревнуют, завидуют, и непроизвольно в их душе зарождается ненависть. Именно так складывались отношения бакинцев и небакинцев – районские втайне завидовали комфортной жизни бакинцев, их свободе в суждениях, раскованности, а бакинцы, хоть и старались не подавать виду, завидовали тяге к знаниям,

науке, трудолюбию, упрямству в достижении целей у деревенских юношей и девушек. Естественно, в таком положении обе стороны старались проявить свое воображаемое превосходство, чтобы как-то удовлетворить свое самолюбие, что и приводило к нежелательным конфликтам.

Но все сказанное апеллирует к сознанию человека, чувства же живут по другим законам. Отношения бакинцев и небакинцев останутся прежними, кто ненавидел, так и будет ненавидеть, кто держал камень за пазухой, так и будет держать его дальше, потому что таким создан человек, и таким он останется до скончания времен. Так что я не собираюсь менять мир посредством нескольких исписанных страниц, как некоторые наши «великие» писатели с большим самомнением, я также далек от мысли поучать читателей (как говорил мой дядя, сам нуждаюсь в таком учителе). Основная моя цель – изучить внутренние причины недовольства и неприятия бакинцев и небакинцев, именно внутренние, потому что все внешние проявления являются проекцией внутренней сущности, находящейся во власти Бога, мы же можем только выявить их. А для этого необходимо рассмотреть каждый конфликт, чтобы выяснить, кто и когда прав. Говоря о конкретных фактах, я, конечно же, имею в виду свою семью и после длинного скучного отступления снова возвращаюсь в наш двор, где появился наш первый районский квартирант.

После того, как Мирсафтар освободился от бабушкиных кур, наши решили, что во дворе воцарились мир, порядок и покой, и больше ничто этот покой не нарушит, и жизнь продолжится в своем прежнем идиллическом русле. Самым главным было ликвидировать недовольство бабушки, успокоить ее, а это было достигнуто.

Но, к сожалению, это было не так, первоначальное ее недовольство каким-то странным образом перешло к моей тете, и восемнадцатилетняя девушка, до сих пор бывшая тише воды, ниже травы, вдруг резко переменилась. Перемена в ее поведении, по-моему, была связана с тем, что она, являясь типичной представительницей юных домашних бакинок, которые привыкли полностью подчиняться взрослым, в данном случае не могла стерпеть того, что бабушка была вынуждена смириться с решением мужчин и впустить во двор районских квартирантов, ей казалось, что братья предали ее и мать и встали на сторону своих деревенских друзей, стали изменниками. По этой причине тетя думала, что в противостоянии этой экспансии она может опираться только на свои силы. Ни братья-изменники, ни аксакал отец, ни потерявшая надежду мать более ей ни в чем помочь не могут, все, что она сделает, сделает только сама.

И девушка, бросив все свои дела, начала следить за Мирсафтаром, его женой и детьми, извращая все их слова, действия, пытаясь затеять ссору, одним словом, как говорят бакинцы, вела себя, как золовка. Отец и дядя не раз пытались успокоить ее, но пресечь эту неожиданно появившуюся агрессию им так и не удалось. В поведении Мирсафтара на самом деле было много черт, не уместяющихся в рамки городской жизни и поведения, и тетя, приводя доводом эти факты, все свое негодование и злость выливала на своих братьев, видя в них единственную причину нарушенной семейной идиллии.

– Они дома разговаривают так громко, будто в поле находятся, в собственном доме покоя нет от их голосов, – чтобы подтвердить сказанное, тетя тащит отца на второй этаж, закрывает входную дверь. Она была права, от голосов квартирантов, находящихся за стенкой, в комнате было невозможно находиться. Новоявленные соседи в маленькой комнате разговаривали так, будто расстояние между ними

составляет, по меньшей мере, пятьдесят метров. – Видишь? – Тетя, как Арабзанги¹ упирается руками в бока. – От их голосов у меня голова раскалывается. Спустись и скажи им, чтобы дома разговаривали как люди, а не кричали, как петухи.

Отец вначале старается успокоить сестру:

– Не обращай внимания, они деревенские, привыкли так разговаривать. Там и дома, и дворы большие, вынуждены говорить громко.

– А мне-то что? Что мне теперь ватой уши затыкать? Раз приехали сюда, пусть приучаются жить по нашим законам, – видя растерянность отца, тетя еще больше разъяряется. – Смотри, если ты не пойдешь, пойду я, и тогда уж я еще от себя кое-что добавлю, чтобы на всю жизнь запомнили.

Отец строгим голосом пресекает это ее желание:

– Ладно, успокойся, выше головы не прыгай, я сам Мирсафтару скажу так, чтобы не обидеть его. И без того они чувствуют себя чужими, не хочу усугублять это их чувство.

– Почему это? – тетя воспринимает мягкость брата за трусость. – Что, боишься этого уroda? Вон наша соседка Ханымджан тоже двоих студентов пустила к себе. Так они ее, как собаки, боятся. Пикнуть не смеют. А чуть что, она сразу сажает их на место.

– Ты что, ровняешь меня с Ханымджан? – говорит удрученно отец.

– Не ровняю, но я хочу тишины в своем доме. С тех пор, как твои друзья живут здесь, ни у меня, ни у мамы покоя нет. Она, бедняжка, молчит, ей стыдно, не может опуститься до замечаний. Вы целыми днями на работе, многого не видите, а эти то радио включают на полную мощность, или сами орут, и дети у них дикие, на днях разбили мамин горшок с цветком. И в туалете после себя не промывают. И ты еще хочешь, чтобы я молчала, мол, они чувствуют себя чужими, нельзя их обижать, нехорошо?

– Ничего, они всему научатся, – отец не может найти других слов, чтобы утихомирить сестру.

– Горбатого могила исправит. Напрасно ты разрешил им жить тут. Перед родственниками, соседями стыдно. Вот, жена твоего друга опять белье вешает, – говоря это, она показывает на жену Мирсафтара, стоящую во дворе перед веревкой. – Бесовестная, сейчас развесит все свое нижнее белье посреди двора, на выставку. И не подумает, что мужчины то и дело заходят во двор.

– Я же сказал, что поговорю с ним, – обещает отец сестре.

Она немного успокаивается, но проходит день, два. Ничего не меняется, квартиранты опять громко разговаривают, дети опять ведут себя, как дикие. Выясняется, что отец так ничего другу и не сказал. Наверное, стеснялся.

Наконец, тетя обращается за помощью к младшему брату, тот, подняв кепку, чешет макушку, потом соглашается и обещает вечером за партией в нарды шутя объяснить все Мирсафтару...

– Да, вот и сабир (то есть са-бир)², – говорит дядя, собираясь в начале второй партии начать щепетильную тему. – Так вот, Шаггулу... (как дядя называл жену Мирсафтара Гюлябятин «Кяльбятин-баджи», так и самого Мирсафтара называл Шаггулу, уж не знаю, брал ли его на прикол, или делал это любя. Отвлекусь от темы, замечу, что, по мнению дяди, бакинские мужчины делились на несколько категорий – Шаг-

¹ Арабзанги – женщина-воин, героиня оперы «Шах Исмаил».

² Са-бир (три-один) перс. В игре в нарды по традиции выпадающие кости называют по-персидски.

гулу, Маггулу и Матышке. Первую категорию он уважал, во вторую входили люди, которых он не любил. Что касается третьей категории – туда дядя определял мужчин, которых и за людей почитать было невозможно, по коей причине они не заслуживали ни уважения, ни ненависти. Правда, была еще и четвертая категория, которая превосходила три другие категории, это были Джайыллар¹, куда входили только заслужившие всеобщий почет и уважение. Хотя внешне дядя этого и не показывал, но себя он определил именно в эту высшую престижную категорию.)... Пянчяк (то есть пянч-йек)² – дядя наконец переходит к сути дела. – Так вот о чем я хочу спросить, Шаггулу, вы почему дома так кричите? Вам что, в ухо сороконожка залезла?

– Кто кричит? Мы? Зачем нам кричать, мы что сумасшедшие, чтобы кричать дома? – Мирсафтар настолько искренне и естественно удивляется, что дядя вначале немного теряется, в его голове пробегают сомнения. Так как он сам редко бывал дома и не имел понятия о страданиях женской половины своей семьи, то подумал, может, сестра дала ему ложную информацию, может, эти несчастные не только не кричат, а вообще говорят на языке глухонемых.

Но в этот момент тишина нарушается, из комнаты, которую занимала семья Мирсафтара, доносится голос его жены, который мало чем отличался от крика.

– Бести, принеси мне оттуда нож.

Дядя слегка вздрагивает. На самом деле ее голос в нашем, привыкшем к тишине дворе звучал очень громко, и дядя, подняв брови, смотрит на Мирсафтара.

– У ребенка что, проблемы со слухом?

– Почему это? У нее хороший слух, – Мирсафтар пока еще не понимает, куда клонит дядя.

– Тогда почему в такой маленькой комнате надо так громко кричать? Пусть зовет ее по-людски.

Голова Мирсафтара, сидящего спиной к своей комнате, непроизвольно поворачивается на сто восемьдесят градусов, заглядывает в открытую дверь, затем с удивлением пожимает плечами.

– А кто кричит?

– Моя бабушка, – с раздражением отвечает дядя. – Я о твоей жене говорю. А что, мы сейчас слышали еще чей-то голос?

– А что она кричала?

Чувствуется, что они не понимают друг друга. Дядя думает, что этот негодяй или издевается над ним, или же строит из себя дурачка. Примерно то же самое думает и Мирсафтар.

– Шаггулу, а что такое крик? Вы всегда дома так разговариваете?

– А как нам разговаривать? Шепотом, что ли? – Мирсафтар пытается защитить свои права на личную жизнь.

– Ничего себе. Я думал, ты человек с понятиями. Если так пойдет, я выкину тебя из группы Шаггулу в группу Маггулу.

Будучи в неведении о существовании человеческих категорий, созданных дядей, Мирсафтар не понимает разницу между Шаггулу и Маггулу и с сомнением спрашивает:

– В самом деле мы громко разговариваем?

– Ну, если и ты дома так разговариваешь, то считай, что все ваши разговоры в нашем доме. Ты про ваши деревенские дома забудь, тут и дворы, и квартиры ма-

¹ Джайыл (азерб.) – «крутой».

² Пянч-йек (пять один) перс. Пянчяк – пиджак.

ленькие. Чуть немного повысишь голос, все вокруг всё слышат. И радио громко не включай. Мама тишину любит. Она намаз совершает, Коран читает.

На несколько минут Мирсафтар задумывается и обещает дяде поговорить со своими домочадцами, чтобы они громко не разговаривали.

Так до сведения наших квартирантов было донесено первое замечание, но привычка – дело сложное, от нее сразу не отвыкнуть. Так и семья Мирсафтара долгое время не могла отвыкнуть от этой деревенской привычки, какое-то время они пытались говорить тихо, а затем снова переходили на крик. Безусловно, все это в крайней степени раздражало мою тетю.

– Они и не думают считаться с вами, – сердилась она то она отца, то на дядю. – Не можете справиться с одной деревенщиной. Он себя ведет так, как будто этот дом его отец построил. Превратил двор в караван-сарай. Сколько у человека может быть родных и знакомых? Каждый, кто приезжает из деревни, прямо с автовокзала напрямик направляется сюда. И вид у них у всех такой, будто топором сколочены. В собственном дворе невозможно посидеть, так и шастают туда-сюда. И в туалет не попадешь, все время очередь там, и все это их гости. Надо ждать ночи, чтобы сходить туда.

На самом деле, к Мирсафтару приезжало очень много народу, видимо, из их деревни он был единственным, кто жил в городе, поэтому все, по каким-либо делам приезжавшие оттуда в город, останавливались у него. Бывало, в их маленькой комнате ночевало по десять-двенадцать человек. Как они там размещались, одному Аллаху известно.

– ...Как будто с гор спустились, как начнут все разом говорить, аж стены сотрясаются. И женщины громогласнее мужчин.

Отцу приходится выдерживать от сестры давление, и он всячески пытается избежать поводов для скандала.

– Ну что я должен ему сказать, не пускай к себе гостей? Некрасиво же. Скажет, вот отдали мне одну задрипанную комнату и теперь помыкают постоянно.

Тетя не сдается.

– Тогда вели им, чтобы не превращали квартиру в караван-сарай, чтобы не ходили сюда толпами.

– Ну как такое можно сказать? – отец защищает своего деревенского друга. – Что он скажет родственникам? Не приходите ко мне? Наверняка, им больше негде остановиться.

– Пусть идут в гостиницу, – неожиданно в голову тети приходит престранная мысль. – Откуда ты знаешь, может, все эти люди и не родственники ему. Просто за деньги сдает спальное место.

Отец не может сдержать смеха.

– Ладно тебе, не говори глупости. Не пустит же он чужого человека ночевать в одной комнате с его женой и детьми. Все его посетители – родственники.

– От них можно ожидать все, что угодно. По мне, так я бы быстро приструнила их. За месяц людьми бы стали.

Такова была моя тетя, с самого начала она не признавала никого, кроме бакинцев, и до конца осталась такой. Забегая вперед, скажу, что через два-три года ее выдали замуж за дальнего родственника, живущего на Кубинке, и сложилось так, что в том дворе, куда она переехала, две комнаты сдавались квартирантам. Но разница была в том, что в отцовском доме ее агрессивность сдерживали два брата, там же

братьев не было, а ее муж-таксист относился к районским тоже свысока. Так что, объединившись, муж и жена издевались над несчастными квартирантами по-черному. Казалось, тетя вылиwała на этих горемык всю злость, скопившуюся еще в отцовском доме, поэтому все квартиранты сбегали оттуда через два-три месяца. Больше того, когда она приходила к нам, она с гордостью рассказывала о своей с мужем деятельности в сфере перевоспитания деревенских, и давала понять, что ставит своего супруга в этом деле выше своих братьев.

– Кязым вам не пара. Его кулак всегда висит над головами этих негодяев. Как только вечером они слышат звук его тормозов за воротами, сразу со страху заходят в свою конуру, запирают двери и выключают свет.

Муж тети имел причуду, если в его такси садился районский, то за проезд он всегда брал на пятьдесят копеек больше, а с бакинцев – на пятьдесят копеек меньше. Через некоторое время улучшение уровня жизни моей тети можно было считать показателем увеличения деревенского населения в городе...

Но пока тетя была не замужем, и братья вынуждены сдерживать ее агрессивные нападки, иногда она бежала жаловаться матери.

– Ну хоть ты скажи, меня они не слушают. Объясни им, что они обязаны приструнить эту деревенщину, пусть ведут себя во дворе прилично, это же им не деревня.

Бабушка молча качала головой, вообще после того, как мужчины пустили квартирантов, пойдя против ее воли, она отстранилась от всего, что происходило во дворе, и оставила за собой только роль наблюдателя. Правда, один раз был случай, когда она вынуждена была вмешаться, и кончилось это схваткой с электрическим проводом. ...

Это случилось в тот день, когда племянница Мирсафтара, приехавшая поступать в вуз, отлично сдав экзамены, прошла в медицинский институт, и как-то так получилось, что в тот день все мужчины нашей семьи отсутствовали...

В тот день и Мирсафтар, и его жена, и приехавшая к ним сестра с племянницей выглядели столь радостными и счастливыми, что, как говорили в нашей семье, потеряли от счастья голову, они радовались так, будто выиграли в лотерею машину.

Ясное дело, что событие это радостное, но через некоторое время маленькая комната в восемнадцать квадратных метров уже не вмещала эту бурную радость, она стала выпирать из всех щелей и вскоре заполнила весь двор, добралась до верхних этажей, что естественным образом начало раздражать бабушку и тетю.

Семья Мирсафтара очень бурно реагировала на это событие, они обнимались, целовались, каждый предлагал что-то, то сию же минуту бежать на переговорный пункт и сообщить об этой радости в район, другие – пригласить вечером всех городских друзей и родственников, для чего срочно заняться приготовлением праздничного обеда, счастливая абитуриентка во всем этом гвалте принялась рассказывать все переживаемые ею чувства во время экзаменов, все это происходило под аккомпанемент громкой музыки, льющей из радиоприемника, детские крики и визги придавали всему этому дополнительный колорит, в общем, описать это буйство словами невозможно, да и надобности в этом нет. Достаточно того, чтобы читатели вспомнили свою радость и эйфорию, когда они или их близкие поступали в институт.

Бабушка и тетя, которые взбивали шерсть в комнате наверху, услышав этот шум, вначале растерялись и испугались, решив, что кто-то умер, но, прислушавшись, поняли, что шум и гвалт, исходящий из комнаты квартирантов, наполнен радостью.

Не выдержав, тетя высунулась из окна, в эту минуту Мирсафтар, распираемый счастьем и гордостью за племянницу, вышел во двор и, увидев тетю, провозгласил с радостью ребенка, нашедшего пять копеек:

– Племянница в институт поступила. В медицинский. Врачом будет.

Не в силах более сдерживать себя от счастья, он непроизвольно вдруг раскинул руки и начал танцевать. Увидев это, его домочадцы прибавили звук и без того орущего радио, и мама будущей студентки вышла во двор и присоединилась к брату под звуки «Сулеймани», а остальные, высыпав во двор, подбадривали их громкими криками и хлопали в ладоши.

Вся эта эйфория заставила бабушку тоже выглянуть во двор, от увиденного она вздрогнула, и первое, что она сказала: «Господи помилуй, что это с ними? С ума сошли, что ли?»

– Племянница его в институт поступила, – ответила тетя нахмурившись.

– Ну и что? Большое дело, – проворчала бабушка. – Взрослый мужчина, как дурак, танцует посреди двора, что-что, племянница в институт поступила.

Она вернулась на свое место, взяла чубук, которым взбивала шерсть, и позвала тетю:

– Зайди домой и закрой окно. Это тебе не театр.

Конечно же, если бы бабушка была, как Мирсафтар, человеком провинциальным, она бы посчитала его радость естественной, но она думала по-другому. Человек может так радоваться, если сына отпускают из тюрьмы, или когда сын приносит домой первую зарплату, на свадьбе, самое крайнее, если машину купили. А это что?!

В те времена среди бакинцев получение высшего образования не считалось чем-то особенным. Да и молодежь особо не рвалась в вузы. Бакинцы выбирали профессию шоферов, нефтяников, ну самое большее – кирщика. Поэтому, если мы попытаемся найти среди ученых, политиков, государственных деятелей бакинцев, то их можно пересчитать по пальцам.

Потому эйфория наших квартирантов казалась странной и для бабушки, и для тети, это их раздражало, и как они ни старались, отвлечься от этого шума, это им не удавалось. А сделать им замечание гордость не позволяла, стыдно. И как назло, никого из мужчин дома не было, чтобы спуститься и объяснить квартирантам, чтобы они поумереннее выражали свою радость.

Вечером к Мирсафтару собрались родные и друзья, чтобы разделить с ними радость. В крошечной комнате собралась куча народа, шум и гам усилились настолько, что в верхних комнатах сидеть уже было невозможно, от шума дрожали стекла. Тетя, прибавив звук радио, попыталась заглушить шумное веселье соседей, но куда там.

Так как отец был в море на нефтяных промыслах, а дед в рейсе, бабушка и тетя ждали, когда вернется дядя, чтобы пожаловаться и прекратить это безобразие. Но через некоторое время поняли, что дядя вряд ли в скором времени вернется домой. Бог знает, где с какими бездельниками бродит, на каком углу, подперев стенку, дымит «Казбеком» или в пивнушке опустошает кружку за кружкой.

Терпение у тети кончилось. Она нерешительно встает на ноги и, выглянув из окна, оборачивается к бабушке:

– Я больше не могу, сейчас спущусь и скажу им пару крепких слов.

– Не надо.

– Почему? Что мне бояться их? В нашем дворе живут и нам же свои порядки

будут навязывать? Хватит уже. Они с утра празднуют, достаточно, уже ночь, пусть ложатся спать.

– Негоже девушке скандалить. Сиди уж на месте, стыдно, – рассердилась бабушка. – Столько мужчин в доме. Брат твой придет, пойдет, поговорит с ними.

Тетя смотрит в окно глазами, полными надежд, как узник, ожидающий своего спасителя, но, кроме кошек, за окном никого.

– А вдруг брат сегодня вообще домой не придет? Что ж мы теперь до утра спать не будем? Должны сидеть и слушать все это? – тяжело вздыхает тетя. – Может, ты сама спустишься?

Бабушка резко подняла голову и, сдвинув брови, так посмотрела на дочь, что та сразу замолчала, поняв всю несуразность своего предложения. Устыдившись, она опустила голову и проворчала:

– Ладно, тогда будем ждать брата.

Какое-то время они обе сидели молча. Бабушка с сожалением смотрела на дочь, чувствуя себя виновной в том, что та лишена покоя в собственном доме, но вдруг она улыбнулась, как человек, который нашел выход из безвыходной ситуации, быстро поднялась и начала что-то искать.

– Что ты ищешь? – равнодушно спрашивает тетя.

После бесплодных поисков бабушка в сердцах воскликнула:

– Ну где же они?

– Что?

– Большие портняжки ножницы, утром я еще с ними возилась.

На лице тети появляется изумление.

– Зачем тебе ножницы?

– Нужны.

– Так они в ящике лежат.

Когда бабушка взяла в руки огромные ножницы, от изумления и страха у тети пересохло в горле, она решила, что бабушка хочет изрезать квартирантов на куски.

«Ну вот, ее отец и дед ножом резали людей, а она решила к этому делу приспособить ножницы. Дай Бог, чтобы все хорошо закончилось». – Все эти мысли молнией пронесли в голове у тети, она вскочила и решила преградить матери путь.

– Заклинаю тебя могилой деда, не делай этого, мама, не надо крови.

– Да уйди с дороги, – властный голос бабушки заставляет тетю отступить, но то, что мать пошла не к дверям, а к окну, совсем сбило ее с толку. Не успев еще спросить, она догадалась, что бабушка решила перерезать линию, по которой в комнату Мирсафтара поступала электроэнергия.

Конечно же, у тети было больше знаний об электричестве, чем у бабушки, но в этот момент единственное, что она смогла сделать, – это кинуться к ней с криком: «Не трогай, убьет».

Но бабушка уже высунулась в окно и не слышала дочь, обхватив ножницами провод, она, что есть силы, сжала их...

Одновременно с искрой, замкнувшей электричество, и мгновенно наступившей темнотой двор огласился криком бабушки: «Вахсей»...

Резко наступила тишина. Тетя зовет бабушку, по ее тихому стону понимает, что та лежит у окна. Услышав бабушкин крик, Мирсафтар вбегает наверх, зажигает спичку и пытается разглядеть что-то в его свете.

– Что случилось с бабушкой?

Увидев бабушку, лежащую внизу, кидается к ней, пытается поднять ее, тетя приносит свечку, зажигает ее, и только после этого, увидев синее лицо старушки, он понимает, что ее ударило током. Но бабушка, уже пришедшая в себя, отказывается от помощи, отсылает квартиранта обратно вниз, сама же, с помощью дочери поднявшись, ложится на диван. По ее виду ясно, что она довольна, как бы там ни было, а тишина во дворе установлена.

Но в душе она дала себе слово, что больше никогда не подойдет близко к линии электропередач. Она и раньше слышала словосочетание «ударило током», но что это на самом деле, толком не знала, ей казалось, что это какая-то горячая тягучая жидкость, текущая по проводам, и когда она решила перерезать провода, решила, что самое большое, что может случиться, так эта горячая вытекшая жидкость может капнуть и обжечь ее. Но случилось то, что случилось. И после этого правая рука бабушки абсолютно потеряла чувствительность и восстановилась только после длительного лечения.

Скажу еще, что в те времена напряжение в сети было не 220В, как сейчас, а почти наполовину меньше – 127В, поэтому бабушка еще легко отделалась, случись это в наши дни, она бы точно рассталась с жизнью.

Конечно же, мужчинам в семье все это было преподнесено совсем в другом свете, бабушка сказала, что, вешая белье, по ошибке коснулась провода, и ее ударил ток.

...Мирсафтар прожил в нашем дворе девять лет, и за все это время бабушка ни разу не сделала ни ему, ни его жене ни одного замечания. Гордость и стыд не позволили сделать этого. Правда, и особой надобности в этом не было, месяцев через пять-шесть они привыкли к нашему образу жизни, приняли его и в какой-то степени стали членами семьи.

Примерно в то же время вышел на пенсию и дед. Первое время он никак не мог привыкнуть к тому, что теперь не надо бежать на работу и у него куча свободного времени. В квартале его ровесников почти не осталось, и он не знал, куда девать появившееся в таком количестве свободное время. То приставал к отцу, просил, чтобы тот ему купил несколько килограммов семечек, чтобы он продавал их на углу квартала, то к дяде, требуя, чтобы он собрал ему старенькую машину, на которой он мог бы халтурить. Естественно, ни одна его мечта не осуществилась, сыновья категорически не соглашались на то, чтобы их отец продавал семечки или занимался частным извозом. В скором времени дед нашел-таки себе занятие. При малейшей возможности он брал в оборот Мирсафтара и рассказывал ему про старое жите-бытье, истории из своей или чужой жизни. В начале своего рассказа я уже говорил, что и сам часто с интересом сидел и слушал рассказы деда о прошлом Баку, о традициях, обычаях, и потихоньку начинал различать в людях не только видимую часть, но и внутреннюю, невидимую.

Но о беседах деда с Мирсафтаром я расскажу в следующий раз. А сейчас... сейчас надо бы отдохнуть. Передохнуть немного...

(Окончание следует)

САМИРА МИР-БАГИРЗАДЕ

ВОСТОК И ЗАПАД В РОМАНЕ ГУРБАНА САИДА «АЛИ И НИНО»

Роман Гурбана Саида «Али и Нино» написан в 1937 году. Он представляет собой краткое изложение дневника героя, охватывающего большой период жизни Али-хана Ширваншира вплоть до его смерти. Роман вышел на немецком языке – автор выступает под псевдонимом, но, судя по содержанию, эту книгу-дневник писал, опираясь на арабские источники, кто-то из семьи, которая относится к древним правителям Баку, а прежде Шамахи – шахам Ширвана, государство которых берет свое начало с III века. Об истории этой династии, а также об истории города Баку написала свои монографии «Государство Ширваншахов», «История города Баку» наша уважаемая Сара-ханым Ашурбейли, талантливый азербайджанский ученый. В книге «Али и Нино» дается много экскурсов в древнюю историю Баку и очень многое из жизни семейства Ширваншахов... Главный герой этой книги – Али-хан Ширваншир из рода Ширваншахов. «Шир» в переводе с персидского означает лев, а окончание «ван» – обозначает местность. Ширван – место львов, где царят мужество и храбрость. Семейная пословица: «Тревожащийся о завтрашнем дне – никогда не станет отважным», изложенная в рассказе одного из потомков этой династии, отражает всю суть и жизнь этого семейства. Символом Ширваншахов на всех атрибутах царской династии был лев. Так описывает Али-хан своего дядю, приехавшего из Ирана в сопровождении трех жен: «...дядя был знаменитым человеком. Насреддин-шах милостиво удостоил его почётного звания «Ассад-ад-Довле» – «Лев империи» и обращаться к нему разрешалось только так». Этот значимый символ рода встречается на протяжении всего романа: одна из жен его дяди – Зейнаб – не могла иметь детей, и ничто ей не помогало. «Её даже свозили в Хамадан. Там, в пустыне, стоит высеченный из красного камня гигантский лев с целебным взглядом, навсегда устремлённым на обширную пустыню. Его высекли по приказу царей, имена которых уже наполовину забыты. На протяжении многих веков женщины совершали паломничество к статуе льва ... в надежде на то, что это принесет им счастье материнства. Бедняжке Зейнаб не помог даже лев». А на вопрос Мелика Нахараряна: «В горах рождаются орлы, а в джунглях – тигры, кто же рождается в степи?», Али-хан отвечает кратко: «Львы и воины».

Любовь Али к Баку, городу его предков Ширваншахов, отражается в замечательных описаниях, характеризующих быт, атмосферу, архитектуру и историю того времени – начала XX века: «Я закрыл книги и поднялся на плоскую крышу дома. Отсюда я мог лицезреть свой мир, массивную стену городской крепости и руины дворца с арабскими надписями на воротах. По лабиринтам улиц проходили верблюды с такими тонкими лодыжками, что мне хотелось погладить их. Передо мной высилась припавшая к земле Девичья башня, обросшая легендами и путеводителями. За крепостью начиналось море – безликий, темный, непостижимый Каспий (Хазар), а за ним простиралась пустыня – зубчатые камни и низкая поросль; тихая, безмолвная, непокоренная – самый красивый в мире пейзаж. Я тихо сидел на крыше дома...Я любил свою

комнату на втором этаже. Стены были покрыты коврами тёмных расцветок, привезенными из Бухары, Исфагана и Кошана. Узоры, сотканые в виде садов и озер, лесов и рек передавали мысли мастерицы – непонятные глазу дилетанта и удивительно красивые для ценителя. В далеких степях женщины собирали растения для этих красок, выжимали длинными гибкими пальцами сок колючих кустарников. Секрет смешивания этих важнейших красок хранится веками, а мастерица зачастую творит шедевр десятилетиями. Затем ковер вывешивается на стену, демонстрируя символы и намеки, сцены из охоты, битвы и орнаменты в виде строк Фирдоуси или высказываний Саади..

Из-за обилия паласов и ковров комната кажется тёмной. Здесь есть низкий диван, две небольшие скамеечки с перламутровой инкрустацией, множество мягких подушечек...

...По дороге из школы домой я часто заезжал в разрушенный дворец. Зал справедливости с необъятными мавританскими колоннадами был пустым и запущенным... Старый город полон секретов и тайн, глухих закоулков и маленьких аллей. Я люблю эти мягкие ночные шорохи, освещающую плоские крыши луну и жаркое спокойное послеобеденное время во внутреннем дворе мечети в атмосфере тихой медитации. Аллах позволил мне родиться здесь мусульманином шиитской веры, последователем Имама Джафара. И коль он так милостив ко мне, пусть я умру здесь: на моей улице, в доме, в котором я родился».

В произведении «Али и Нино» Гурбана Саида показаны два взаимопроникающих мира, два мировоззрения, существующих в сознании героя – это таинственный Восток, который представляет сам герой Али-хан Ширваншир, азербайджанец, мусульманин, получивший прекрасное образование, принадлежащий к древнему аристократическому роду, и любимая женщина героя – Нино Кипиани, грузинка, олицетворяющая христианский западный мир, берущая от жизни все передовое, прогрессивное, не признающая покорности, отрицающая разделение мира на две обособленные половины – «мужскую» и «женскую», что тогда относилось к традиции Востока. Она принимает просветительскую деятельность женщины, которая вносит, как и мужчина, свой вклад в развитие общества, что было также когда-то отражено в традиции классического Востока, когда женщины помогали больным и раненым воинам, занимались общественной деятельностью (Хафса, жена пророка Мухаммеда, сохранившая и принявшая участие в восстановлении и реабилитации коранических аятов, сур, собранных в единую книгу, поэтессы Мехсети Гянджеви, Натаван и женщины-правители, внесшие немалый вклад в развитие своей страны – Сара-хатын и др.).

Мы видим одновременно два совершенно разных мышления, относящихся к Востоку и Западу: Восток, с присущей ему таинственной неспешностью, последовательностью, логичностью, философским пониманием вечности души в познании Вселенной, в противовес прагматичному Западу, где все поставлено на скорое прогрессивное и выгодное человечеству развитию, где все служит только интересам человека и удовлетворению всех его желаний и целей, порой в ущерб природе. В разговоре Али с грузином Дадиани как нельзя лучше раскрывается противоречия в мышлении двух главных героев книги: Али, жителя песков, степей, и Нино, жительницы гор, лесов.

« – У тебя душа степняка, – сказал он (Дициани). – Может, людей нужно разделять именно по этому признаку: на лесовиков и степняков. Восточное опьянение происходит в степи, где люди пьянеют от горячего ветра и песка, где мир кажется предельно простым и беззаботным. Лес же полон вопросов. Лишь степь не спрашивает, не даёт и ничего не обещает. Однако пламень души зарождается в лесу. У степняка один лик и одна истина, которая переполняет его. Лесовик, напротив, многолик.

Из степи выходят фанатики, а из леса – созидатели. Может, в этом и заключается основное различие между Востоком и Западом...»

Али отвечает: « – Мир лесов смущает меня, ваша светлость. Он полон страха и колдовства, призраков и демонов. Не позволяет смотреть вперед и обступает, повернув в темноту. Солнечные лучи теряются в полумраке деревьев, и все кажется ненастоящим. Нет, лес действительно не по мне. И потом, в лесной тени я чувствую себя угнетенным, а шелест ветвей наводит грусть. Мне по душе простые вещи: ветер, песок, камни. Степь лишена прикрас и подобна удару кинжалом. Лес же своей замысловатостью напоминает гордиев узел. Я теряюсь в лесу, ваша светлость.»

Главный герой Али сопоставляет мир женщин Востока и Запада: «Почему лицо Нино не спрятано под чадрой? Удивительно: женщины под чадрой не видно, но её можно узнать по привычкам, мыслям, желаниям. Чадра скрывает её глаза, нос, уста. Душа же остается неприкрытой. Душа восточной женщины ясна. Неприкрытые чадрой женщины – совсем другие. Их глаза, носы, рты и прочие части тела на виду. Но вам никогда не прочесть мыслей, прячущихся за этими глазами, даже если вам будет казаться, что всё предельно ясно. Я люблю Нино, и все же она иногда приводит меня в полное недоумение. Ей нравится, когда на неё заглядываются посторонние мужчины на улице. У приличной восточной девушки такое внимание вызвало бы лишь отвращение».

Али проводит параллели в традициях Востока и Запада, отдавая дань восточным традициям: «Я легко управляюсь с ножом и вилок и знаю, как подобает вести себя за европейским столом. Однако есть многие восточные блюда с отточенным аристократическим изяществом, как отец и дядя – с помощью указательного, среднего и большого пальцев правой руки, не роняя ни единого кусочка даже в ладонь – мне пока не удаётся... Отец, дядя и я сидели, поджав по-турецки ноги, под навесом на плоской крыше, устланной мягкими, причудливо разрисованными коврами. За нами стояли слуги с фонарями в руках. Перед нами на ковре были разложены восточные яства: медовые лепешки, засахаренные фрукты, шашлыки и рис с курицей и кишмишем. Я, как всегда, восхищался утонченностью отца и дяди. Не двигая левой рукой, они отрывали большие куски чёрного лаваша, заворачивая его, и подносили ко рту. Дядя с исключительным изяществом погружал пальцы правой руки в жирный дымящийся плов, сжимал рис в комочек и отправлял его в рот, не уронив при этом ни единого зернышка».

Восток с его изяществом, поэтичностью, соразмерностью и сакральным отношением к бытию и к тому, что создано Всевышним, отражает ту философию, которая сложилась многовековой традицией. Это особенно проявляется в культуре быта, где нет ничего, что отвлекало бы мысли об умиротворенности Вселенной, все устлано коврами, пространство открыто для погружения в мир таинства и гармонии, где можно говорить поэтическими сравнениями, метафорами. Не случайно в получившей широкое распространение религиозно-мистической поэзии суфизма смысл постижения Бога как бы облечен в зримые формы реального образа. Символ божественной красоты находил выражение в исполненном чувственной прелести образе прекрасной возлюбленной поэта. Не случайно широкое развитие в средневековой поэзии получил дискриптивный жанр *васф*, и принцип восточного сравнения – уподобления одних явлений другим, в форме нанизываемых один за другим усложнённых образов-метафор, нередко тяготеет к зрительному, конкретно-чувственному образу.

Поэтические описания не только красочно живописны, они по-своему декоративны, проникнуты орнаментальным видением. Лик земли открывается взору поэта как лента или узор, или как драгоценное изделие. Бытует образ прекрасного покрывала,

роскошной ткани, богатого плаща, узорчатого ковра. Поэты воспевают сад как пестротканую одежду, и рощи, расписанные золотом, деревья, плоды, птицы, созвездия уподоблены драгоценным камням, искусные руки ветров рисуют на текучей воде узоры из пузырьков воды и т.п. Сравнения нередко сведены к изделиям из самоцветов, благородных металлов, вышивкам: ручей – сияющий на солнце «обнажённый меч», месяц – «серебряный браслет», рябь на воде сравнивается с кольчугой, с «посеребрённой, покрытой резьбой колонной», в наступающей ночи река становится «синим ковром, расшитым золотом». С узорчатостью предметов сочетается их светозарность. Этим качеством часто наделяются изображения дворца, правителя, прекрасной женщины.

Здесь проявляется глубокая внутренняя связь, существовавшая между средневековой поэзией и пластическим искусством Востока, искусством миниатюры. Внутренней близости поэзии и искусства сопутствовала взаимосвязанность слова с музыкой, а музыки – с архитектурой и орнаментом. Эта закономерность связи между различными видами творчества в их специфических особенностях художественного освоения мира была выявлена на мусульманском Востоке с исключительно яркой наглядностью.

Так описывает автор зарождавшуюся любовную интригу на Востоке, основываясь на сложившихся традициях его отцов, дедов: «На Востоке любовь начинается у журчащего сельского родника... Девушки каждый вечер отправляются к ручью с большими глиняными кувшинами на плечах. А возле ручья юноши, рассевшись в круг, беседуют о сражениях и разбойниках, не обращая никакого внимания на девушек. Девушки постепенно наполняют кувшины водой и уходят. Кувшины наполнены до краёв и давят на плечи. Чтобы не споткнуться, девушки откидывают чадру и скромно опускают глаза. И так каждый вечер: девушки приходят к роднику, юноши рассаживаются на краю площади. Любовь на Востоке зарождается именно так. Иногда одна из девушек случайно поднимает глаза и бросает взгляд на юношей. Те и ухом не ведут. Но когда девушка вновь возвращается, один из них поворачивается и обращает взгляд на небо. Иногда их взгляды встречаются, а иногда и нет. Тогда на следующий вечер его место занимает другой юноша. Стоит взглядам молодых людей у родника встретиться несколько раз, как тут же становится ясно, что зарождается любовь. Остальное идёт своим чередом: влюбленный страдалец бродит по окрестностям и распевает печальные песни, в то время, как его родня обсуждает калым (приданое для невесты), а аксакалы (мудрые старцы) уже прикидывают, сколько воинов подарит селу молодая пара. Всё довольно просто, каждый шаг обсуждается и решается заранее».

Олицетворение настоящего Востока можно увидеть в описании иранского Шамиранского дворца дяди Али, где явно ощущается дух средневекового мусульманского сказочного пространства, отраженного в рассказах «1001 ночи»: «Ворота Шамиранского дворца были широко распахнуты и, въехав, мы оказались окутанными в облако аромата роз. От голубых плит на стенах исходила приятная прохлада. Мы быстро прошли через сад с фонтаном, из которого в воздух летели серебряные струи. Темная комната с занавешенными окнами походила на прохладный дворец. Мы вышли в сад. Вокруг фонтана цвели розовые кусты, а кипарисы своими макушками упирались прямо в небо. Неподалеку застыл, поглядывая на заход солнца, павлин с разноцветным хвостом. Вдали, на фоне золотого заката белела вершина Демавенда. Я хлопнул в ладоши. К нам тут же подбежал евнух с обрюзгим лицом в сопровождении пожилой женщины, которая сгибалась под тяжестью ковров и подушек. Мы сели в тени кипариса. Евнух принес посуду и воду, и вскоре ковер был усеян изысками иранской кухни».

Восточная средневековая архитектура была присуща большинству исламских го-

родов. Обнесённая стенами цитадель (сооружение крепостного типа внутри старинных городов, замков, внутренний город) феодала постепенно обрастала поселениями, образуя шахристан, где сосредотачивались наиболее крупные административные и общественные сооружения. В свою очередь его опоясывали ремесленно-торговые предместья. В случае надобности крепостные стены городов служили прикрытием для окрестного населения. Такие укрепления на арабском Востоке называли рибатами. С архитектурной точки зрения рибаты представляли собой хорошо защищённые оборонительные сооружения, оборудованные сторожевыми башнями и внутренне обустроенные для того, чтобы дать приют определённому количеству постоянных жителей, которые совершали там, в частности, совместную молитву, отсюда иногда их последующая трансформация в мечети. Арабы приспособивали под мечети сооружения предшествовавших религий, где здания сохраняли прежний облик, но вместо алтаря создавались михрабы. Впоследствии рибатами называли простые укреплённые караван-сарай (этапные стоянки для караванов и центры приёма для купцов и их товаров, возводившиеся либо в необжитом месте, где они предусмотрительно укреплялись, либо в городах, где они могли резервироваться для некоторых товаров или некоторых купеческих объединений). Прекрасные пейзажи средневекового Баку, где жили древние шахи Ширвана, а также внешний город с его современными зданиями можно найти в зарисовках Али-хана: «На самом деле было два города, один в другом, как ядро в орехе. За старой стеной начинался Внешний город с широкими улицами, высокими зданиями, шумными и жадными до денег людьми. Внешний город был построен из-за нефти, добывавшейся из нашей пустыни и приносившей богатство. Там находились театры, школы, больницы, библиотеки, полицейские и красивые женщины с оголенными плечами. Перестрелка, случавшаяся во Внешнем городе, происходила всегда из-за денег. Географическая граница Европы начиналась во Внешнем городе, где жила Нино. За старой стеной улицы были узкие и изогнутые, как восточные кинжалы. Минареты, так не похожие на построенные Нобелями нефтяные вышки, упирались в спокойную луну».

Баку представлен как символ Востока и Запада, где переплетаются и уживаются две разные культуры, два разных мировоззрения, не мешая друг другу и не растворяясь друг в друге, взаимно сочетая толерантность и гармонию двух противоречий. Это выражено также символично и в любви героев Али и Нино, это отразилось и в архитектурных стилях, сочетающих Восток и Запад, это выражено в образе жизни персонажей, это отражено в ментальности самого города Баку.

ЮЛИЯ СУББОТИНА

* * *

И снова – вечер, вечер, вечер.
Подъезд выплевывал меня –
Ненастоящую – навстречу
Почти живым ночным огням.

И снова – восковые лица,
Еще белее от луны.
В груди у каждого – по спице.
Они как сталь закалены.

И я среди них, еще живая,
Напуганная тишиной.
Но каждый вечер доля злая
Крадется по пятам за мной.

Мой сон

Привет, мой сон!.. А я не сплю,
Я прячусь в колыбель твою,
Но ты – чужой, и я – чужая.
Сегодня ночь совсем иная,

Сегодня добрый небосвод
Впустил меня на свой порог
И растворил меня в созвездьях,
Где в облачно-туманной взвеси
Витал и прятался – мой сон.

Твоим шагам я в унисон
Иду по граням лунной стали.
Прощаясь, звезды догорали,
Укрыв меня своим теплом.

* * *

О, как НЕ любить я умею!..

В каком-то душевном затмении,
В затмении мыслей и чувств,
О, как не любить я умею,
И как научиться хочу!..

Я вся в мотыльковом балете,
Устала биенья плести,
Прости, если я повзрослею,
И не повзрослею – прости.

И правду, сродненную с ложью,
Навряд ли в себе отличу,
Когда я, споткнувшись о слово,
О чем-то опять промолчу.

Взросления сумрак невнятный
Удерживать в пальцах, как дрожь.
Кошмары, которые снятся,
Я выплесну в шрамики строк.

* * *

*Мне долго, очень долго до тебя
Шагать по звездным лестницам,
по кручам...*

Мне до тебя дойти – как от беды
Взбежать по звездным лестницам, по кручам...
Ты – там. Я – здесь.

А между нами Случай –
Неразличимый судеб поводырь,

Толкает вверх, нас удержав на скатах,
Предупреждая каждый ложный шаг.
Он знает – я иду совсем без карты,
И каждый шаг – один на сотню шанс.

Я пью шершавый воздух восхожденья,
Он всю меня шлифует, как ножом,
И то, что было оболочкой тела,
Все более становится – душой!..

Как воздух одиночества безлюден!..
К тебе я шла, как верный бедуин.
Я – наверху.

И мне не до иллюзий
В прозрачно-мертвом воздухе вершин.

* * *

Горела ночь с луной – лимонной долькой,
Горела голова от сил, приливших к ней.
Бесшумные такси, негромкий плач ребенка,
Визжащий автомат, штампующий людей.

Сгорела ночь с луной. Пожухлой рваной коркой
Обуглилась рассветная луна.
И только я сижу осоловевшим волком
И вою на застывший город сна.

* * *

Не знаю, сколько времени
продольными-протяжными
сердечными биениями,
глазами жалко-влажными,
маниакальной чуйкою –
меня, тягуче-юркую,
вы будете любить...
Не ведаю о таинстве,
могу предать *всё* – гласности,
в душе все фибры путаю,
и с жабрами в родстве...
Пока салфеткой глаженной
не расстелюсь однажды я
на мраморе побед –
вы будете рассказчиком,
еще невинным мальчиком
в заветности бесед.
Считайте в жилке пульсики,
стыкуйте наши плюсики,
и возлюбите главное –
мое святое «нет».

Болезнь

земля потрескалась сухой кожей,
шуршат на ней пружинящие кошки,
сливаясь с вяло-пестрою листвою
и капля грозно виснет коматозной
налившейся грозой
костры пыхтят едучей гарью,
колышется сирень небес,
и с мира тихо, понемножку,
дневная сходит спесь
и сумерками мятой тканью
накроет постепенно весь
квартал домов
и невидимку-кошку
глотнем ночного яда ложку
посыплем солью свежий срез –
бурли, бессонная болезнь!..

* * *

Я себя хороню средь обрывков газет,
Среди горных потоков от высохших слез.
Обо мне погрузит незнакомый сосед,
Что вчера ложку соли по просьбе занес.

Вижу – теплое майское утро стоит...
Чьи-то липкие, влажные руки,
И уста, что мне шепчут:
    «Бог всех нас простит –
Нам придумавши новые муки...»

Вот квартира,
    вот дверь,
        вот моя пустота.
Вот окно, что не раз разбивали удары,
И взлетали стеклянные ввысь облака
И щепки хрупкой, некрашеной рамы.

Я себя так корю, так виню без конца,
Нет начала у этой истории скучной.
Жизнь калечит невинного сорванца,
Горе делая с ним навсегда неразлучным.

...Дребезжит еле слышно мой старый звонок.
У порога нескромно расселся сосед.
И сказал, словно выучил трудный урок:
«Вашу смерть освещают
    семь сотен газет!..»

МИХАИЛ ПАВЛОВ

(Из цикла «МОНОЛОГИ ДУШИ»)

Шестое Чувство

1

...Вместе с ангелами
    – такими белыми! –
Бесы пели мне колыбельную.
И свершалось Вселенское чудо:
Обреталось
    Шестое Чувство.

То ли благом, а то ли бременем
Будет новое это зрение?..
Над кроватью парили перышки,
Опадали, темнели, спекшиеся...

А потом – раскатились шарики,
Как на елке, блестяще-жаркие.
Учащенно на них дышали мы...

...Ну, конечно же –
    просто сон!
Только чуть поднывал висок...

...И не спросивши меня –
 хочу ли?.. –
 Бесы привили
 Шестое Чувство.
 Мы ж не хотели
 и не просили!..
 Бесов прививка –
 невыносима!

Мне бы иллюзий
 чувства простого.
 С кем разделю я
 ясность Шестого?
 Любят же люди –
 так, без усилий...
 Бесов прививка –
 невыносима!..

И по плечу ли
 нам озаренья?..
 Новых предчувствий
 новое зренье?
 Новая явность –
 кто я и с кем я?..
 Видеть изъяны,
 как под рентгеном.

Ясность Шестого
 больше, чем тело.
 Словно в бездомье –
 нотами стены
 Я обтекаю
 в звуке вибраций,
 Небо руками
 шупая в раме.

Неба икона
 в крышевой жести...
 Как незаконно
 в душу вторженье!..
 Мы ж не просили,
 и не хотели
 Чуда насилья –
 стать больше тела!..

Но постепенно
 я понимаю:
 Дар не бывает
 дан без вниманья.
 Бесы-провидцы
 знают причины,

Сделав прививку
неизлечимой.

Сумрачность дара –
в неба свеченьи.
Дар совпадает
с предназначеньем:
Выправить души
взглядом ребенка...
Бесов подарок –
в неба обертке.

Человек траншей (Бессознательно-пацифистское)

...Ничейная земля пропорота в воронки.
Мы врыты вглубь траншей,
чей грунт смердяще-рыхл.
Живые кормят вшей,
а кто не похоронен,
От страха задубев, собою кормит крыс...

Мы врыты вглубь траншей,
лежим и ждем сигнала.
Мы до корней вросли в тугую плоть земли,
Сжимая сталь стволов, упрямо и устало
Мешая жесткий мат с наивностью молитв...

Немногим помогла молитва капеллана,
И смерть не отпугнул суровый взгляд икон.
Мы все сидим и ждем условного сигнала,
Который саданет по коже наждаком.

За проволокой – лишь изглоданное поле,
Земля, и та насквозь изодрана свинцом.
В траншеях места нет забывчивому Богу,
С его всегда не к нам повернутым лицом!..

...Мой друг убит вчера. Над фото руки стиснув,
Он письма сочинял все ночи напролет.
Остались лишь часы. Но им недолго тикать,
И циферблат уже подернул тонкий лед.

Он звездно был влюблен.
«Звезду застрелишь разве?..», –
Вольноопределён, любил он повторять.
Грязь выдерет листы из скомканной тетради,
И та же грязь сожрет любви кудрявой прядь...

Разговор

Телефонный аппарат
родственен исповедальне...
Трубка на витках шнура –
где-то в трубке голос дальний.

Что так трудно распознать...
Мир двоится, как в тумане...
И дwoятся имена
в неразборчивой мембране.

Эхо пауз... «Через час...»
Голос, словно через вату...
Трубка ляжет на рычаг,
как утюг, тяжеловата.

Телефонный аппарат –
дырки в диске или кнопки...
Доползти бы до утра
через вязкость этой ночи.

Ангел-хранитель

(Монолог поклонницы)

Истрепалась жизни нить,
В петлях вся сомнительных...
Мне бы ангела сменить,
Ангела-хранителя.

Сбился ангел мой с пути,
Спутал навигацию.
А ему б меня найти
Вроде полагалось бы...

Зависает между крыш
В несказанной горести,
Стали перья белых крыл
Черными от копоти.

И в проем оконных рам
Он глядит, замешкавшись,
Чтоб скривились флюгера
Ржавую усмешкою.

Виснет, потерявши счет
Закономным разностям...
Снова ломит мне плечо
Груз нелегкой радости.

**«То ли этот?..
То ли та?»
Истрепался нимб его...
Не работа – маета
Ангелу-хранителю!..**

**Расчудесны чудеса
В дебрях сада райского!
Только слабы небеса
В плане картографии.**

**От утра и дотемна
Виснет и планирует...
Нету четких мет и дат
Ангелу-хранителю!..**

**Кривизна небесных линз,
Слаб он в навигации...
Может, мне ему с земли
Крикнуть полагается?..**

**Услыхал!.. Затрепетал!..
Кувыркнулся кубарем!..
Что-то там пролопотал,
Ткнувшись прямо в губы мне.**

**В голубином вираже,
В несказанной радости,
Вывалил в моей душе
Всю котомку праздника!..**

**И теперь у нас ажур,
А не мука адова!
Я на прочих не гляжу –
На других, на ангелов...**

ЭМИЛЬ АГАЕВ

ЗАЧЕМ НАМ ВНУТРЕННИЕ ВРАГИ? НАМ ХВАТАЕТ АРМЯН!

Прочитал – оппозиция выразила свое сожаление по поводу награждения в связи с юбилеем национальной журналистики некоторых независимых и оппозиционно настроенных работников СМИ. И прежде всего – редактора газеты «Ени мусават» Рауфа Ариф оглу. Мол, как же так – получил награду из рук власти, которую возглавляемое им издание критикует. Мол, неверно это! Коли стал на тропу войны, стой до конца. Примириться можно с человеком, но не с существующим режимом, написал, в частности, в интернете экс-глава партии «Мусават» Иса Гамбар.

Октябрь и Февраль

То, что оппозиция (как и ее СМИ) должна всегда стоять «по ту сторону баррикад», быть всегда и во всем не ЗА, а ПРОТИВ правительства (независимо от того, право оно или нет) – мнение это традиционное, известное.

Как известно и то, к чему это приводит.

Об этом очень хорошо написал Солженицын в «Августе 14-го» и «Красном колесе», в которых он показал атмосферу тех лет, отношение к Царю и Отечеству, развал армии и страны. А главное – то, что февральская революция с ее либерально-освободительными идеями, идеями свободы, выродилась в массовый антипатриотизм и погромы, в жестокость, подготовила почву (и, собственно, даже привела!) к Октябрьской революции.

Это открытие главного советского диссидента, помню, в свое время вызвало (да и вызывает сейчас) чувство крайнего удивления. Ведь мы-то – советская интеллигенция, та, что была настроена против сталинского и послесталинского «кэзгбешного» режима и с надеждой смотрела на демократический Запад, всегда считали, что, наоборот, Февраль был «хорошим мальчиком», в отличие от «плохого мальчика» – Октября...

И, что немаловажно, это открытие русский писатель сделал на основе изучения архивов, хранящихся на Западе, оно прозвучало впервые на Западе, на знаменах которого начертано «свобода» и «демократия» – как вещи абсолютно прогрессивные, полезные!

Пиф-паф

Механическое перенесение существующей не одно столетие практики западной многопартийности, или двухпартийности (сменяющих друг друга «партий власти», у нас – *дуэлей двух буржуазных партий*, как писал Ленин) на нашу почву после развала СССР изначально приняло уродливую форму.

Партии стали плодиться, как грибы после дождя. И лозунги большинства из них

были – только смена власти, только свержение, немедленные (и, разумеется, кардинальные!) реформы во имя демократии и свобод, без умения предложить что-то конкретно РЕАЛЬНОЕ – только размытый в благих намерениях наступательный, настырный, упрямо однозначный ПАФоз – **пиф-паф!**

И в царские времена, и в годы гражданской войны, и в послереволюционные годы, ну а уж после развала СССР тем более ни к чему хорошему это, как известно, не приводило. Разве что – к неоднократным сменам правительства (как в АДР). Ну, а потом, как известно, уже в сталинские времена последовал откат к МОНОвласти, борьба с «партийными уклонами».

Вот такое принципиальное – давнее и, увы, твердое, уходящее в нашу историю заблуждение, в котором соединились две, казалось бы, противостоящие, взаимно исключающие друг друга вещи – **ЛИБЕРАЛИЗМ** и...**РАДИКАЛИЗМ**.

Культ упрямства!

Читаю в интернете:

«Упрямство начинается с простого негативизма, когда в форме отрицания ребенок или взрослый отказывается выполнять те или иные требования. В корне упрямства – потребность самоутверждения и неуверенность в себе».

Упрямство – это отсутствие конструктивности. Обманчивая твердость. Непризнание авторитетов. Неумение быть гибким. Нежелание подчиняться объективным требованиям. Упорство наизнанку.

Не правда ли – ну как раз прямо про нашу оппозицию!

«Что за детская наивность – выставлять собственное нетерпение в качестве теоретического аргумента!», – писал в свое время Энгельс, имея в виду тупое упрямство, торопливость в достижении каких-то своих целей НЕСМОТЯ НИ НА ЧТО!

А это уже высказывание из наших дней – о том же самом:

«Не люблю людей твердолобых, упертых...Он кайфует, он, видите ли, с принципами, никогда не изменял, никого не предавал. Тоже мне – героизм!».

Эти слова произносит замечательный актер Калягин в нашумевшем фильме Расима Оджагова «Допрос».

Фильм хотели запретить – мол, там показана такая коррупция, такое воровство в особо крупных размерах!

И, мне рассказывали, кто и как этот фильм спас. Смотрят фильм члены Политбюро – все против. Гейдар Алиев? За ним последнее слово. Все взоры обращены на него. И что же? Выслушав всех, Гейдар Алиевич высказался неожиданно...в защиту фильма. Сказал: «А что, разве это не правда, разве такого у нас нет?!». И он находит неожиданный – даже для авторов фильма! – выход (верный, точный, простой – и кинематографически, и политически).

А именно – предварить фильм титрами: в Азербайджане ведется борьба с **негативными явлениями** (в те годы все нежелательное и даже преступное называли этим общим термином) и далее что-то в разъяснение этого. Вот и все! В результате фильм был принят, прошел и соответствующие высшие инстанции в Москве, вышел в прокат...

Первопричина

Известна толерантность азербайджанцев, их поразительная терпимость. Как и

готовность с уважением, преданно, искренне воспринимать власть, несмотря даже на несправедливость, своеволие отдельных ее служителей (с умением, в связи с этим, выразить и свой протест).

А вот у нашей оппозиции всего этого не было и нет! И, как мне кажется, первопричина ее хронической слабости, ненужности, бесполезности как раз в этом. В ее механической, формальной, демонстративной политической конфронтации, агрессивности по отношению к существующему порядку вещей, к существующей власти В ЦЕЛОМ.

Не отличая в ней, во власти, плохое от хорошего (а оно ведь есть!). Склонность только ее пинать, нежелание хоть как-то, хоть в чем-то пойти ей навстречу, договориться, хоть как-то, хоть в чем-то поспособствовать ей...СТАТЬ ЛУЧШЕ!

Любая такая попытка воспринимается в стане оппозиции как соглашательство, уступка, предательство, перебежка на сторону «врага». Только свержение, только немедленные (и, разумеется, кардинальные!) реформы без способности, повторяю, что-то понятно, конкретно, РЕАЛЬНО предложить самим.

Наша оппозиция и прежде, и теперь потому и бессильна, что она замкнута на самой себе, варится в собственном соку. Далека от народа!

(Мне могут сказать – да в чем же нынешняя, полуживая, если не сказать больше, нынешняя оппозиция может помочь власти? Отвечаю. Да хотя бы тем, чтобы...не мешать, не путаться под ногами! Пусть тот же Джамиль Гасанлы занимается историей, пишет книги, это у него получается куда лучше, чем занятие политикой!).

Мы – не Они!

Вроде бы, все логично. На то и оппозиция, чтобы находиться В ОППОЗИЦИИ. Зачем оппозиции (и ее СМИ) помогать власти, когда она, оппозиция (и ее СМИ), заинтересованы, наоборот, в обратном – чем хуже для власти, тем лучше для нее!

Да, это правильно – по канонам политической жизни Запада. Но ведь мы-то – не Запад. Другая история, другие традиции, другая ментальность. Другое общество...

И задачи, стоящие перед нами (нефтяной кризис, Гарабах, наша независимость, соблюсти которую крайне сложно, потому что мы находимся на перекрестке мировых геополитических интересов), эти задачи иные. Они требуют не столкновения лбами каких-то политических сил, борьбы за власть, а национального согласия, сотрудничества.

...Знаете, что больше всего огорчило и удивило (обрадовало) лично меня на недавних Евроиграх? Огорчили призывы радикалов, в поддержку Запада, к бойкоту Евроигр. А обрадовало... даже не блестящая организация Евроигр Баку-2015, не победы наших спортсменов (хотя, разумеется, и это тоже). Меня порадовало то, что отовсюду – на улицах, со зданий, в подземных переходах убрали цитаты из Алиевых. Сделано это было, конечно, по инициативе самого Ильхама Алиева, который, искренне и горячо любя своего великого Отца, как человек умный и высокообразованный, судя по всему, понимает, что переизбыток цитат-памятников, возводимых рьяными служаками, дабы отличиться самим, способствует не возвеличению образа основателя современного Азербайджана – скорее, наоборот...

Если власть стала на путь очищения своих рядов от всего того (и всех тех!), что (кто) ей мешает, если она пытается в нынешние, ох, сложнейшие времена – и внутри страны, и в регионе, в мире вообще! да еще под огнем отовсюду проармянских «снайперов»! – отстаивать свою независимость, национальные интересы страны, разве это

не требует общенациональной поддержки?!

Ну, а для СМИ – это просто работа, их профессиональный долг!

«Я читаю все!»

Так, как известно, сказал Ильхам Алиев на недавней встрече с членами Совета по прессе. Сказал прямо: *«Мои помощники пытаются скрыть от меня некоторую информацию, но и они видят, что я осведомлен обо всем. Потому что я слежу за средствами массовой информации и сайтами и читаю все. В этом плане я заинтересован в продолжении нашего сотрудничества».*

Об этом журналистам сообщил не кто иной – как раз главный редактор газеты «Ени Мусават» Рауф Арифоглу, тот, кого шельмуют сейчас за близость к властям.

А ведь президент подчеркнул, что СМИ (все!) незаменимы в процессах управления и проведения реформ, в том числе в деле борьбы с беззаконием и произволом чиновников.

Вот мнение Гамида Гамидова, талантливого журналиста нового поколения:

«Со 100%-ой уверенностью могу заявить, что выступление Ильхама Алиева знаковое. Он дал четко понять, что не нужно бояться критиковать чиновников. Если есть проблема – нужно писать о ней, пытаться исправить. Вполне возможно, что лично Президент прочитает эту информацию. Президент сам говорит – критикуйте, помогайте мне! Если есть факты, если критика по делу – вперед! Эти слова должны стать неким меседжем для многих моих коллег. Надеюсь, что редактора многих СМИ задумаются над словами Президента. Пора уже отходить от желтизны, которая стала визитной карточкой львиной доли наших сайтов. Давайте будем полезны обществу!».

И естественен вопрос. А нужны ли в таком случае власти, президенту, вместо критически настроенного «Ени мусавата» или, скажем, независимого сайта хаггын.аз, еще один «Ени Азербайджан» или еще один «Бакинский рабочий»?

(Говорю это не в обиду последним – у них своя информационная функция: быть зеркалом официальной жизни страны, ее своего рода исторической «летописью»).

***

...Наверняка те политики, те журналисты, которые относят себя к оппонентам власти, давно уже втайне, внутри себя прекрасно понимают – альтернативы нынешней власти нет. А потому, сойдя в 90-х годах с «паровоза», который куда-то там летит («в коммуне остановка»), следует не пытаться сейчас, в веке 21-ом, сесть в комфортабельный, скоростной экспресс Запада, который ведь тоже летит черт-те куда (да и место в нем для нас не гарантировано)...

Наши исторические традиции, ментальность, само нынешнее не просто сложное – сложнейшее время требуют национального согласия, консолидации, сложения все сил... Зачем нам внутренние враги? Нам хватает армян!

Политический РАДИкализм? Да с чего это, ради чего? Радикализм ради радикализма?

Это не просто вредно и глупо – смешно!

ТОФИК АГАЕВ
С каждой звезды по лучику
(Афоризмы)

Поэзия – свет посреди света.

Поэт – не от мира сего. От мира поэзии.

Человек, влюбленный в Поэзию, поэт наоборот.

Только в поэзии соль сладкая.

Без стука в дверь входит Муза к поэту.

Насильно Музе люб не будешь.

И восходит, и заходит солнце Поэзии.

Капелька поэзии все стихотворение красит.

Поэзия, как светляк, в стихах светится.

С каждой звезды по лучику – поэту Поэзия.

Поэзия – восьмой цвет семицветной дуги.

Поэзия светит вместе с солнцем.

Старая любовь Поэзии – старушка-луна.

В тени Поэзии также светло, как на свету.

Стихотворение без Поэзии – небо без звезд.

Поэзия и сердце – одной аурой светятся.

В саду Поэзии розы не вянут.

В глуби огня, похищенного Прометеем, пылала Поэзия.

Вход в Поэзию – только поэтам.

Солнце надевает очки перед ослепительным светом Поэзии.

Все дороги литературы ведут в Поэзию.

ЖЕМЧУЖИНЫ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ПОЭЗИИ НА БЕРЕГАХ ФИНСКОГО ЗАЛИВА

В этом году в Финляндии увидела свет антология азербайджанской поэзии «Я – жемчуг, в раковине скрытый» (название – строка из стихотворения Насими «В меня вместятся оба мира...»), широко представляющая азербайджанских поэтов от Хагани до наших дней.

Составитель, редактор и инициатор издания сборника – Таира Джафарова, писательница, известная переводчица финской литературы, член Европейского союза литературных переводчиков (СИЭТЛ), Союза писателей города Тампере и Союза писателей Азербайджана. Таира Джафарова родилась в Баку, выпускница Литературного института им. А.М. Горького, ныне живет в Хельсинки. Переводческую деятельность начала в восьмидесятих годах прошлого века, первая ее переводная книга вышла в Москве в издательстве «Иностранная литература». В ее переводах с финского на русский язык вышло несколько антологий финской поэзии, прозы и драмы, юмористических произведений. Она переводила произведения таких известных финских писателей, как Алексис Киви, нобелевский лауреат Силланпяя, современный классик Вейо Мери, популярных современных писательниц Софии Оксанен и Розы Ликсом, обладательниц самой престижной в стране литературной премии «Финляндия» и многих других.

Поэтические переводы, вошедшие в антологию азербайджанской поэзии, осуществили лучшие финские поэты – Ханну Мякеля (лауреат премии «Финляндия»), Лееви Лехто, (известный поэт, издатель, переводчик Омара Хайяма и Джеймса Джойса), Юкка Маллинен (поэт, переводчик и общественный деятель), Тимо Малми (писатель, поэт, литературовед), а также сама Таира Джафарова.

Финские переводчики работали на основе подстрочников, тщательно и профессионально подготовленных Т. Джафаровой. Прделана большая работа, в которой переводчики стремились воспроизвести не только духовное содержание азербайджанской поэзии разных эпох, но и все особенности ее изоцированной версификации, стихотворных размеров и характера рифмовки выдающихся мастеров слова.

В состав антологии вошли стихи 27 поэтов, среди них классики средневековья – Хагани, Низами, Насими, Физули, Сабир, Натаван, а также стихи талантливых азербайджанских поэтов XX века, пострадавших от сталинских репрессий, таких, как Гусейн Джавид и Микаил Мушфиг. Представлены в антологии и такие крупнейшие азербайджанские поэты XX века, как Самед Вургун, Сулейман Рустам, Расул Рза, Бахтияр Вагабзаде, Нигяр Рафибейли. И, конечно, в антологии помещены стихи наших современников, любимых читателем, таких, как Фикрет Годжа, Камал Абдулла, Вагиф Самедоглу, Рамиз Ровшан, Чингиз Алиоглу, Вахид Азиз, Мамед Исмаил, Насиб Набиоглу, Гамлет Исаханлы, Сабир Рустамханлы, Зелимхан Ягуб.

В книге приведены биографические справки обо всех поэтах, а предисловие дает финскому читателю представление о «Стране огней», знакомит с Азербайджаном, с этапами развития и яркими достижениями его поэзии. На обложке книги воспроизведена старинная азербайджанская миниатюра «Первая беседа влюбленных» (в антологии представлен перевод отрывка из великой поэмы Низами «Лейли и Меджнун»: «О том, как Лейли и Кейс полюбили друг друга», переведенный из-

вестнейшим финским лириком Ханну Мякеля).

Переводы финских поэтов два дня подряд звучали по финскому радио YLE 1 в программе «*Raivan Mietelause*». Это первое (но будем надеяться, не последнее) представление поэзии Азербайджана в Финляндии, ставшее возможным благодаря бескорыстному энтузиазму финских друзей азербайджанской литературы.

Сегодня мы представляем на наших страницах двух известных финских поэтов, взявших на себя основную работу по переводам для антологии – Ханну Мякеля и Лееви Лехто.

* * *

Известный финский поэт Ханну Мякеля родился в 1943 году в Хельсинки. Окончил педагогический институт. Долгое время (1967–1986) работал в крупном издательстве «Отава», сначала редактором, затем завотделом художественной литературы и, наконец, директором. Х.Мякеля – автор многих книг (более 200 наименований). Творчество писателя многожанрово: стихи, проза, драматургия, радио- и телепостановки. Значительное и особое место в нем занимают книги для детей, получившие всеобщее признание и любовь читателей. Вклад Ханну Мякеля в финскую детскую литературу значителен, в своих книгах он изобразил мир, в котором главенствуют свобода и дружба, а любая история имеет счастливый конец.

Роман Ханну Мякеля о финском поэте-классике Эйно Лейно «Мастер» получил высшую национальную премию «Финляндия» (1995). Кроме того, он лауреат Государственной премии по литературе (1974, 1976, 1981, 1982, 1988), Государственной премии по молодежной литературе (1974), премии Эйно Лейно (1982), премии Северных стран по драматургии (1983). Его книги переведены на 16 языков.

В качестве издателя Х.Мякеля часто принимает участие в книжных ярмарках, писательских встречах. Мне выпало удовольствие однажды быть его переводчицей. Это были незабываемые дни, так как мне тогда посчастливилось оказаться в обществе двух известнейших детских писателей Финляндии и России – Ханну Мякеля и Эдуарда Успенского. Та встреча стала началом их дружбы. В своих поэтических книгах Х.Мякеля, как и большинство финских поэтов, предпочитает верлибр, свободный стих. В то же время он блестяще владеет традиционным рифмованным стихом, что, в частности, проявилось в его переводах азербайджанских поэтов, вошедших в антологию азербайджанской поэзии «Я – жемчуг, в раковине скрытый», опубликованной в Финляндии в этом году.

ХАННУ МЯКЕЛЯ

Из сборника «Мечта номер 5»

***

**Пью чай,
смотрю на мерцающее в окне ненастье,
облокотившись на шаткий стол.
Я одинок и счастлив.
Здесь, на горè, куда, наконец, добрел,
старец гор и мудрец
с добрым словом для всех,**

в трудный час всегда с дорогим советом.
Внизу в долине течет река,
воет ветер, и голос душевных ран,
тех, что старался зарыть поглубже,
все-таки слышен
из-за непрочных стен.
Река лениво струится навстречу ветру,
и я пью остывший чай, улыбаясь.
Здесь, где я оказался, коли так случилось.

* * *

Со всех сторон встает можжевельник,
старый, могучий,
как напоминанье о том,
что эта гора в скалистых уступах
раньше была островом,
бунтующим против моря.
Я, сын моря,
плаваю здесь
безмятежней, чем прежде.
Море исчезло, возникло озеро.
Озеро осушили, но получили не поле,
а топкую пролежь, предназначенную для птиц.
Они – здешние жители.
И когда бекасы скрипят
хвостовым опереньем,
с ободрением я им кричу:
– Летите, летите, защищайте свои угодья,
сторожите зорко,
не подпускайте сюда никого, никогда!

* * *

Про себя бормочу,
брожу среди ночи, вглядываюсь,
и повторяю слово «счастье»,
за которым и страх,
и потеря.
Почему я этого не понимаю,
я, кто так давно
искал этот дом,
строил планы,
бодрствовал ночи напролет,
мечтал и удивлялся:
что же будет, в конце концов,
с новейшим моим проектом –
«Мечта о счастье Номер пять»...
(Или это уже Номер шесть?..)
И когда я вновь бодрствую и по горè блуждаю,
то вижу, что мог потерять –

боюсь, еще больше.
Потому что нельзя человеку
привязываться сердцем ни к месту, ни к вещи, –
как говорит Он, который всё знает.

* * *

Дом снова издает звуки,
слышно, что наверху кто-то ходит.
Не прежний ли хозяин,
огорченный произошедшею переменой?
Никак не найдет покоя,
хлопает и скрипит дверями –
наверное, не может никак поверить,
что здесь его время давно истекло.
А может быть, вовсе не так.
Мы ведь всюду только мгновенье,
и жизни за кругом круг наплывает.
Вот еще один оказался в самом конце.
Поэтому сейчас кто-то
необычайно осторожно прохаживается в прихожей,
а кто-то покашливает,
словно просит извинения за беспокойство,
словно сообщает,
что и он хочет только самых простых вещей:
дома, тепла, еды и защиты...
Кто бы с ним поделился всем этим.

* * *

Сонный снег покрывает дом,
ветер гудит снаружи и в печи свищет.
На сирени несколько упорных листьев, на вербе се-
режки,
хотя река только начала схватываться ледком.
Я петляю исхоженными путями,
прощаюсь с деревьями и кустами,
как это делал уже не раз,
кланяюсь мечтам,
в которых за мгновением целая жизнь.
Не верь, не обманывайся, только живи.
Мечтай и надейся, жди и надейся
как говорится в конце книги,
еще скользят паруса по морю,
если на земле не находишь места.
Когда в тумане, а когда в буране,
стою на крыльце и смотрю вдаль,
как и положено дозорному на корабле:
что там показывает улетающий ветер?..

**Прощай, прощай –
или, может быть, до свиданья.
Ветер шумит, взмывает снова,
теперь небеса прояснятся.
Для путешествия хорошая будет погода.
Какая разница, большая ли компания, главное –
хотя бы миг продержаться вместе.
Всего лишь три часа, а уже темнеет.
Когда год поворачивается на петлях,
становится совершенно темно.
Надо пройти сквозь это, выстоять на открытых водах.**

Перевод Таиры ДЖАФАРОВОЙ

* * *

Известный финский поэт, переводчик и издатель Лееви Лехто родился в 1951 году. Окончил Хельсинкский университет, где изучал математику и политическую историю. Широко известен в Финляндии как переводчик – кроме поэтических произведений, перевел множество романов, мемуаров, философских сочинений.

Одна из наиболее ярких и значительных его работ – перевод знаменитого романа «Улисс» Джеймса Джойса, требующий изощренного мастерства и огромной эрудиции. Этот классический роман европейского модернизма XX века в его переводе составляет 1000 страниц. (Въедливые журналисты даже определили вес изданного перевода романа – 1549 грамм!..) За эту работу Л.Лехто получил литературную премию MKS «за точнейший и виртуозный перевод».

Среди поэтических переводов Л. Лехто получили известность его переводы рубаи Омара Хайяма, они были отмечены премией молодежного литературного журнала «Нуори войма».

И, наконец, Лееви Лехто с большим мастерством перевел всю классическую часть нынешней антологии азербайджанской поэзии. Работая над ней, он самым тщательным образом изучал существующие английские и русские переводы азербайджанской классики, а также старался вникнуть в своеобразие тюркских оригиналов, стремясь сохранить все особенности стихосложения и поэтики. Так же, как и Х.Мякеля, Л.Лееви проделал всю эту огромную работу совершенно бескорыстно.

Л.Лехто работал главным редактором поэтического журнала «Тули/Саву» («Огонь/Дым»), был председателем поэтического объединения «Нихил интерити» и ведущим в проектно-организационной группе Поэтических конференций Хельсинки. Он известен также, как представитель дигитальной (цифровой) и звуковой поэзии, много сделав для их развития своими смелыми экспериментами. Лееви преподает курс поэзии в высшем учебном заведении «Крииттинен». Является членом редколлегии Бразильского поэтического журнала «Сибилла» и вспомогательным редактором американского Электронного Поэтического центра (ЕРС).

Стихи Лееви Лехто переведены на английский, португальский, шведский, норвежский, датский, русский и китайский языки. Сам он также пишет стихи на английском, его англоязычные сборники «Lake Onega» («Онежское озеро») и «Other poems» («Другие поэмы») изданы в 2006 году.

В 2007 году Лееви Лехто основал издательство «Ntamo». В этом издательстве и вышла в свет первая антология азербайджанской поэзии на финском языке под названием «Я – жемчуг, в раковине скрытый».

ЛЕЕВИ ЛЕХТО

Необитаемый остров

Прошу – и жемчуг соберешь в подарок.
Копье на солнце преломлять напрасно.
На сочленениях потертых ясно
Видны следы полученных ударов.

Я молодость сравню с наделом, с полем.
Родится ли в глубинах утра вечер?..
Когда я набираю в буквы ветер,
Солдатики стоят фонарным строем.

Я снова начинать не стану просто.
Ведь схема – это вам не панорама.
Как паузу, страницу я открою:

Пишу, верчу, крою, стираю, рою...
О, время, воротись!.. Ты видишь – прямо
Необитаемый скользит к причалу остров.

Перевод Элеоноры ИОФФЕ

Финские коммунисты в Карельской АССР

Стоял 1910 год
Дни сменялись днями
А сам я вернулся в Вааса и мне сразу дали месячный отпуск
И тут произошло нечто невероятное:
В камере было 18 квадратных метров и столько же мужчин
В Дубровке я участвовал в лыжных гонках на 10 километров и выиграл
Так я остался на морозе в одной рубашке
Тут комиссар прекратил допрос и выстрелил начальнику милиции в лоб
Короткое, продлившееся всего один год, семейное счастье разбилось
Я не знаю, почему эта дама была арестована
Но так как наши фамилии еще не были
Внесены в список, мы решили, что ничто не помешает нам скрыться
И вот мы уже на берегу Онежского озера
Все было в образцовом порядке
В воздухе разлит смрад военного коммунизма
Не хотелось останавливаться, хотя кляча дымилась, как паровой котел
Проходят выборы Комитета горной промышленности
Начальник школы Александер Инно принимает полковника
Военная школа выстраивается для манёвра
Саломая подходит к столу, покрытому красной тканью
И вся эта ложь, длинная, как отсюда и до Петрограда
Но судьба устроила так, что часть господ руководителей находилась на

Другом мероприятия в клубе у Финляндского вокзала
Я, кстати, сам был на месте и все видел:
Процесс был издевательством
Но тут снова разлука
Говорят, что финн не поверит, пока не попробует
На хуторе не было никого, кроме двух сержантов Саволакского
егерского
Полка, которые промывали свою тоску по дому свежей бражкой
И тут я увидел, какие сладкие денечки начались для господ-начальников
Из компартии Финляндии
Рядом с какао, салом и манкой
Но ветер веял над ними
При обыске в доме нашли сорок пять женских тел
Верхним была жена вышеупомянутого офицера
Но как говорил сам Ленин...
Этому воззванию последовал только я с одним своим другом,
Который тоже не страдал особо тоской по дому
Но позади меня остался сарай с запахом пороха
И я был единственный, кто оттуда вышел
А преподавателем физики и математики назначили электрика
Тему Каллио
И услышав это, хозяйка принесла
Свежеосмоленные лыжи каяанского типа
Но была же рабочая власть в Карельской АССР
Я довольно быстро изменил свои взгляды, но было уже поздно
Пришедшая утром на работу скотница ничего не заметила
И получилось, что весь скот был отравлен мышьяком...
И я даже не знаю, смогли ли они попасть
Обратно в Финляндию.

Перевод Сергея ЗАВЬЯЛОВА
